

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

«Лукоморье»

2025

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2025

© Copyright 2025 by authors.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the authors.

ISBN 978-1-7690889-0-9

Design and Artwork:

Graphics:

Naum Vinarskiy

Cover design:

Joseph Edelman

Zalman Shmeylin

Literary Creative Association

“LUKOMORIE” Inc.

Printed in Australia

Melbourne

2025

ПОЭЗИЯ
ЯИЗЭОП

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор 23 поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих международных литературных премий. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Болгария). Указом Президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины. Главный редактор журнала «Новая Немага литературная». Почетный член Союза писателей Беларуси и

Союза русскоязычных писателей Болгарии, член Союза писателей России. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Стихотворение... Тихотворение...
Слова о слово неслышное трение.
Полудыханью дыханья дарение...
Тихотворение... Стихотворение...

День начинается... Жизнь начинается.
Будто слезинка, росинка качается.
Женщина тихо во сне улыбается...
Жизнь начинается... День начинается.

Вещего слова явление вечное...
С ним бесконечно, что вечно конечное.
Вновь возвращает пропавшее зрение
Стихотворение... Тихотворение...

Тихая женщина с взглядом печальницы,
С бледным лицом не улыбки-молчальницы,

Строчку услышав, замрёт на мгновение...
Стихотворение... Тихотворение...

Всё по-иному теперь понимается –
Все мы конечны, а жизнь не кончается.
Ждёт нас, как божее благословение
Стихотворение... Тихотворение...

Это осень пришла... Как обычно – не поздно, не рано.
Загудело в трубе, и завыли своё сквозняка.
Поздно даже туда, где Онегин влюбился в Татьяну,
Где зовут на дуэль из-за нежного взмаха руки.
Где живут на разрыв, где в цене только честь и Держава,
Где и царь волочится за ветреной той Натали.
Ну а если и слава, то только посмертная слава,
А без славы попробуй, гордыню свою утоли...
Но года промелькнут, и не станет гусарского класса,
Загремит Маяковский, палить призывая в толпу.
-- Сколько лет? – Восемнадцать!
– Учился?... – Дык ента... Два класса...
-- Назначаешься классиком... Текст получи в ГПУ...
И попробуй, скажи тем приверженцам мистификаций:
«У такого романа и автор, конечно, титан.
Ну а этот – безлик, вечно пьян, и в речах – не Гораций...»
И услышишь: «Клевещешь!.. И Моцарт был изредка пьян...»
Это осень пришла... Будто женщина в жёлтом халате.
Всё смешалось – проблемы, обиды, иные дела...
А с экрана – война, фестиваль и турнир в Цинцинатти,
Новость – порнозвезда в сорок лет, наконец, родила...
Не до славы теперь... Это осень пришла... Это осень...
Не до мыслей о светлом среди ненаписанных книг.
Помнишь, как ты шептала: «Родной... Я люблю тебя очень...»,
Как звенела струна и Христос нам явился на миг?
Впрочем, я и в душе – не Онегин, и ты – не Татьяна,
Это осень пришла... И кружит поржавелый листок.
Эта женщина мне всё дороже, хоть реже – желанна,
Так всегда в сентябре... Остальное прочтёшь между строк.
И кого укорять в том, что белое сделалось серым,

И что трудно ступать, если спину размять не успел,
Что у осени этой сегодня иные манеры –
Слово скажешь, в ответ: «Будь доволен, что всё ещё цел!..»
Так случается... Что ж... Так сегодня и осень случилась.
Отгрели оркестры... Наружная хлопнула дверь.
Ты дарована мне, будто Божья дарована милость,
Мне и верить не нужно, ты осени просто поверь!

Что может быть проще, чем спрятаться в роще,
Где съёжились лозы, как древние мощи,
Где ветер над рощею в небе полощет
Последние листья... Что может быть проще?

Что может быть лучше, чем солнечный лучик,
Который с трудом, но пробился сквозь тучи,
Сквозь чёрные кручи и ветер колючий
В беде неминучей... Что может быть лучше?

Что может быть хуже, чем чёрные лужи,
Чем ворон, который над рощею кружит,
Когда эти лужи внутри и снаружи...
Что может быть в миг одиночества хуже?

Что в жизни светлее, чем крестик на шее,
Чем Слово, что делает души теплее,
Чем профиль родной на пустынной аллее...
Пусть мрачно кругом... Но что в жизни светлее?..

Настала осень, хоть ещё жара,
Всё так же лучезарны вечера,
И лишь слегка прохладнее к закату.
Заметнее, что стал короче день,
Да чуть длиннее – тень и полутень...
И больше фруктов купишь на зарплату.

А остальное – нет, не ерунда...
Сказала: «Нет!» та женщина, что «Да!»

Так много раз напрасно говорила.
А я не слышал ласковых речей,
Лишь повторял, что я – ничей, ничей...
И женщина, согнувшись, уходила.

И вот теперь бунтуют плоть и кровь...
Сам повторял: «Судьбе не прекословь,
Любовь одна, но разных женщин любишь.
Меняются черты и имена...»
А оказалось – женщина одна,
А жизнь – тот самый сук, который рубишь.

И всё смешалось – осень и тоска,
И тот комар, звенящий у виска,
И эта тень вселенского разлада.
Так хочется не думать ни о чём,
Но ангел наклонился над плечом
И повторяет: «Милый мой, так надо!»

И ты стоишь, не нужный никому,
Струится свет, но видишь только тьму,
И чувствуешь предзимнюю тревогу.
Так много слов, а нечего сказать...
И Лермонтов припомнился опять --
Там, где один выходишь на дорогу...

СОСЕДИ

Нынче вспоминается всё чаще
Трёхэтажный наш кирпичный дом,
Шурка Бобух в курточке кричащей,
Дядя Гриша пьяненький при нём.
Эрик Асмоловский с голубятней,
Дядя Лёня с вечным домино...
Мне сегодня сделалось понятней
То, что душу наполнило давно.
Помнится – весь дом за дядей Лёней
Прибегал... Тот мрачно брал ключи...
Каждый мнил, что он – не посторонний,
Каждый торопил: «Сильней стучи...

Слышишь – Эрик Галку бьёт нещадно,
Как она, бедняжечка, орёт...»
Дядя Лёня, ключ находит: «Ладно...»
Двери открываются... И вот
Галка в синяках, в ушибах тело,
И «ночнушка» порвана к тому ж...
Но кричит: «А вам какое дело?
Ну, ударил... Он на то и муж...»
И соседи, взгляды опуская,
Проклиная этот свой порыв,
Уходили – баба, мол, дурная! --
Осторожно двери притворив.
Мне поныне видится сквозь годы –
Дядя Лёня в стареньком пальто,
Что твердит растерянно у входа:
«Не зовите больше, если что...»

Искажённый свет сквозь призмы окон
Искажает свет других окон...
Тишина... Уснувший женский локон
В белизну подушки погружён.

Сон ушёл. И хочется так мало
В час, когда ты мучишься без сна –
Чтобы тишины не искажала
В тишине другая тишина.

Чтобы, в немоте равновеликом,
Крике, что рождается в груди,
Было всё моим неслышным криком –
Без кричаний вдовьих впереди.

Чтобы что-то светлое взметнулось
К свету, где начало всех начал.
Чтобы утром женщина проснулась
И шепнула: «Как ты тихо спал!..»

В стороне от единственных глаз,
От единственных рук и дыханья,
Я слабеющим духом угас,
Все порывы отдав на закланье.

Мне казалось – ты скоро придёшь,
Улыбнёшься, прижмёшься щекою,
Но разлуки зазубренный нож
Каждый миг нависал надо мною.

Мне казалось – стучали... пришла...
Только сумочку бросит в передней.
Но стущалась вселенская мгла,
Да смеялись в квартире соседней.

Я бежал на волнующий звук,
И душа по передней металась.
Только сыпалось Время из рук –
Мне опять, мне опять показалось.

И, вконец позабыв про покой,
Всё мечусь, не скрывая бессилья,
От одной пустоты до другой,
От безкрылия и до бескрылья...

АСЯ АКСЕНОВА

Поэт, филолог, литературный критик. В издательстве «Стеклограф» в 2022 году вышла книга стихов «Глаз стрекозы».

* * *

Все строчки в моей голове — их уже написали когда-то
Другие поэты, лихие, чужие ребята.
Бежал Ходасевич по минному полю, по лужам,
Мычал Мандельштам и кричал, что не нужен, не нужен.
И все закорючки, помарки, смешные ошибки —
Все было уже. Сигаретой болгарскою «Шипка»
Уже затянулся герой, и уже намочил покрывало.
Украли Елену уже, и кому-то Даная давала...
Мои акмеисты, дурные, больные поэты
Брели за околицу в осень, и в зиму, и в лето,
Уже предавали, уже замочили, убили,
Уже в безымянной земле схоронили, закрыли, забыли...
Все страсти, любви мои — пережиты когда-то
Другими людьми. Меж граблями мечась и лопатой —
Уже забывали спросить, говорили в потемках,
Крутили затертую магнитофонную пленку,
И ставили, ставили, ставили песни чужие —
На магнитофон, граммофон, патефон и планшет. Ворожили,
Вскрывали третичные смыслы вторичным страдальцам.
И тихо хрустели озябшие нервные пальцы.
Все книги мои — их давно написали другие,
Пока я лежала в мыслительной злой летаргии,
Картины висят по музеям, и музыка льется...
Мое — но чужое — похабно и звонко смеется.

И я объясняюсь родными чужими стихами,
И я говорю: «Подождите, куда вы? Бог с вами,
Фиг с вами, хрен с ва... Не теряйте излучин, уключин!»
Вы слышали лепет паучьего злого беззвучья...

* * *

Перестать вышивать, вязать и плести макраме. Потому, что отпущено столько, что не успеть. Перестать покупать колечки и бусы, а что обронишь в траве – то траве и подаришь, но можно ронять в Исеть, в Енисей ли, в Темзу, или в Аму-Дарью, можно в Сену и Рону (а почему бы нет?) Можно сбросить сережку с моста, можно жгучий свет сохранить (за которым следует чернота). Перестать покупать запасы из всяких круп. Перестать покупать на вырост (ну да, ха-ха, застегни вот тут и здесь – ну конечно, жмут). Перестать считать, что ты вечно пребудешь тут. Перестать откладывать на день, на месяц, год. Перестать планировать жизнь и беречь живот. Перестать ожидать от смертных, что не умрут. Перестать считать свои жизни, ведь ты не кот.

* * *

Прорастает – не прорастает – поди пойми.
Снежная кутерьма в облаках – людьми
Не понятая – в этих землях обратная связь,
Как нитка, оборвалась...
Колосья, как волосы, спутаны, сжухли, корни их сплетены.
Груды набухли у той, что с косой, и глаза темны
У девы, что косит в снегу гниющие колоски.
Зови ее Девой войны, пока кто-то стреляет с руки,
Бьет с ноги, отводит прядку со лба, автомат от плеча.
И подушка снежная ему горяча...
В мокром, талом, горячем, черном, кровавом снегу
Как ему спится? Слышит ли он пургу,
Что вокруг стеной? Нет, не слышит уже – только вой
Дальних волков. Ему снится – как в детстве – летний приборой...
Вот уж фигурки – только желтый зимний закат.
И никто никому не друг, не товарищ, не сват, не брат.

... Дева Войны в дырявый бидон сцеживает кровавое молоко.
Ей ведь тоже, как и всем, сейчас нелегко...

* * *

«А может, лучшая победа над временем и тяготеньем
Пройти, чтоб не оставить следа...»

М. Цветаева

Не лучшие, не худшие победы –
Смотреть, какая долгая зима.
И шифровать стихи, рифмуя беды,
Чтоб не сойти с ума.

И все-таки сойти, и обернуться,
И увидеть, как рушатся дома.
И закричать, заплакать – и проснуться –
И окончательно сойти с ума...

Затем брести заснеженной долиной.
И наблюдать, как подступает тьма,
И замечает снег погост старинный,
И на могилах бесов кутерьма.

Затем уснуть, затем в бреду проснуться,
Порадоваться: жив, и есть ночлег.
Понять, что окончательно рехнуться
Не выйдет. И пойти почистить снег.

* * *

Когда приходит ночь, а с ней приходит страх,
Тяжелый липкий страх о десяти углах,
Куда ни ткнешься – он, врывающийся в сон,
И некуда бежать, нигде не слышен звон
И стон колоколов, нигде не ярок свет.
Слепа, нема, глуха одна из тех планет,
Где люди, словно вши, и гадят, и кишат.
На сгибах рек, как рук – лишь крики лягушат.
Неси меня, река, за дальние края.
Прорвись за облака, где вдруг увижу я
Зеленую траву, и солнце, и лучи
Сквозь ветви тех деревьев, куда летят грачи.

Неси меня, река, излучина, душа –
Неси туда, где жизнь, как прежде, хороша.
Неси меня сквозь страх, сквозь ночь и мерзкий сон.
Неси меня туда, где колокольный звон.

* * *

...А душа совсем не успела раскиснуть, намокнуть.
Бьется, как бабочка поздняя, в мутные стекла.
Бьется, как рыба об лед, как улитки под шиной.
Хруст этот слышен едва ли сидящим в машине.
Крылышки тонкие, усики и скорлупки,
Грани, углы и спирали так тонки и хрупки.
От минералки открытой последний уже пузыречек,
Листик сухой, узловатая нитка, комочек
Скрученной проволоочки, что перетерлась на сгибах,
След желтоватый от небольшого ушиба.
За косяки, за углы и столбы задевая,
Ну и куда ты летишь-то, как будто живая?
Душенька, ласточка, бабочка, семечко рая,
В клетке грудной, в кенариной, в хомячьей – играя?
Ну же, куда полетела, в какие тенёта?
Схватит паук или клёт, смочет струей водомета.
Бабочка, не оживая – живи, трепещи, трепыхаясь,
Крылья свои разверни от реки до сарая.
В реку – с обрыва, в пропасть – с пустого холма –
Душенька, я не прошу мне прибавить ума,
Славы земной и любви бесконечной – ни-ни.
Только, пожалуйста, ты сохранись, и меня сохрани.

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Родился в городе Среднеуральске. Окончил УПИ. Увлекался театром, нетрадиционной медициной, поэзией, занимался боевыми искусствами. Издано три сборника стихотворений – "Сотворение", "Дыхание дней", "Прекрасная Елена". Недавно вышло избранное в двух томах: первый – "Стихотворения и поэмы" - многое из написанного за более чем тридцать лет; второй – роман- дневник в сонетах "Тезей".

Приглушены все звуки и цвета,
Как будто ватиканская Пьета
Не вознеслась - спустилась в катакомбы,
И потаенный свет из-под земли
Лишь раздвигает сумерки вдали,
Как наша кровь выталкивает тромбы. -

Что снизу, то окрашено в багрец
Раскольниковых, разбойничьих сердец,
И жалости, и чувства сострадания,
Но и Пьета и свет укрыты тьмой,
И мы не возвращаемся домой,
Как мальчик после первого свиданья. -

Но с кем оно? - оплакано давно,
Закатное припрятано вино,
Скудеют звуки - три, четыре ноты,
И дно в вопросах Клим Самгина,
Пьета всплывает снизу, как Луна,
Как музыка на каменные соты.

Для странствия предлоги не нужны, -
Как лист из прохудившейся мошны,
Уходит царь и воскресает старец,
Так ветер осыпает колоски,

Так берега расходятся, близки,
И зарастает русло подле стариц. -

Как будто жил - и вышел наобум,
И позади остался белый шум,
И нити оборвались, облетели,
Как струны на гитаре, по одной, -
Что уходящий чувствует спиной,
Когда идёт по блёклой акварели? -

Там сумрак выцвел и оцепенел,
Там сердце оказалось не у дел,
И боль его - уже почти чужая,
А впереди ничто и никогда,
И чудится Полярная звезда,
И падаешь, как с горочки съезжая,

Где ты невидим или неведим,
Где дым костра - не более, чем дым,
Где никого, с кем здравствовать хотелось,
Где странствие - невыросший побег,
Ещё чуть-чуть и выпадает снег,
И ты любовь прости за неумелость.

Зачем ты здесь? - в любые времена
Существованию всегда одна цена, -
Материя, дыханье, амплитуда,
Мистерия, энергия, обмен,
Движение в пределах ойкумен, -
Всё то, что называют словом «чудо».

Попроше - что в условиях дано? -
Где встреча - неуютно и темно,
Но действие равно противоходу,
Ты болен выяснением причин,
В ходу смешенье ликов и личин,
И дуешь на ожоги и на воду.
А требуется быть проводником. -

Не Дантовским, что памятью влеком,
Сусаниным, меняющим пространство,
Махатмой, гуру, тьмой Бхагаватит -
Пророков обветшалый реквизит
Указывает нам на постоянство

Попыток землю одухотворить,
И наша плоть пытается творить
Из вектора - земное-неземное,
То погружаясь вниз, на глубину,
То выбирая горную страну,
Хотя предназначение - иное.

Ты мир меняешь только лишь собой,
Рапсодией, Державинской трубой,
Чего коснёшься - то и будет слово,
Химера ли, мистерия, руно,
Ты снова там, где было суждено, -
Зачем я здесь? - и повторяешь снова.

Комедия с трагедией - одно,
И лишь воображенье - перепонка,
Отличие увидеть не дано,
Как влагой унесённого ребёнка.

Так древо жизни, собственно, есть куст, -
Златая цепь, животные, русалка, -
Подтекст за два столетия столь густ,
Что даже вдохновения не жалко.

Трагедия есть белка в колесе,
И можно умереть от перспективы,
Что свет горит на чёрной полосе,
Но мы неубиваемы и живы.

Ребёнок слушать сказочки горазд,
Пиит их сочиняет, как безделки,

Трагедия, комедия - балласт,
Привычный реквизит бессмертной сделки.

Пройдя земное, с небом распротись,
Не то вернись, и повтори всё снова,
А на свисток и белку не сердись, -
На Лукоморье не было иного.

Памяти Милана Кундеры

Кому какой достался переплёт,
Какая книга, -
Где мёд словес, где вересковый мёд,
Где чьё-то иго,
И я дерев почти не узнаю, -
Стволы и кроны,
И даже песня, что тебе пою -
Времён Язона,
Когда и море напевало вслед,
Ворча, пророча,
Когда кораблик плыл сквозь толщу лет,
Сквозь дни и ночи,
Когда страница, выгорев до тла,
Дыша свободой,
Опять просила и добра и зла,
Вернувшись кодой,
Я повторяю книгу наизусть -
Она моя же?
А то, что догорает - ну и пусть, -
Свободу саже!

Так будет дерево шуметь
В лесу, саду ли,
И губы блекнуть и неметь,
Уже в июле.

Хотя слова слетают со страниц,
Когда читаю,

И жизнь летит, и состоит из птиц,
Вся - птичьей стаей.

«Маленькая железная дверь в стене»

Хочется верить в иную реальность, -
Там, где на миг обретя матерьяльность,
Вновь обратимся в детей,
Или в подростков - не юношей бледных,
Плачущих дев - и богатых и бедных,
Просто в счастливых людей,

Без игр Эндера и планов на планах,
Без расставаний, как в Двух Капитанах,
Без рваных ран от потерь -
Велосипед, на веревочке ключик,
Заячий хлеб или бабушкин супчик,
Вышел из дома - и дверь.

«Это железно», сказал бы Катаев,
Только за дверью - страна негодяев,
Занавес, ключик, очаг,
Сами неместные, просим напиться,
Зубы стучат, леденеет водица,
Преображаясь в рычаг -

Мир повернулся горячей изнанкой,
Помнишь, как в детстве над маленькой ранкой
Мама подула, склонясь? -
Вот и не больно, прорвались в иное,
Мама и папа живут за стеною,
Неразрушимая связь.

Ты скажешь мне - так женщина лукава
И корни трав касаются земли,
Как будто между нами переправа,
И лодка догнивает на мели,

Где лотоса цветение ночное,
Желания тяжёлый аромат,
Где, только что рассорившись с женою,
Враз обессилив, Лот провёл обряд

Призыва бога - всё вернуть обратно,
И женщину, и ночь, и тишину,
Когда любовь расцвечивает пятна,
И корни трав прикованы ко дну.

Нет ничего желаннее - ты рядом,
Трепещущим огнём, лукавым взглядом.

Когда возлюбленного нет
Давным-давно на свете,
То по ночам идёшь след в след
Любой дурной примете, -
И что сбылось и не сбылось -
В биении сердечном,
И так кружит земная ось,
Что в океане млечном
Ты видишь лик, и промельк бел,
Заходишься в надежде,
И тонок ход небесных тел,
И вновь, что было прежде -
Фата Моргана, гобелен, -
Истлеет, нить прервётся,
И милый друг покинет плен
И глубину колодца.

Эон и вечность, миновав,
Сведут лучи в картину,
А на иное нету прав,
И я, клянусь - не сгину.

ЛЮДМИЛА ВАЙНРИБ

Родилась в Харькове. Закончила Харьковское музыкальное училище. Работала музыкальным работником в детских садах.

Сама писала сценарии, стихи и песни к выступлениям.

Начинала печататься в местной газете. Позже закончила Харьковское медицинское училище и с семьей переехала в Австралию в город Мельбурн, где работала медсестрой.

Вышла на пенсию и возвратилась к поэзии. Пишу, потому что не могу не писать.

Начало лета.

Весна уходит, окунаюсь в лето.
Купаюсь в бледно-розовых лучах.
Прозрачен воздух,
Солнцем чуть согретый.
Вдыхаю задыхаясь
Впопыхах.

Поток вселенских истин, вдохновение,
Пьянящий запах,
Аромат цветов.
Воспоминанье детства,
Губ движенье.
И отзвук чьих-то тихих голосов.

Стремленье жить,
Творить, опять любить.
Всю красоту небесного простора!
Быть молодой, судьбу
Перехитрить.
И не забыть открыть
Для счастья шторы!
И видеть мир таким, как я хочу.

Улыбку на твоём лице и свадьбы.
Я богу вновь молитву
Прошепчу.
И довоенный мир вернется как-бы.

Но как-бы не подходит, мир в огне!
Мой голос гаснет в звонкой тишине.
Как оплеуха, как удар, как боль!
И в новь мой голос множиться на ноль!!!

Весенний сон

День падал от усталости в пыли.
И даже ветер замер остывая.
А в лабиринте сумерек вдали,
Собрались тучи,
Дождик начиная.

Старательно омыв
Усталый вид
Дождь прекратил потокоизлиянье.
И город понял, что уже отмыт,
От боли от разлук и
Ожиданий.

А утром снова ветер зашептал.
И солнце осветило все по кругу.
И город сам в объятие упал
В жизнь без войны,
Как к собственному
Другу.

И возвратилась наконец весна.
И детский смех вдруг зазвенел повсюду.
Казалось, что закончилась война.
И люди оценили это чудо.

Взорвался город
Радостью людской!
Спокойствие с весною к нам вернулось.

От счастья улыбнулся шар земной.
И звон в ушах...
Будильник?
Я проснулась!

Посещение Израилю

Молитва.

Положи мне солнце на колени.
Дай согреться у тебя в плену.
Надо мной склонившиеся тени,
Что-то шепчут,
Сново не засну.

Обними меня быстрее за плечи.
И свое вниманье
Обрати.
Я зажгу в субботу снова свечи.
Ты мне только сверху подсвети.

Дай надежду моему народу.
Боже, пред тобою я
В долгу.
Той дорогой, что ведет к свободе, я приду к тебе.
Я все смогу!

Положи мне солнце на колени!
Помоги мне боль и
Страх унять.
И мою людскую склонность к лени,
Побороть и дух мой поддержать.

Весна.

Бесснежная, прохладная зима,
Отдав свои последние заветы,
Уходит в отпуск, а весна сама
Спешит навстречу наслаждаясь этим.

И расцветают яркие
Цветы.

Как-будто это солнцезлиянье.
Рождая образ дивной
Чистоты.
Нам шлет с небес
Любовное послание.

Объятья распахнув
Пришла весна.
И пахнет эвкалиптовым уютом.
Волшебная и теплая она,
К нам возвратилась воплощением чуда.

И только Ива плачет у пруда.
Грустит о чем-то тайно,как всегда...

Посмертная маска Сергея Есенина.

Мне снятся белые березы.
И клен с поникшей головой.
На ветках перламутра слезы.
Снежинок подвенечный слой.

В посмертной маске скрыт ребенок.
Обиженный на всех и вся.
Глаза прикрыты,как
Спросонок.
Плохая копия тебя.

Немой упрек окутан тайной. Весь твой короткий,яркий путь.
Кто виноват,кто сердце ранил? Ответ в стихах, они не врут.

Сверкают звезды в океане.
Заблудших и умерших суть.
Зима в осеннем сарафане.
Хрусталь с небес,
Твой звездный путь!!

Санта

Я так тебя хочу увидеть,Санта
В глаза твои веселые

Взглянуть. Ты в самом деле знаешь, кто ты сам-то?
А может тебя нет и в этом суть?

А может быть ты послан был в ненастье,
Для возрожденья мира на земле?
Для всех детей,
Ты им приносишь счастье.
Так принеси мне тоже и семье.

Не надо много дорогих подарков.
Дай, что ты можешь.
Очень важно тем,
Кому уже не светит
Солнце ярко.
Кто очень болен.
Излечи совсем.

Еще, чтоб зло все в мире отступило.
Ушло совсем ошибки осознав.
Чтоб люди о вражде своей забыли.
И чтоб об этом сразу мир узнал!!!

Осень.

Уходит лето, как-то быстро, сразу.
Приходит осень к
власти рыжевласой.
И дует бодрый, чистый ветерок,
даруя ранней свежести
глоток.

Осенний дождик дразнится по лужам.
Он синеглазый и так
людям нужен!
А первый желтый лист,
упавший вниз,
плывет по луже, словно
солнца приз!

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА
28. 11. 1949 — 4..4. 2024

Поэт, эссеист, художник, историк литературы. Родилась и жила в Одессе. В Израиле с 1992 г

Автор десяти книг (стихи, эссе, статьи, графика, детская книжка), участник международных художественных выставок.

Печаталась в литературных журналах России, Украины, Израиля, США, Англии, Италии, Японии: «Юность», «Радуга», «Арион», «Топос», «Сетевая Словесность», «Бег», «Приокские зори», «Дерибасовская-Ришельевская», «Иерусалимский журнал»,

«22», «Артикль», «Литературный Иерусалим», «Интерпоэзия», «Квадрига Аполлона», «Кольцо А», «Вещество», «Новая реальность», «ДЕГУСТА.PU», «Наша улица» и др.; в переводе на английский и японский языки: «Confrontation Magazine» (Long Island University), «METAMORPHOSES» (Amherst, Mass., USA), «Modern Poetry in Translation» (Oxford, England), «Hokusei review» (Япония); в одесских и израильских поэтических антологиях «Вольный город», «Ориентация на местности», «120 поэтов русскоязычного Израиля», «Антология поэзии Израиль 2005», «Глаголы настоящего времени».

Книга Беллы Верниковой «Пришедший из забвения. Русско-еврейская литературная Одесса: эссе, статьи, интервью» (Одесса: Optimit, 2020) получила дипломы конкурсов Одесской книжной выставки-ярмарки, Одесской Национальной научной библиотеки и диплом Шолом-Алейхема Международного конкурса им. Де Ришелье – 2020.

Победитель Международных конкурсов графики (Варшава, Москва). Журнальные публикации и графика открыты в Интернете.

© Белла Верникова, 2020

ВЕЧЕРИНКА В МЕВАСЕРЕТ-ЦИОН

С.Гринбергу

Касание ступнями стриженной травы,
в чужом уюте мерное топтанье,

залетных лиц формальное братанье,
усилье в повороте головы.

Не сообщишь на прочих языках
того, что и по-русски не сложилось,
тем, чья судьба никак не наложилась
на твой покой, недоуменье, страх.

Беспамятство, прорыв и скука узнавания,
отдельные в тебе и в каждом среди тех,
кто пьет холодный морс, не ведая названья
напитков, скромных яств, томительных утех.

* * *

Пенится легкое зябкое море,
полон рыбацкими лодками штиль,
море немое,
ноги омой мне, прощай и прости.

Все еще длится приморское лето,
душу втянувшее в дрему и лень,
осень согрета,
предлистопадовый празднует день.

Щедро, как встарь, плодоносит природа,
овощи стоят гроши,
спелый сентябрь помогает при родах
доброй души.

* * *

А.Гланцу

больных ветров
слепых дождей
облупленных заборов
Эзопов зов
сезон вождей
мерцание затворов

стоишь от всех невядалеке
и от Преображенской
в плаще-болонье, и в руке
сжимаешь локоть женский

ТАНГО НА ТРОЛЛЕЙБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ

Целуются, и рук не расплести.
Из ночи выйти в день они должны.
Пока не сказано «прости»,
не потеряй, не упусти...
как волосы душисты и нежны.

Мы тоже выходили поутру,
обласканы свечением ночным.
Родная, слов не подберу,
тебя я помню на ветру,
стелились волосы твои, как дым.

Целуются, не зная, что их ждет.
Тебя и наше утро не вернуть.
Троллейбус первый подойдет,
обыденная жизнь пойдет,
не ведаю, куда нам ляжет путь.

Целуются, и рук не расплести.
Из ночи выйти в день они должны.
Пока не сказано «прости»,
не потеряй, не упусти...
как волосы душисты и нежны

* * *

Вот человек, тебе малознакомый,
но нравится тебе его лицо,
его невозмутимость, жест весомый
и редкое, но меткое словцо.
И, видимо, ему не безразлично,
как ты рукою прядку отвела,
в ответ на "как живешь" твое "отлично"
и то, как ты действительно жила.

Еще до слов, и до прикосновенья
вы близки так, как будете ли впредь,
вам любо глубину за отраженье
принять и в это зеркало смотреть.
И, может быть, любовь, терпенье, время
соединят реальные черты
с придуманными, памятными, теми,
спасающими нас от пустоты.

ПРО ЛЮБОВЬ К ПОЭТУ

Не верь, не верь поэту, дева
Ф. Тютчев

Одна девушка любила поэта,
она перечитала все пять его книжек
и любила сравнивать его портреты,
вырезанные из суперобложек.

Некоторые стихи она выучила целиком,
многие строки в память запали сами,
как человек он был ей мало знаком,
и она объясняла его поступки стихами.

То, что он сочинил пятнадцать, десять, пять
лет назад, откликнулось в ней сегодня,
а он в тот вечер был просто свободен
и удивился синим ее глазам.

Просыпаться с ним было не пусто
зимний сумрак дробила люстра
и от лампы с зеленым стеклом
в поймы глаз стекало тепло.

А поэт хотел написать
стихи о синих глазах,
но горела поэма, книга стояла в плане,
и его удивление не разыгралось в пламя,

как бывало пятнадцать, десять,
пять лет назад.

* * *

В мягком изгибе усмешливой нижней губы,
в серых мятежных глазах, в подбородке тяжелом,
в жизни, развеянной по городам и женам,
в чем углядела ты знаки совместной судьбы?

Он смалодушничал, ты подставляешь плечо,
выказал силу, ты рада к нему прислониться,
тихая женщина, наша подружка, сестрица,
тяжко тебе, но и весело и горячо.

Ты и ребенка без спроса ему родила,
втайне надеялась, что не уйдет, обживется,
а не сумеет, веревочкой горе завьется,
вырастет дочка, обычные нынче дела.

Он позвонит и все оборвется внутри,
кто рассудил, что быльем поросло, отболело,
он позвонит тебе просто по делу,
ладно, по делу, родной, говори! говори!

* * *

Ларисе Красновой

Как он знает, какими красками куст
прошуршит вослед человеку,
как мазок добавляет к мазку,
безъязыко знание растворив,
как в пейзаж вплетает вселенский мотив
тот художник, ведающий тоску
по гармонии и разрыв миров.
Он асоциален, терпим, здоров.

В промтоварный зайдешь магазин,
проплывешь вдоль вешалок с барахлом,
на тебя из костюмов нацеливается один,

тоже тряпка, но ты узнаешь нутром
в лацканах, оттеняющих цвет бус,
одеянье, ласкающее твоей вкус.

Женщинам присуще это чутье,
а женская прелесть тревожит мужской глаз.
Как ты знаешь, что встреченное лицо – твое?
Как теряешь себя всякий раз,
сталкиваясь с тем, что родное тепло
и сияющие глаза
совместить с устройством жизни нельзя.

Нет гармонии в нашей жизни,
в судьбе, в призвании, в женщине тоже нет.
Иногда костюм, пока не вышел из моды,
изливает на нас избыточный свет,
взятый мастерами у придорожной природы,
где дороги рискованный цвет
и блестящий свежими красками куст
передают человеку от Бога привет
из первых уст.

НАУМ ВИНАРСКИЙ

Родом из Украины, кандидат технических наук и изобретатель. Писать стихи, басни, рассказы, воспоминания и песни начал с предпенсионного возраста. В Харькове вышло семь сборников литературных произведений. В Австралии, куда переехал в 1912 году в г. Аделаида, продолжил заниматься художественным творчеством. Издал сказку для детей и взрослых "Гава" на украинском языке и сборник стихов и репродукций своих картин. Рассказы и эссе периодически публиковались в

Альманахе «Витражи», в журнале "Менора" (г. Мельбурн), "Австралийская мозаика" (г. Сидней) и газете "Горизонт".

Слетайте в Тель-Авив

Улетал из Крыма, пахло ковылём,
Солью черноморской, ржавым кораблём,
Наполнялся воздух ароматом слив.
Впереди дорога – город Тель-Авив.

Серебристый лайнер поднял меня ввысь,
Показались в море самый дальний мыс,
Белые барашки, шхуны, корабли,
Танкеры с мазутом, что на курс легли.
Облака покрыли молоком парным,
Что внизу лежало, было мне родным.
Лишь одним сознанием понимал момент –
Пересёк границу без столбов и лент.
Пелена прорвалась – сон или не сон?
Вижу берег бурый, весь изрезан он,
Как старик столетний сгорбленный такой
И как будто рядом, хоть коснись рукой.
Про него мы пели, был не нужен нам,
Берег тот турецкий, малым пацанам.
Только горы скрылись, виды обнажив,
Показался сразу город Тель-Авив.

Под палящим солнцем, словно книг тома,
Там в кварталы вжаты кубики-дома.
Пролетев над ними, самолёт наш сел,
Захотелось сразу мне припасть к росе.
Оживленьё в зале, радость первых встреч,
Я повсюду слышу русскую здесь речь.
Ту страну востока представлял иной,
Где ж она, родная, с пейзажами, стеной?
Многому впервые удивлялся я,
Преодо мной раскрылась чудная земля.
Вёл не зря пустыней Моисей свой род,
До чего же гордый тут живёт народ.
Древнюю культуру предков охранял
Не громил мечети, разуму внимал,
И не рушил церкви, не входил в искус,
Здесь к Отцу вознёсся божий сын Иисус.
До сих пор Голгофу сей народ хранит,
Нет, не зря он духом крепок, как гранит...
Возвращаюсь снова памятью туда,
Где на белом фоне мудрости звезда
Голубою птицей вьётся в вышине.
Время пробежало, как в коротком сне.
Расставаться жалко – мало повидал,
Но теперь поверю, что летал Дедал.
Чудеса на свете были, будут, есть,
Их, поверьте, столько, всех не перечеть.
Кто не верит в этот мой простой мотив,
Вы слетайте в город – город Тель-Авив.

Улица детства

Эх, улица Гамарника, за вид не дам и грош,
Но крепко ностальгиею в объятия берёшь;
Своей былой брусчаткою и клубом на углу,
Витринами «Подвальчика» – забыть их не могу.
Подольским переулочком у центра на краю
Ютилась годы долгие – из них я жизнь крою.
Теперь с другим названием проходишь по судьбе,
В своих воспоминаниях пою одной тебе.

Ночами часто видится мой босоногий двор,
Доносится мальчишеский, азартный разговор.
В моей душе разносишься ты отголоском лет,
Сменил я много улочек, но ближе так и нет.

Здесь набираюсь воздуха, здесь совесть бьёт в набат,
Взывает память к прошлому не меньше, чем Арбат,
Воспетый Окуджавою на трепетной струне,
Подольский переулочек, ты лечишь сердце мне.

Красный рояль

В.И. Шустикову

Красный рояль соседа в саду
Легкий мотив в мажорном ладу
Лил, как дождём, а капли воды –
Нотки, бемоли – пили цветы.

Звуки послушно ветром неслись,
Падая мягко прямо на лист.
Зарево солнца взвилось в окне,
Песня рояля словно в огне,

Рано взойдя, пропела в тиши,
Клавишей тронув струны души.

Чудо сосед в саду совершил:
Музыкой друга заморозил.
Сад очарован – кружится стих.
Красный рояль пропел и затих...

Монолог дочери

Тридцать часов лечу в самолёте,
Вот континент в другом переплётё.
Но восхищаться вовсе не стала,
Как я устала, как я устала...

Новый язык сама постигаю,
Present and Future молча ругаю.

Может излишне, так не пристало,
Как я устала, как я устала...

Радости миг – отпала забота:
Есть, наконец-то, даже работа.
Но не по вкусу, вот и «достала»,
Как я устала, как я устала...

Годы проходят, дочь подрастает,
Чувство такое, будто я в стае.
Песнь о былом шепчу лишь устами,
Как я устала, как я устала...

Взлёт и посадка, снова в полёте,
Вряд ли меня, родные, поймёте.
Вас вспоминая, в кресле металась,
Мне б отдохнуть, ушла чтоб усталость

РЕНАТ ГИЛЬФАНОВ.

Родился 28.08.75 в г. Новоалтайск Алтайского края. Окончил философский факультет МГУ. Работал журналистом, политехнологом, слесарем, охранником, редактором, сценаристом. Живёт в Москве.

Мало кому доверяю. Давно ничего не жду.
Вырастил себе эго с площадь семи губерний.
Дождь бы, что ли, пошёл... Я соскучился по дождю.
С ним наш плоский мирок выглядит чуть трёхмерней.

Океаны шумят и гонят волну.
Цветы увядают, маятники качаются.
У каждого будет время написать про свою войну.
Потому что войны никогда не кончаются.

Крови живой напиток. Полнеть, лысеть
в стойле ленивым шайром, забывшим стремя,
размышляя о том, что морщины всего лишь сеть,
которую набрасывает на нас время.

Сквозь ветра и туманы двигаться по прямой,
курс держа на покой - на покой, не счастье.
Сжечь билет, и вернуться домой. Домой...
Если есть куда возвращаться.

Желтки фонарей шипят в черном масле залива.
Облака, как вагоны состава, отправляющегося в Литву.
Ветер слюнит персты и позевывая, лениво
перелистывает листву.
Болезненное потрескивание окоченевших окон
доводит до дрожи узорчатое стекло,
я слышу твое дыхание, и как в кокон
заворачиваюсь в него.
Всё, что я значу, всё, что в себе открыл я,
не стоит трепещущей жилки на твоей стопе.
И если у меня утром вырастут крылья,
то только благодаря тебе.

Выключил свет – оказалось, что рассвело.
По щелям забила ночная жуть.
Мозг - словно судорогой свело.
Постараюсь расслабиться и уснуть.
Вновь полудрёма... Под костью играет Босх.
Попадаясь в силлок, недоступный сну,
реальность становится мягкой, как тающий воск.
Мозг лепит кошмар по подобию своему.
Встанешь, встряхнёшься, наберёшься отваги,
откроешь подъездную дверь, шагнёшь на крыльцо –
И солнце набросится на тебя с радостным лаем собаки
и оближет тебе лицо.

Два пустых пакета танцуют сальсу.
Грусть и холод намертво ночь спаяла.
Луна в черном небе - как отпечаток большого пальца
на лакированной крышке рояля.

Мой талант пустяк, небольшая ссуда
под большой процент. Пассадобль на льду.
Я ошибся дверью, но я отсюда
никуда уже не уйду.

И не то, чтобы годы душу мне исковеркали
(изменять себе как играть с судьбой),
но, пальнув в свое отраженье в зеркале,
не покончишь собой.

Ни апломб, ни выдержка, ни сноровка
не помогут распутать сомнений сеть.
И вот так... жизнь тянется, как веревка,
на которой тебе, в конце концов, и висеть.

Был пожар. Что осталось после пожара?
Недотрога жизнь, замуванная в стене.
Свинина снова подорожала.
Человечина снова упала в цене.

Плюс двадцать восемь. Город пустеет летом.
У синей электробудки, как сломанный метроном,
стоит одинокое дерево, согнутое нелепо,
и ветер его обдувает со всех четырех сторон.

Белая маршрутка выскакивает из засады.
Мимо проносятся желтые и голубые дома.
Хмурые штукатурки раскрашивают фасады,
чтоб не сойти с ума.

Ночью сквозь сети кленов, пыльные и сухие,
звезды на мрачном небе едва видны.
Белые тополя прицеливаются, как кии,
в желтый висок луны.

Шум далеких авто так призрачен, так картав,
что выкупает грусть целиком, без сдачи.
Есть один полицейский на весь квартал.
Да и тот лежачий.

«В бложиках пишут о дзене, ведут беседы
о роли геев в искусстве, их тяжелой доле.

А я тебе скажу: все наши беды
от недостатка воли.
Вот все понимают: идет война.
Все понимают, но не всех она
Трогает за живое. Хельда шуршит крылами,
враг наш нас пожирает и становится нами.
Вот тебе настоящее: груда тел в телеге.
Вот тебе голос реальности: крови! денег!
Стоит забить на Бога, как тут же на человеке
появляется ценник.
Трюфели, цзяоцзы, галантир на блюде,
сисечки на Пхукете, дыра в бюджете...
Чем меньше меж нами Бога, тем неприятней люди.
И тем больше котиков в Интернете.
Раньше люди спорили о природе добра и зла,
о сознании остром и гибком, как рапира,
о связи глубокой веры с кровью жертвенного козла,
и о степени реальности нашего мира.
Любопытство простиралось за пределы тайн.
А теперь она не заходит дальше собственных гениталий.
И всё-таки, как ни крути, а лучше петь песнь богине,
чем злоствующей вагине...
Бог с ними. Разливай... Марина?... Ну, да, три года.
Но до сих пор не отпустит. Всё давит, давит.
Вот тут. Может, дело в погоде... но чёрт, погода
влияет на кости, сосуды, но не на память.
Любовь неразрывна с болью. И да, мне больно.
Так больно, что часто тянет сорвать заглушки.
Что ж делать, если Бог, как блажной ребенок,
ломает свои игрушки...
Давай еще по одной. За то, чтоб любовь и нежность
в конечном итоге всегда побеждали нежить.
И чтоб свет показался хотя бы в конце пути.
...Но Украина, конечно, Иуда, как ни крути».

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

Род. В 1947 г. в Москве, в семье врачей. С 1981 г. живет в США, работает врачом, специалист по диагностике рака. Пишет по-русски и по-английски, публикуется в журналах Октябрь, Новый мир, Арион, Вестник Европы, Новая Юность, Сибирские огни, Зарубежные записки, Новый журнал и других. Стихи и эссеистика по-английски публикуются в американской и британской периодике: Richmond Review (London, UK), Manhattan Review, New Orleans Review и многих других. Стихи были включены в несколько

международных антологий и переведены на несколько европейских языков. В 2005-2010 г. номинирован на престижную американскую премию Pushcart Prize. В 1998 г. закончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе. Автор нескольких сборников стихов и эссе на русском и на английском, в последнее время: Вариации на тему (Изд-во Время, Москва), Live Landscape (Boston). Организатор и ведущий популярной серии поэтических чтений в Нью-Йорке и Гл. редактор журнала поэзии ИНТЕРПОЭЗИЯ

Народ безмолвствует
Ларёк закрыт давно
И ни одна звезда не говорит
В слоистой мгле горит одно окно
И вьюга воев за окном навзрыд.

По снегу тянутся
идут слова след в след
По околотку
прямо и окрест
На полигоне похоронный лёд
Анапестом поскрипывает наст.

Не зарастет народная тропа
Ларек откроют
Пиво завезут.
Все это будет будет а пока
Все нарастает элекДронный гуд.

Гуртом и скопом тянется толпа
К ларьку в надежде на любой исход
Вдали горит военная Москва
Народ безмолвствует
Безмолвствует народ.

De Profundis

Из глубины издалека
В окоченевшие поля
Наедине и в тишине
Летит незримая струна
Лежит пространная страна
Где издавна была война
Ну а теперь там мор и глад
И им, понятно, не до нас
Лишь только ветер иногда
Вдруг донесет обрывки тем
И я теперь оттуда сам
Себе пишу в рассрочку раз
Не объясняя всех причин
с необходимостью вразрез
Так и живем - наискосок
И дым плывет от тех костров
Дыханье страшных тех полей
Где свет полуночный светлей.
Так начинается исход.

5 АДАР II 5771

Когда нас не будет, не станет, настанет
Ваш мир в пустоте бессловесного гуда.

Мы дымом взлетим, звездой негасимой
В заброшенном городе старшего сына.
Задавленных судеб овраг отплывает,
Никто не выходит на улицу в мас.
А вы припадете к подножиям жирным
В крови, в холодеющем сале могильном.
И там, в перепончатом мраке забвенья
Все медленно вдаль поплывет к разрешенью
Всех ваших задач относительных чисел
К закрытому складу непонятых писем.
Но выживет память кровавого сгустка,
Там книга закрыта, там гулко и пусто.
Но и без нас будет боль абсолютна
Когда ваши дети, больные под утро
Все будут шептать в подсознательном страхе,
И дети и вы - до последнего часа:
Йоав и Элад, и грудная Хадаса...

Если в бездну смотреть достаточно долго,
Бездна глядит обратно в глаза.
Пора собираться в дорогу, замолкнув,
Выйти из дома, не глядя назад.

Путь этот долог и необозначен.
Дверь закрываешь последним ключом.
В овраг уплывают заборы и дачи.
Женщина вслед окликнет: зачем?!

Там за немым, замерзающим полем —
в необозначенный дальний уезд:
там жители сыты просыпанной солью,
там фосфором светится смешанный лес.

Все глуше я помню родные пенаты.
Все ближе граница ничейной земли.
Но, если дошел, если был там когда-то:
там каска твоя, котелок и лопата
и сорванный знак, чтоб потом не нашли.

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия. В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных австралийских сборниках поэзии и в Интернет-журналах, в частности в «45-й параллели», «Белый ворон», «Крещатик». В 2006 году был удостоен высшей награды

международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

Медосмотр

Я сюда пришел по желтой линии.
На осмотр, как на Страшный Суд.
Это зал приемов в поликлинике.
Здесь все ждут, когда их позовут.

Ближние мои, а так же дальние,
Травы и цветы в моем саду,
Я на месте в зале ожидания.
Скоро позовут, и я пойду.

Это, видно, на роду завещано
Я не знаю плохо, хорошо.
Так всегда происходило с женщинами -
Они тоже звали, и я шел.

И назад по желтой. Я не очень-то
Верил, меня вспомнят и найдут.
Я ж - тихоня, я не лез без очереди
И теперь все жду, и жду, и жду.

Считалочка

Надо бы. Да нету сил
Я в семье невыносим...

Хорошо ли одному?
Если нужен, то кому?

Вяжутся не отвязать.
Нужен друг, да негде взять

В круге или в стороне
Все равно водить не мне.

Так что, милая, прости.
Некуда мне нас вести.

АНДРЕЙ ГУЩИН

Поэт, главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Новый Гильгамеш». Автор поэтических книг «Атлантические песни» (1999), «Солнечный остров Буян» (2012), «Сизиф на вершине» (2018), «Оболонь и окрестности» (2022) и «Покрова» (2023). Публиковался в журналах «Крещатик», «Нева», «Интерпоэзия», «Новый Свет».

Река потоки бурные стремится,
На перекатах перлами играет,
Гремит грозы весенний динамит
И сизой туче ногу отрывает.

А после снова гладь и тишина.
Лишь стонет уклонист болотной выпью,
Мадьяр нальет домашнего вина
И залпом, не закусывая, выпьет.

А книга мёртвых все весомей,
Её ведёт Далай-лама.
Разложен мир на хромосомы
До основания до самого.

Горят тибетские огни,
Колеса крутятся молебные,
Монастыри куда ни ткни,
В них травы сушатся целебные.

Горят купальские огни,
Рублев с язычницей якшается,
Монастыри куда ни ткни,
Но Страшный суд не завершается,

Как одна заведено,
лой все крутится библейскою,
И льется Канское вино,
И плещет море Галилейское.

Раскрой объятия природе,
Полям карпатским разноцветным,
Говерла, как курок на взводе,
Торчит за долом беспросветным.

Бегут за облаками вслед
Пустые поезда на запад.
Цыпленок нежный на обед,
Руками проводниц не лапать.

Мы не рабы, рабы не мы,
А рыбам корм и угощение,
Ни от тюрьмы, ни от сумы -
Другое в силе воспрещение.

Свободы чёрная вуаль,
Встают холмы до горизонта.
За кряжем кряж, за далью даль,
Как линия второго фронта.

Галлоны зельтерской воды
Хранят глухие перевалы,
Завоевателей следы
Потоки бурные смывали,

Чу, в чаще рубит дровосек
Смерек ссутулившихся спины.
Мольфар, дохаживая век,
С вершин спускается в долину.

Из пункта "А" выходит поезд,
А пункта "Б" не существует.
Здоровый машинист сноровист,
Ведёт себе и в ус не дует,

Ах, жизнь, как этот поезд дальний:
Не то, что под откос - за о'блак.
И вряд ли есть маршрут провальней,
И точно нету остановок.

Рассвет кровавою стрелой
Вонзился в серенькое небо.
И за руку вокруг аналоя
Планеты водит старый ребе.

Сверкает золотом дацан,
И отступает темнотища.
И Слово вновь даёт пацан,
Что будет день и будет пища.

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

*Родилась в Риге, без малого 30 лет
живу в Мельбурне.*

*Муж, двое сыновей, две собаки,
два кролика... две рыбки.*

Вопреки законам Омы,
Переменам вопреки,
Мы ходили из дома
Вдоль извилистой реки,
Мимо тракторного парка
(Слева храм, направо лес),
Мимо памятник Марксу
(На чужой ему земле).
Без оглядки - до центра
Поля, город, страна.
Здесь красиво умирают,
На войне и без войны.
Уходил торопливо,
Всё - в синеву казалось.
Умирают здесь красиво,
Но безрадостно жить.
Волосы хамсин ерошит,
Меряй за верстой версту!
Мимо финиковой рощи
В апельсиновом цвете.
Растекается медово
Солнце. Тёплые дожди...
Мы ходили из дома.
Продолжаем уходить.

Вылепил горы - легко, посадил лес,
(Горстку семян - во всех уголках земли),
После того, как поля расстелил и придумал сад,
А в небесах - солнце жарко блин.
Господи, благодарим за любую новость -
Облако, дождь и листья, зима, весна...
Птица поёт в пронзительной синеве,
Зверь забывает прошлые имена,
А в тридевятом царстве цветёт январь,
Сладок инжир и тяжело багрян гранат,
На языке замирают опять слова,
После бокала выпитого вина.
А за окном - вздыхают колокола,
Старый храм на солнце сверкает шпиль...

Если бы знать ещё на какой же лад,
Ты меня создал, Господи.
Вы-ле-пил.

Кристина

Помолчи, потому что ни слов, ни сил,
Оловянно ветки стучат в окно.
Сколько Бога о будущем не проси –
Ни тебе, ни мне. И всегда – темно.
За окошком вздрагивает фонарь,
У него тяжелый стеклянный взгляд...
Здесь чужая, не забывай, страна,
Здесь другая (и не жалея!) земля.
Деревья – тополь да эвкалипт,
По субботам – Осанна! – часов с пяти.

И ложится листок с буквами на гладкий,
Но ни слов, ни звука мне не найти...

ИРИНА ЗАХАРОВА
Минск, Беларусь

Родилась 7 февраля 1983 года в Минске. Окончила агроmechanический факультет Белорусского государственного аграрного технического университета и аспирантуру. Преподаёт в родном вузе на кафедре «Тракторы и автомобили». Со стихами публиковалась в «Литературной газете», журналах «Новая Немига литературная», «Нёман» и других изданиях. Недавно вышел из печати её первый поэтический сборник «Мне солнце душу обожгло».

Не долюбила. Нет. Как жаль.
И ты меня не долюбил.
Твердят клеветники -- «москаль»,
Твердят ревнивцы -- «русифил».

А я, ревнивая, шепчу,
Когда к груди твоей прижмусь,
Что даже, если захочу,
Мне не затмить любовью Русь.

Не долюбил. И не таю –
Не долюбила. Долюблю.
Твою любовь, судьбу твою
Я только с Русью разделю.

Хочется вишен или вина,
Ягод под винным соусом.

Тётка моя, Любовь Ильина,
Запутала палец волосом.

Что ты ей скажешь? Вишни хочу
С рук твоих есть по горсточке!
Тётка кричит: «Я вас разлучу,
Вымою ваши косточки».

Вишни и губы смешивать грех...
Грешные вишни – к гибели.
Моль обожает норковый мех.
Ева живёт по Библии...

Простынёй из прозрачного дыма
Бездыханный матрас застелю.
Не скорблю, что тобой не любима,
О любимых тобой не скорблю.

Этот дым и не бел, и не чёрен.
Безнадежный отчаянный дым.
Скольким женщинам был ты покорен?
В скольких спальнях бывал ты любим?

Перед кем, не стыдясь, оголялся,
И кого, не стыдясь, оголял?..
Не скорблю, что не мне объяснялся,
Не меня на колени сажал.

Я namного, namного моложе...
Сыновьям твоим быть бы сестрой.
Но меня ты оставил без кожи,
И без кожи стоял предо мной.

До утра не измяв одеяло,
Об одном откровенно скорблю,
Что, когда я без кожи стояла,
Не посмела шепнуть: "Я люблю".

Предчувствие

Переменная облачность. Всё переменнo.
На веранде страдает сырое бельё.
Осязаю дыханье грозы внутривенно.
А ещё осязаю дыханье твоё.

И от сырости этой прогнили верёвки.
И синюшные веки, и сон отсырел
Высыхает быстрее всего мелочёвка,
А добротная вещь, как всегда, не у дел.

Беспризорные тучи не Бог весть откуда,
Распоясавшись, в мякоть вонзили клинок.
И сорвалось дыханье небес полногрудых,
Устремив на меня ледяной кровоток.

Переменное всё, а дыханье – подавно.
И твоё, и моё, и вот этих небес,
На которых, как крест из земли православной,
Кровоточит рубец, и мерцает эфес.

И промокла душа без того уж сырая,
И халатик насквозь, и сырое бельё.
Когда брови нахмурила ночь грозовая,
Я предчувствую кожей дыханье твоё.

Обречён на безгололье
Синий вечер в тишине
Скрипнут издали полозья
На заснеженной стерне.

Где-то охнет, где-то ухнет
Свечка вспыхнет высоко
Трепыхнётся и потухнет
От дыханья твоего.

Замурлыкает ли, фыркнет
В эту дрогнувшую синь

И наотмашь ветер чиркнет
Индевелую полынь.

Где-то хрустнет ненароком
Под осиной белый наст.
В безголосье одиноком
Столько слышится подчас.

То взмахнёт сухая ветка,
То болотные сычи,
Или дрогнет табуретка
У бормочущей печи

Тишина. Какое счастье
В синей сонной тишине
Это хрупкое безгласье
Безголосой слышать мне!

Сошли снега, дожди своё отлили.
Сирени белой впору зацветать.
Какие женщины вчера тебя любили?
Какие завтра будут целовать?

Опять весна в своём разгаре славном
Любовью дразнит первого птенца.
Скажи, пожалуйста, скажи о самом главном,
Чтоб комом в горле встала хрипотца.

И я прильну к щеке немного влажной,
Губами выпью с губ твоих вино.
И кто любил тебя вчера совсем неважно,
Сегодня мне любить тебя дано.

Родина малая

Родина малая. Радость великая
Тихое полюшко тихая рощица
Нежное солнце в ладошке с черникою
Словно малиновка в речке полощется

Воздух рябиновый. Стаи гусиные
Теплые ливни. Листва перепрелая
Клюква в траве и грибы под осиною
Дымка туманная, изморозь белая

Полные вёдра с водою прозрачною
Иней на окнах и печка протоплена
С пылу и жару драники смачные
Маминой свежей сметаною сдобрены

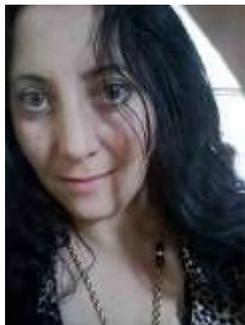
Ранней весною по росной околице
Трактор летит над ухабами прыгая
Колокол звонко поёт Богородице
Родина малая. Радость великая

Тишина без тебя не то молотом,
Не то обухом бьёт по листу.
И слова как роса перед холодом
Высыхают в беспомощном рту

Не звенит в разноцветном стеклярусе
Незажженный сегодня ночник
И безмолвье моё в этом хаосе
В твой безмолвный вливается крик

Я люблю. Но какое беззвучие
Да и месяц в окне золотист
Карандаш мой признанья певучие
Опрокинул на скомканный лист.

ФАИНА ЗИЛЬП

Я родилась в Украине в один день с Анной Ахматовой (но не в Одессе, а в Виннице и, конечно, на 85 лет позже!) Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии живу с декабря 1997 года. После окончания университета работаю по специальности Social Worker/Case Manager/Care Advisor. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке, Англии и Бельгии.

Ежегодно публикуюсь в австралийском альманахе "Витражи" (уже международном). Финалистка литературных конкурсов: "Пушкин в Британии", "Арфа Давида", а также "Эмигрантская лира".

Фантомная боль

Смеясь, грешим напропалую
И рады жизни мы, пока
Нас не коснётся напрямую
Зла леденящего рука.

Ещё отчасти мы наивны
И инфантильны в чём-то мы
И зарекаемся невинно
В тюрьме условной от сумы.

А нас уже ознобом хлещет
Влиянье судеб мировых –
Всё пыточней тугие клещи
И боль безруких и хромых,

И тяжесть ржавая засовов –
На них войну не запереть...
А город пеплом нарисован,
И жителей осталась треть.

Страшны для беженцев не вёрсты –
Чужой язык, нездешний свет.

Фантомной болью отдаётся
То счастье предвоенных лет.

Sophie

Немыслимо огромную слезу
Крыло напоминало – и висело:
Сегодня принесла ты стрекозу –
Взлететь не в силах больше и не пела,

Забыла и о танцах над цветком,
О скучном муравье – борце с весельем...
Она была в зубах твоих лишь ком
Отчаянья – и смерть не шла спасеньем.

Смятение и стыд, глушащий боль:
Так глупо в полутьме попасться кошке!
А та уже готовилась на роль
Мучительницы, сытой от кормёжки:

Час зрелищ, а без них вся ночь пуста.
Поймавшей рассмотреть "товар" не худо –
И выпустив добычу изо рта,
Дивилась на немыслимое чудо.

А жертва чёрной кошки, стрекоза,
Мне кажется, с судьбой своей смирилась,
Смотрела на меня во все глаза,
Но даже не надеялась на милость.

Спасу её! В коробку затолкав,
В окно своё я выбросила быстро.
Но снова принесла её, поймав,
Мне кошка, сохраняя любопытство:

Ну как же, надо чем-то ночь занять,
Играя с красотой такою сладкой:
"Ты двигайся, ещё нам рано спать!" –
И трогает её когтистой лапкой.

В окно её бросаю я опять –
И вновь довольно кошка мне приносит.
Подобного стрекозам не понять,
Теперь она о смерти только просит.

Спасительность окна – нелепый шанс:
Попробуй, стрекоза!.. Легла в кровать я.
Возможно, так и Бог спасает нас
Для новых только мук, совсем некстати.

...А утром увидала стрекозы
Засохший жалкий остов рядом с плоской.
Жестокости преподаны азы
Брезгливо обходящей крылья кошкой.

Что не решишь Ты – всё приму,
Тогда – сомнением не нарушу.
...Сейчас спрошу же: почему
За плоть расплачиваться – душам?

Бесплотны, понесём отчёт
О том, в чём не были виновны.
Слова раскаянья не в счёт,
Когда дела грешны – бесспорно.

Игрой ума вершит судьба,
А чувства – с телом пуповина.
За что – душе судить себя?
Она осталась неповинна.

Хоть немного развеяться...

Хоть немного развеяться мне бы,
Притвориться, что всё хорошо...
...Марсианское красное небо –
Солнце, видно, недавно зашло

И внезапно вокруг потемнело.
Фиолетовых тучек стада...

Ах, добавить бы снежного мела
В этот сумрак чернильный суда

И стыда, в этот морок военный!
Нет, ничто от беды не спасло.
Детский Брэдбери мир (сокровенный)
С пеплом книг в темноту унесло.

Нас ничто научить не сумело.
Хеллер, Оруэлл, Хэмингуэй...
Никому до культуры нет дела.
Что – Уэллс? Тут – войны апогей!

Нет, не здесь. Здесь – читаем и смотрим,
Раздираемы горькой виной,
То с ума от волнения сходим,
То гордимся свободной страной;

Бросим в "сеть" новый поиска невод –
Украина, дотла не сгорай!..
Марсианское красное небо
Манит в книжный придуманный рай.

*...душа ведь растёт и крепнет
с каждым годом.*

Ирина Иванченко

Душа растёт и крепнет, как деревья,
Питаемые почвой и дождём.
Для душ важнее стержень, чем кочевье, –
Полёту мы пристанищем стаём,

И птицы возвращаются. Не плотский -
Нас горний путь влечёт, за пядью пядь.
Души работу славил Заболоцкий –
Лениться не позволим ей опять!

Пусть ветер непогоды ветки треплет,
Защита нам духовная дана –

И с каждым годом души наши крепнут,
Как выдержка у старого вина.

Возвращаюсь в настоящее,
Будто бывший грешник – в храм.
Кофе горький и бодрящий –
Как наркотик по утрам.

Из задворок сна дремучего
Прихожу в себя опять:
К настоящему приучена,
Чтоб на грёзы не пенять.

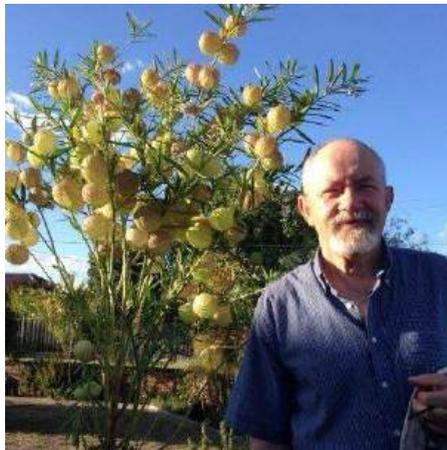
Не пронять им. Снится Винница
Реже... Тотчас сон прерву –
Даже если мне привидится
Город детства наяву.

Покуда пишутся стихи,
Ещё всё это выносимо –
И искупаются грехи,
Чтоб восстанавливались силы.

И существует смысл жить
Душе моей в пределах тела,
Пока возможность ворожить –
Хоть на словах – не оскудела.

"В начале было слово" – та
Купель с водою голубою.
...А наступает немота
И – накрывает с головою.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

*Родился и жил в г. Таганроге
Ростовской обл.*

*Работал в Таганрогском
радиотехническом университете
зав. кафедрой, профессором
кафедры высшей математики.*

*Первое стихотворение
опубликовано более чем полвека
назад в университетской
многотиражке; в 1998 г. вышел
сборник «Нить любви», который
переиздавался несколько раз.
Живет, в Мельбурне, Австралия*

ПОДАРКИ

Подруге

Помним мы свою нищую юность,
Годы светлые сердцем любя —
Что дарили студенты друг другу?
Мы дарили друг другу — себя.

Наши годы звездой пролетали,
Ветер, зной, снегопад и метель,
Что дарили друг другу в подарок?
Мы дарили друг другу детей.

Вот и золото старости нашей —
Как стремительно годы летят!
Мы, как прежде, не дарим подарки,
Дети дарят... чудесных внучат!

От свечей лишь остались огарки,
Ничего, дорогая, держись!
Не дарили друг другу подарки,
Подарили друг другу мы – жизнь...

Мельбурн, 2024

ПЕСНЯ БАБУШКИ АССОЛЬ

Новелла

Давным-давно неисправимые романтики Ассоль и капитан Грэй в один прекрасный день соединили свои сердца...

И жили они долго и счастливо.

Грэй основал транспортную кампанию «Ассоль», и его корабли с чудесными алыми парусами бороздили моря, перевозя чай, кофе, пряности, другие экзотические товары...

Жена моряка Ассоль вместе с детьми, а потом и внуками, по-прежнему ждала своего капитана на берегу и радостно, как в юности, встречала его много-много лет подряд.

Но однажды его корабль «Секрет» не вернулся из плавания, исчез неведомо куда, и уже седая Ассоль снова день и ночь, год за годом напрасно ждала его у моря...

И плыла над тихим берегом её грустная песня...

Жду тебя, прошу, вернись!
Очень долго жду.
Вот уже проходит жизнь,
Полночь на виду.
Вот и внуки подросли,
Нет и красоты,
Всё уносят корабли
Алые холсты...
Вновь приди, как было прежде,
Душу мне согрей,
Столько жду тебя с надеждой,
Где ты, милый Грей?
Если ты ушел навечно —
Память сберегу,
Буду помнить нашу встречу
Здесь, на берегу.
Не забыть мне первой ласки,
Первого огня...
Было все, как будто, в сказке,
Вспоминай меня.

Вижу я небесный город,
Новую звезду...
Жди, любимый, очень скоро
Я к тебе приду.
Мельбурн, 2024

Из старых тетрадей

ПТИЧКА

Опять неожиданная пришла зима —
Застыли до весны осенние капли,
На юг опять все птицы улетели
И снова пасмурны осенние дома...
А я — люблю. Люблю, как той зимой,
Что подарила мне начало света,
Что разбудила заново поэта,
Готового пойти до радуги с тобой!
Опять зима, опять мне щиплет нос,
Опять отчеты, суета и холод,
Но в кухне у меня — весел и молод —
Подаренный любимой дубонос.

ВЕЧНОСТИ

Пускай над Землей
проползают века,
И, стертые ветром дотла,
Пропадут пирамиды —
Я стану лишь каплей в седых облаках,
Но она сбережет и запомнит — тебя.

Она будет мерцать
под уставшей звездой
Каплей теплого летнего
Слепого дождя,
И дождь серебром засмеется по стеклам,
А кто-то в том смехе узнает — тебя.

Она разобьется
росой по цветам —

Их древнее имя
Забудут столетия —
Цветы запылают твоей красотой
И хрупкость, и нежность возьмут — у тебя.

Она обернется
Волшебной снежинкой,
Звездой упадет на каштановый локон —
И станет девчонка такую, как ты,
Вернее, похожей чуть-чуть — на тебя...

Наверное, вечны Любовь лишь да Время,
И ты тоже будешь, конечно, всегда,
Потому что — пою всей Вселенной —
Ты и я, ты и я, ты и ...

1971-2025

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Украинский поэт, родившийся в городе Херсоне (1968) и живущий в Киеве.

«Сейчас начнётся» – двадцатая книга поэта, автора многочисленных публикаций в газетной и журнальной периодике, переведённого на все основные европейские языки, а так же: на украинский, белорусский, грузинский,

португальский, нидерландский, сербский, польский, иврит и др. В 2022-м году Александр Кабанов был награждён Главной премией XVIII-го Международного Фестиваля гражданской поэзии (г. Верчелли, Италия, проходящего под эгидой Юнеско) – за личные достижения в современной литературе и за книгу «La lingua del nemico / На языке врага» (изд-во «Interlinea», г. Наваро, Италия, 2022. Директор: Roberto Cicala, перевод на итальянский: Alessandro Achilli). В 2024-м году, за книгу стихотворений в переводах на английский «The Age of Vengeance» (Издательство «KunLun Press», Нью-Йорк, США, 2023) – поэт стал обладателем Международной премии имени Эрнеста Хемингуэя (журнал «Новый свет», Торонто, Канада). Александр Кабанов – был соучредителем и главным редактором легендарного украинского журнала о современной культуре «ШО», выходившего на русском и украинском языке в Киеве с августа 2005-го по март 2022-го года.

Стихотворения из книги «СЕЙЧАС НАЧНЁТСЯ»:

новая военная лирика

Отвоевав людей, время уходит в запас
и замирает, как над пустыней звезда,
и тогда ты чувствуешь, что прямо сейчас
начнётся то, что не кончится никогда.

Прямо сейчас начнётся то, что страшней всего
и желанней всего – это объятья твои,

и я спрошу тебя, господи, ради чего:
столько жертв и столько боли, ради любви?

Купол небесный, натянутый на каркас,
цвета слоновой кости ломкие облака –
это твоя красота, что спасёт всех нас
или убьёт всех нас, размажет наверняка?

Я вопрошаю, а ты молчишь и молчишь,
если бы ты ответил, то я бы умолк навек,
словно герой из сказки, мальчиш-кибальчиш,
а ты – мой автор, господи, ты – человек.

Пусть я – болезненное и рыхлое существо
и в голове моей – ветер и серое вещество,
пусть начнётся, господи, волшебство,
прямо сейчас начнётся чёртово волшебство.

И мы воскреснем, не умирая среди вещей,
не разлагаясь в твоём ангаре для овощей,
воскреснем там, где земля не ведает зла и тьмы,
где, слава богу, тебя не будет, но будем мы.

* * *

Я родился мальчиком непростым:
под бездонным небом, почти пустым,
иногда в нём что-то противно выло,
но врагам на зависть, в запасе было –
наше пиво всегда холодным, всегда густым.

Веселясь, сдувала пену моя родня:
наше пиво теперь повсюду – светлее дня,
продолжительность жизни, увы, короче,
вдруг вскочил я вечером на коня
и помчался в даль, что темнее ночи.

Вышел новый месяц и сел на мель,
с конским потом смешался отборный хмель,
чем ещё перед сном удивить вас, парни:

вдоль дороги, прямо отсель – досель,
к горизонту строились пивоварни.

Крыши в золоте, за чередой ворот –
в третью смену работать спешит народ,
причащаясь к чуду по доброй воле,
и почуял я – через хмель и пот –
запах мёртвых водорослей и соли.

И открылось мне во всю ширь свою
море (нет, не пива, оно – в раю) –
чьих-то слёз (о них говорил оракул:
дескать, есть у родины на краю
водоём, который – не кот заплакал).

И услышал я голос, совсем в ином
измерении, там где царит бином,
он прорвался к нам, чтоб завывать над морем:
этот мир готовится быть вином,
быть свободным, красным, сухим вином,
и прольётся кровь, на пол литра спорим?

Я нашёл в степи для себя постой,
подружился с девочкой непростой,
стал ходить в качалку к седому арни,
ни вина, ни пива, одна вода:
буду выше неба, и вот тогда –
о моей душе помолитесь, парни.

* * *

Весенний сквер, как чистый лист,
и я вношу в него поправки:
вот спешился мотоциклист
с зелёным ящиком доставки.

И стало трошечки теплей
на лавочке под старым клёном,
где времени древесный клей –
при мне разбавили зелёным.

Что в этом ящике, куда
спешит доставщик – кто же знает,
и чья горячая еда,
которую он доставляет.

Похоже, ящик из свинца –
из довоенного металла,
судьбы не разглядеть лица
во тьме зеркального забрала.

Какое счастье быть вдвоём
в весеннем сквере безопасном:
не дрейфь, до лета доживём,
и этот ящик станет красным,

и жёлтым – осенью, ясны
зимы белеющие дали,
и то, что раньше, до весны –
мы никогда не доживали.

* * *

Я завернул за угол дома,
чтоб отыскать последний храм
на улице, что мне знакома
по довоенным вечерам.

Вокруг весна: постель и уголь,
вот-вот проступит акварель,
и дом разбомблен, только угол –
остался от него теперь.

А за углом, горит, вестимо,
фонарь, рассеивая дым:
пусть молятся руины рима –
святым развалинам моим.

Пусть через них ведёт дорога
и не теряется в веках,

туда, где мать выносит бога
из-под завала, на руках.

И с ним стоит на перекрёстке,
теряя к смерти интерес:
вся, как благая весть, в извёстке –
о том, что сын её воскрес.

* * *

Смотри: как бабочка ночная
врывается в мои слова,
и эту жизнь запоминая –
её мертвеет голова.

Она в роскошной шубе летом
согреться вовсе не спешит,
её любовник был поэтом,
но умер, вечностью подшит.

Над подвесными небесами,
включив бессмертное кино:
она – и женщина с усами,
и вертолётчик с «мимино»

Звучит воздушная сирена
и закипает суп-харчо,
вернулась бабочка из плена
и села на моё плечо.

Вот так всегда, в любом финале,
когда разрушен старый храм:
её от гибели спасали –
набоков или мандельштам.

Зачем она – в ночи истёртой
и на исходе трудодней –
своею головою мёртвой
вращает в памяти моей?

И почему, когда мы были
под киевом и под москвой –
мы эту бабочку хранили
в своей жестокости людской?

Читатель, поклянись на этом
творении военных дней,
и я останусь белым светом
для чёрной бабочки моей.

* * *

Лето среди густых растений и небесного огня,
август – время потрясений – боже потряси меня
над толпой, как погремушку, чтобы влиться в общий гнев,
над рыданием в подушку наших вдов и наших дев.

Потряси меня за плечи, чтобы я пришёл в себя
и остался частью речи накануне сентября,
частью речи, сгустком боли, гладиатором добра,
сторожем в херсонской школе, что разбомблена вчера.

Выключи шансон кабацкий и сроднись с моей бедой,
где колеблется рыбацкий колокольчик над водой,
там, где киевские горы растворились в синеве,
и выходят мародёры с новым вием во главе.

Август – это месяц ясный, как меня ни назови,
но отныне я – потрясённый волонтёр твоей любви,
ночь зализывает раны всех грядущих мятежей,
и влажна, как баклажаны – перед выставкой ножей.

На закате и в зените, где сплошной иконостас,
знаю, вы меня пронзите, чтобы я вас не потряс:
сквозь кевлар в бронежилете вы пронзите сердце дня,
чтобы не было на свете – дней, пронзительней меня.

О БАХЫТЕ

Вспоминаются не только волшебные стихи Бахыта, особая музыка, плавающий ритм, очаровательное многословие, никогда не угадать, куда дальше строка пойдет, как изогнется, как звук из поэтической речи совершенно естественно перейдет в разговорную, как будто он просто рассказывает историю. Сейчас порой читаю вслух стихи Бахыта на разных поминальных мероприятиях, стараюсь передать его интонацию. А не получается. Настолько тонки и неуловимы переходы, проговоры. Хотел было сравнить с каким-то музыкальным жанром – и не получается. Попробуйте передать, пересказать течение живого ручья.

Теперь прежде всего вспоминаются вот эти черты: чудачество, радушие, легкое ерничанье, насмешливость, прежде всего над самим собой. Хотя цену себе он абсолютно точно знал, но это редко прорывалось напрямую. Я понял, почему так хочется вспоминать и вспоминать все – и домоводство, и, с пеной у рта, доказывание преимуществ какой-то еды (химический состав! – профессионал-химик) или особой водки, преклонение перед Ремонтом Приборовым, выдуманным alter ego Бахыта. Для его дарования, для языка, который переполнял его, не хватало пространства в одной личности.

Но это не раздвоение, растроение личности, как нередко бывает у творческих людей. Это другое – переполнение музыкой языка. А как личность он – абсолютно цельный. Кстати, и близость к химии оттуда же. Слили два раствора, и вдруг получилось что-то совсем другое, и по цвету, и по текстуре. А формулу не записать. Она где-то только у него, неопределима.

Андрей Грицман
(Нью-Йорк)

БАХЫТ КИНЖЕЕВ

2 августа 1950 — 26 июня 2024,

*Русский поэт казахского происхождения.
Родился в г. Чимкент (Казахстан) С трёх лет жил в Москве. Казахского языка не знал, однако при выборе национальности указал в паспорте, что он казах, и считал себя казахом.*

Окончил химический факультет

МГУ. Дебютировал как поэт в коллективном сборнике «Ленинские горы: Стихи поэтов МГУ» (М., 1977). В юности публиковался в периодической печати («Комсомольская правда», «Юность», «Московский комсомолец», «Простор»), однако первая книга его стихов вышла только в Америке в 1984 году. В начале 1970-х Кенжеев стал одним из создателей поэтической группы «Московское время» (вместе с Алексеем Цветковым, Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским).

Публиковался с 1972 года. В 1982 году эмигрировал в Канаду, а в 2008 переехал в США (Нью-Йорк). Это не помешало Кенжееву проводить встречи с читателями и коллегами по цеху в России, а издание его книг в основном осуществлялось в российских издательствах.

Член Русского ПЕН-клуба. Входил в жюри премии «Дебют» (2000), в жюри международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Акторна» (2011), премии - «Русская премия», «Кубок мира», «Волошинский конкурс». Публиковался в переводах:

на казахский, английский, французский, немецкий, испанский, голландский, итальянский, украинский, китайский, и шведский языки.

Премия журнала «Октябрь» (1992), Антибукер (2000), Русская премия (2008), Премия журнала «Новый мир», «Москва-транзит».

Лауреат фестиваля «Киевские лавры» (2006).

Майору заметно за сорок — он право на льготный проезд проводит в простых разговорах и мертвую курицу ест — а поезд влачится степями непахаными, целясь в зенит, и ложечка в чайном стакане — пластмассовая — не звенит.

Курить. На обшарпанной станции покупать помидоры и хлеб.
Сойтись, усомниться, расстаться. И странствовать. Как он нелеп,
когда из мятежных провинций привозит, угрюм и упрям,
ненужные, в общем, гостинцы печальным своим дочерям!

А я ему: «Гни свою линию, военный, пытайся, терпи –
не сам ли я пыльной пылью пророс в прикаспийской степи?
Смотри, как на горной окраине отчизны, где полночь густа,
спят кости убитых и раненых без памятника и креста —
где дом моей музыки аховой, скрипящей на все лады?
Откуда соломою маковой присыпаны наши следы?»
«А может быть, выпьем?» «Не хочется». Молчать, и качать головой —
фонарь путевой обходчицы да встречного поезда вой...

Я стою на ветру, а в руке адресок,
переписанный наскоро, наискосок,
а январь сухорук, и февраль кривоног,
и юродивый март невысок –
я стою у метро, я хочу шаурмы,
я невооруженный на форум
не хочу, потому что устал от зимы.
Что твердите вы, дети, взволнованным хором?
Что вы мне посоветуете наперебой,
от чего отговаривать станете? Я бы
жил да жил, с человеком менялся судьбой,
и дышал этим воздухом слабым –
этим варевом волглым и грешным, пока
пар дымит из подземного устья,
и обратные братья его – облака –
отдыхают в своем захолустье,
и закрою глаза, и обижусь, и пусть
никого не найду. Никого не дождусь.
И шепну: о моя золотая!
До свидания, дети. Воздушный ли шар,
или все-таки я отшумел, отдышал,
книжки тощие переплетая?

В небесах оскаленных огненный всадник несется во весь опор, а у меня — тлеет под сквозняком запах старого табака и лимонной корки.

Славное было начало, добрый топор, только с известных пор там, где звучало слово — сплошные ослышки и проговорки, там, где играло слово, брешет лисица на алый щит, занесший копьё оглядывается и вздрагивает, но не сразу останавливается у озера, где в камышах шуршит дуб, и шелестит цветная галька в деснице заезжего богомаза.

Далеко ли по этой глади уплывут пылающие корабли — пораженные недругом? Чем я утешусь в скорби своей? Разве даже морской простор, даже дорога в тысячу ли не начинается с землемерия и водобоязни?

Неуютно иконе спасителя на городской стене.

Неспокойно пешему, да и конному – благодатью поделиться не с кем. Молчат, не умея ответить мне, дуб и холст – путешествующие глухонемые братья.

Охладив примочкой саднящий продолговатый синяк на щеке, руки выложив на одеяло, исходя постыдной ревностью, я ворочаюсь на алых шелковых простынях, осознавая, что ночь постепенно становится очевидной — разомлевшей, насыщенной зимним воздухом и землей, не спеша поднимающей узкий бокал во здравие и бесправие мертвого всадника, веской и невесомой, злой, молодёющей на глазах, переполненной плазменной явью.

ЕЛЕНА КОГАН

Родилась и выросла в Гомеле, что в Белоруссии. Много лет прожила в Израиле, там же стала программистом и обрела друзей, разбросанных сейчас по всему миру, и которых мне, безусловно, не хватает.. Сейчас живу и работаю в Австралии.

Публикации: Альманах «Витражи» 2024, фестивальное сборник стихов «Эмигрантская Лира» 2023,

Стихи

День начинается с кофе...
С кофе и со стихов...
Мысли ложатся в строки,
Строфы слогают слова,
А повезет то скопом
Сформируют стихи...
Это нечасто, непросто,
Счастье легкой руки
Изредка посещает,
Птицей цветастой присев
На кромку ажурных мыслей—
Не спугнуть бы. Удел
Строк и строф негаданн,
Непредсказуем, непрост...
Тем что не посчастливилось—
Неминуем погост,
Забутье или свалка...
Их только немного жалко...
Ну да ладно кофе
Сгладит утраты бойко,
Их будет еще много
Строк и стихов, только
Бы было утром кофе
В уютной, красивой чаше,
пусть даже горчит немного.
С ним утро всегда краше.

Воспоминания

Ты помнишь
Мы с тобой гуляли
У моря
Пока рутина
Жаловала нас
Свободным временем
Невольно
Его не замечая течения
Подчас
Вдыхая легкий
и тягучий бриз
Укутываясь шелестом
Прилива
Как были мы безудержно
Счастливы
Под шорох гальки
И песочный хруст
Слова слетевшие
С дражайших уст
Так были бережны
А темы щекотливы
А щек румянец скрыт
Под сумерек
Сварливых
Вуалью призрачной
И хрупкой
Словно куст
Весенних ландышей
У дома на тропинке
Рука в руке
Весь мир
на талой льдинке
А мы от всех
Несчастий вдалеке...

Об изменениях

Я свет перевернула тыщу раз
На постулаты чьи-то опираясь,

Собою жертвуя,
Не пререкаясь,
Обслуживая нужды всех
Подчас, собою на корню
Пренебрегая
Но это в прошлом, ныне
Я другая
И мне б себя такую удержать
И тут звенит мобильник:
Отвечаю, из трубки просьба:
" подменишь меня опять?"
"Конечно!!" Без раздумий соглашаюсь..

О жизни

Раз пошла такая пляска
Я сейчас тебе спляшу
Жизнь - откос, а я савраска
Не нарушить бы межу
Тех, кто слева, тех, кто справа
Снег, полозья, поворот
С неба сыплется приправа
В сей наваристый компот
То ли дождь, а может ветер
Устоять бы на ногах
подкосившихся наверно
Не побритых впопыхах
Скорость быстро набирая
Не спикировать в кювет
Да я в нем уже бывала
И карабкалась на свет
Мне с маршрута бы не сбиться
На меня глядят глаза
Восхищенной райской птицы
Отказали тормоза
Занесло на повороте
Замело ориентир
Я прокладываю с воплем
Перевалочный пунктир
Тормозить мне не пристало

Остановка это смерть
Я ж еще не исчерпала
Этой жизни круговерть
Я еще не рассмотрела
То ли в рай, а то ли в ад
И зачем-то проверяла
Что там люди говорят
Не придумала удела
Мне Эдем ли тартар
И зачем-то оказалась
Средь диаспоры татар
Не фантазия не сказка
Так о чем я? Я про я
И про то что я савраска
И несусь ... а на ..фига?

ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ

Сибирский поэт. 1945 г.р., уроженец с.Буреть Иркутской обл. В 1976 году закончил лит.институт им.Горького(обучался в семинаре известного поэта Л.И.Ошанина).Печатался в журналах "Звезда", "Студенческий меридиан", "Пограничник", "Сибирь". Автор сборников стихов "Корни кедра" 1975 г. и "Спасательный круг" 2017 г. В 2018 году в журналах "Берега" №4 и "Молодая гвардия" №10 вышла подборка стихов. В 1985 году трагически погиб в возрасте 39 лет в г.Кашире Московской обл.

Там и похоронен.

(Печатается по просьбе брата, Александра Кольцова)

ПОМИНКИ

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберет соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвой осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма кромешная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле – по шуршанию колоса,
Сентябрь – по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.

Скребла полы
И клеила калоши,

Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подростших,
Любивших плакать,
Петь и рисовать.

Ты помнишь?
Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор.

Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

ТЁТКА ДАРЬЯ

В День Победы
Тётка Дарья –
Вот уже который год –
Утром мужнины медали
Мягкой тряпочкой протрет.

Так в награды фронтовые
Въелась горечь передряг,
Что, всю жизнь прошив навывлет,
Память
Встанет вновь в дверях...

Вот летишь ты на свиданье
За околицу села
Никакой ни теткой Дарьей,
А невестой, весела...

Сотни звёзд!
А может, тыщи?

И, не помня ничего,
Ты сама во тьме отыщешь
Губы жаркие его.

На счастливейшей полянке
Знать не знали
Ты и луг,
Что «Прощание славянки»
Вырвет милого из рук...

Я б за то вручал медали,
Что жила
В дни тех годин
Вера в силу ожидания
Даже в плаче проводишь.
Шла она с бойцами рядом,
Согревала в снег и в дождь...
Ты прильнёшь щекой к наградам
И украдкою
Всплакнешь.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго –
Через всю Россию –
Шли письма.
Днём и по ночам.
А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустря, в
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.

Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержание различать?..

Обманчивость благополучья –
Был в тыщу раз
В те дни страшной
Родных мужицких закорючек,
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,
То в дрожь,
Солдатки знали –
По походке –
С какой ты весточкой идёшь.

КРАЙНЯЯ ИЗБА

Пурга.
Ни огонька и ни столба!
Усталости слепая паутина...
Но в белом мраке крайняя изба
Меня, как сына,
На ночь приютила.

В ней не нашлось домашнего вина,
Но угольки нашлись для самовара.

Хозяйка престарелая –
Одна! –
В ней, доживая век свой, зимовала.

В ней пышно взбитых не было перин,
И мне постелью стал тулуп овчинный.
А я сидел на лавке
И курил,
Прикуривая жадно от лучины.

В печи сухие таяли дрова,
Стреляя, как неотсыревший порох.
И думал о старушке я сперва,
Потом – о крайних избах,
От которых

Такой короткий путь до большака...
Отсюда – не на жатву урожая –
Сибирская крестьянка
Мужика,
Сынков своих на запад провожала.

Как ночи ожидания длинны!
Как луч надежды призрачен и тонок!
Здесь проходил
Передний край войны,
Сердца сжимая болью похоронок.

И если снова позовет труба
Иль заметёт дорогу вьюга злая,
Проводит нас
И встретит нас изба,
Та крайняя изба –
Не хата с краю.

ГАЛИНА КОМИЧЕВА

Родилась в Коми АССР, окончила филологический факультет Киевского университета. Работала этнографом в Карнатах, редактором в издательстве «Українська Радянська Енциклопедія», референтом в Союзе художников Украины. Публиковалась в журналах «Радуга», «Крещатик», в антологиях «100 русских поэтов о Киеве» (2001), «Киев. Русская поэзия. XX век» (2003). Член Союза художников Украины.

В СЕВЕРНОМ ЛЕСУ

* * *

Который час? — ну да, уже светает...
могучий тополь примет весь огонь,
всю тяжесть солнца, листья засверкают,
кидая свет с ладони на ладонь.

Огромный мир и в эту ночь не спал,
он, каторжный, вращал земное тело,
превозмогал, ворочал, закипал
в мирах непостижимости пределов.

...Прокаркала ворона. Городской
проснулся житель, и куда как просто, —
умыв лицо, вдохнув рассветный воздух,
он в океан вливается людской.

* * *

Ночь. Море. Дюны. Камни. Огоньки
далёких кораблей —
приют,
прибежище,
укрытие поэта.

Светильник в незашторенном окне
беседует с луной о сокровенном.

* * *

Парусник, медленный парусник
ангелом белым вдали.
Как ты далёк, парусник,
от каменоломен земли.

Тихо идешь мимо времени,
лирик-поэт, меломан,
медленный парусник, медленный,
дня моего талисман.

* * *

За ночь расчистилось небо над городом,
липы, надев золотые короны,
не шевелятся. Под царственным пологом
тьнь разливается в разные стороны.

Из ничего зажигается жизнь,
на перекрёстке секунды и вечности
силы небесные напряглись,
формы меняя до бесконечности.

Веером солнце бросает лучи,
овладевая просторами лета,
мощным напором полдневного света
о человека ломая ключи.

* * *

Куда мне без вас, дерева! —
отдельный народ и держава,
вас только ли для топора
безвестная воля рожала?

Мне с вами легко горевать,
беседовать с каждою веткой

и впитывать каждую клеткой
земной красоты благодать.

* * *

В Голосеево, возле озёр,
тишь расставила сети для шума,
о январской, о кроличьей шубе
вспомнил клён, городской фантазёр.

Ах, какая же осень была! —
простояла до самого холода,
и как женщина, всё отдала,
и ушла, в чём стояла, из города.

Всё свершилось, никто не сплюшал,
ветер в городе мусор гоняет,
а душа неземная витает, —
она просто летает, душа.

* * *

На отмели речной двухвёсельная лодка
ждала рассвета. Тихая волна
нашёптывала берегу слова
о бесконечности времён. И тот, кто
не спал всю ночь и видел, как луна
всё медлит расставаться с небосводом,
был сам луной и шелестом волны,
и явленным творением Природы.

* * *

Как яблоко, готовое упасть,
чтоб ветка разогнула спину,
я от себя освобождаю Вас
во имя духа и отца, и сына.

На то и спелый август, чтоб плоды
на землю падали с тяжёлых веток,
я подарю Вам слов прощальных свиток
и грустный взгляд из сада доброты.

* * *

Скорей проснись и защити меня
своею слабостью, незнанием порока
и неумением защитить. Проснись.

От моего всезнанья защити,
от моего всепониманья — тоже,
от чёрных кошек, мирозданья, от прохожих,
от злых и добрых духов защити.

В трясине бытия и распрей вечных
любви и доброты мне не искать.
Проснись скорей, пойдём с тобой на речку
бумажные кораблики пускать.

В СЕВЕРНОМ ЛЕСУ

Костяника цветёт,
и земля заманихой пахнет.
Можно молча стоять,
как в готическом храме.

Ахает...
птица какая-то
ахает,
ахает,
ахает,
и еловая шишка с самого верха падает.

За сосною, подальше, не напоказ
пожилой, однозубый пан
то ли мох, то ли сказ шамкает,
а деревья согласно ему — шапками.

* * *

Старинной книги стёртые края,
игрушечный, миниатюрный глобус,
часов настольных чистота и строгость
и лист бумаги рисовальной. Я
решаюсь взять перо и приступить к работе.

Так много существует мест в природе
не стёршихся из памяти. И вот он —
возник тростник и молящийся у водной
поверхности. Невысоко над ней —
стрекозий мостик, лёгкий, деревянный,
держась на столбиках из пней,
и дальше — тропка ниточкою рваной
уводит глаз из лучших в жизни дней.

* * *

Музыка! — и замолкает поэт,
оскорблённых метафор сгребая сгоревшие листья.
Нет, поэт не завистлив, поэт
вдогонку бросается за музыкантом, артистом.

Музыкант, запрокидывал голову так,
будто носом шла кровь,
а под чёрным крылом инструмента
молоточки считали — *momento-momento— momento...*
стекали сквозь струны — *momento-momento — момент...*

Я люблю Вас, тебя я люблю, я люблю Вас,
стаи птиц воспаряют всё выше, всё выше, всё вы...
Выходи на поклон, большое дитя комплимента!
Ты вышел оттуда, где только что грезили мы.

* * *

О, Джаз! Могучий поджигатель крови,
непревзойдённый заклинатель змей,
искусный мастер сочных сквернословий,
гонитель скуки и монастырей!

О, как ты люб, жуир и вольнодумец,
таким как ты, сорвавшимся с цепей,
любимцам неба, площадей и улиц,
к чертям пославши власть календарей.

О, Джаз ...

* * *

Сыну

Пироги — едокам, облака — беднякам,
травам — необозримое поле,
думы — умным, пустые слова — дуракам,
цепь — рабу, а свободному — воля.

Слух и зренье на полную мощность включи,
поручи себя зренью и слуху,
не ищи золотые от счастья ключи,
они — рядом, по правую руку.

К ДРУЗЬЯМ

Родные мои, бесскворешные,
певчие вы мои,
грешные души безгрешные,
поводыри любви,

без выходных работники
в безгонорарный век,
художники, вестники, столпники,
иноки библиотек!

Не уставайте, звёздные,
узники высших сил,
вам небесами розданы
крылья белей белил.

Не умолкайте, милые,
кутайте горло зимой,
истины дети надмирные
в скорбной юдоли земной.

ЭЛЛИНА КОМХА

Родом из Харькова. Преподаватель английского, переводчик, экономист. В Мельбурне проживаю более 30 лет. Веду два бизнеса, воспитываю двоих детей, хотя скорее наоборот: бизнес ведет меня, а дети воспитывают. Пишу для себя и о том, что меня больше всего задевает или занимает, вне политики и религии. Для души играю в театре, иногда пою под гитару и путешествую по миру.

Нет страсти к жанру горьких эпитафий,
От их банальных строк меня знобит,
Но вот печаль семейных монографий,
Совсем не однозначная на вид.

Поэт творил, ничуть не уставая,
Пока душою вверх не воспарил.
А лестница вела вверх винтовая,
Совсем без очертаний и перил.

Когда прощанье слабого привета
Неспешно растворилось в тишине,
То луч новорожденного рассвета
Был ярким и загадочным вдвойне.

Весь мир затих, наполнился слезами,
Когда своей свободы ты достиг,
Благодарим тебя, что был с нами,
Благодарим тебя за каждый миг...

Не с целью устремленья за пределы,
А чтобы к свету вырваться из тьмы,
Мы просто продолжаем твое дело,
Теперь на свете ты – это есть мы.

Вот истина, подвластная поэту,
О том она гласила, что поэт
Не покидает ни за что планету,
Ведь за собой он оставляет свет.

Магический, кармический расчёт
Пожизненно оберегает душу.
Любовь бывает душу разожжет,
А ненависть ее совсем затушит.

Нам всем платить придется по счетам,
Во всех грехах придется всем признаться,
Пока любовь мы выдаем за хлам,
За ветреную смену комбинаций.

Не вечно наслаждения искать
И временем разбрасывать, но все же,
Не отпустить, того, кто нам под стать,
Мы, верно, никогда уже не сможем.

Нуждой великий разум победим,
А сложное заменим на простое.
Мы все чужое сделаем своим,
А все свое растратим, как чужое.

Из мясорубки мозга нищеты
Выходят не святые, что распяты,
А палачи, что верят, что святые,
Одни универсальные солдаты.

Пусть сердце режет, мысль на части рвет,
Но с новой силой в каждом новом дне я.

Такой уж у судьбы простой расчет –
Что не убьет, то сделает сильнее.

Уверенность приходит неспроста,
Когда уходит жалость всепрощенья,
Измята память и душа пуста,
В реальность наступает возвращенье.

Рассвет забрезжит, темнота уйдет,
И не тону в воде я, не горю в огне я,
Такой уж у судьбы простой расчет -
Что не убьет, то сделает сильнее.

Никогда не взрослей, не снижай высоты,
На которой крыло у бумажного змея,
По дороге собрав полевые цветы,
И коленок разбитых своих не жалея.

Никогда не взрослей, запираясь на ключ,
За спиной годовщины пусть да юбилеи,
Голосами детей свою сущность озвучь,
От любви возгораясь сильнее, а не тлея.

Никогда не взрослей, увлекаясь стряпней
Из мудрейших советов да благорассудий.
След оставь за собой, непутевый, но свой,
Опыт бьет наповал, как из точных орудий.

И не вздумай робеть пред попранием лиц,
Бойся Бабы Яги только и Бармалея.
И за руку держи простоту без границ,
Ведь от муторных страхов она панацея.

Сохрани для себя этот мир колдовской
Не смени озорство на лик призрачных мумий
Не стремись в зазеркалье – кромешный покой,
Если вдруг повзрослел ты, то значит – ты умер.

Никогда не взрослей, покоряясь судьбе,
Верь и в Деда Мороза, и в добрую фею.
Никогда не взрослей – повторяю себе,
И поэтому я никогда не взрослею.

Я ступаю по запаху, звуков не слышу,
Я не вижу ни зги, и качая головкой,
Все слоняюсь по дому бессмысленной мышью,
Что мучительно трусит попасть в мышеловку.

Что забыла я здесь? Где былая краса-то?
В глупом зеркале тускла как будто химера...
И застывшие стрелки у циферблата
Не отмерят мой возраст пожизненно серый?

Я направо сверну, поднимаюсь повыше,
Здесь, как помню, должна быть гора старых тряпок.
Но тревогой и страхом мой каждый шаг дышит,
Ведь преследует вечно меня сырный запах.

Я налево ступаю, по курсу чуть ниже,
Чтоб из дому мне выбраться, так нужно мало.
Но мне кажется будто все ближе и ближе
Наступает все запах капканного сала.

Надо быть мне хитрее, шагаю я прямо,
И крадусь так неслышно, и выход так близко,
Но навязчиво мозг мой сверлит и упрямо
Этот всепоглощающий запах сосиски.

Я в бессилии гибну, и как, неизвестно,
Возвращаюсь назад, мимо грязных стаканов.
Только вдруг – яркий свет, сильный треск...бесполезно....
Ведь на шее смыкаются зубья капкана.

Вся жизнь, как сцена, нечего стесняться,
Что на своем мучительном пути,

Мы часто верим в смену декораций
В надежде что-то лучшее найти.

Но только лишь из робких новобранцев,
Ты переходишь к зрителям матерым,
То учишься не фоном восхищаться,
А большей частью – мастерством актеров.

Вот наша суть, прочитанная в лицах,
Что в вновь больные мысли теребя,
В потоках откровений и амбиций
Спектакль играет только для тебя.

Еще один момент, и все решиться,
Под занавес – аншлаг или провал,
Толь публики растерянные лица,
Толь бурный вдруг аплодисментов шквал.

И в зеркале гримерном отраженье,
Гримасою вновь озарится смеха,
Выходит так, что страх пред пораженьем,
Всего лишь путь к великому успеху?

Ты в роль войди: плебей или патриций,
И в образе ликуя и скорбя,
Ты знай, что это все не повторится,
Спектакль этот только для тебя.

Я его не звала, не ждала, а спала,
Затворивши и дверь, и окно,
Но небрежно, как будто плевал на дела,
Появляется он все равно.

Он приходит ко мне теперь каждую ночь,
Чтобы тихо присев на кровать,
Намекнуть, что всегда пошалить он не прочь,
Чтоб не дать мне глава закрывать.

Он приходит с чудным непонятым лицом
И рисует в сознание картины,
Что разят, будто насмерть холодным свинцом
С каждым выплеском адреналина.

Он приходит так тихо, все чаще к утру,
Прерывая приятные сны,
Чтоб свою навязать в одночасье игру,
Как посланник враждебной страны.

Знаю, то, что явился он не чтоб развлечь,
Он сутул, некрасив, узкоплеч.
Не унять мне его сумасбродную речь,
И не стоит игра мне с ним свеч.

Он приходит, заранее зная исход,
Наша связь, будто тонкая нить,
Ведь как солнечный только забрезжит восход,
Ему тотчас пора уходить.

Кто он? Рыцарь отважный, герой,
Или просто безжалостный враг?
Невозможно ответить на это порой,
Знаю только, зовут его Страх.

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году – первая публикация в газете «Литературная Россия». В 1991 – иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого». В 2002 году – иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году сборник повестей и рассказов также включает в себя тексты песен и романсов, положенных на музыку.

Живет в Австралии

Вернуться бы на сорок лет назад
И полюбить, кого не привечала.
Заметить, чьи глаза во тьме блестят,
И за собой зовут начать сначала.

Вернуться бы на тридцать лет назад
И выпросить прощения у близких,
Не прятать от других понурый взгляд,
Вновь вспоминая о поступках низких.

На двадцать лет вернуться и понять,
Что пятьдесят — это ещё не старость,
И что сверкнувшая седая прядь,
Не возраст, а всего-то лишь, усталость.

Десяток лет назад не отмотать,
Но, если бы вернуться в дату эту,
Я бы себе сумела доказать
Не зря поколесила я по свету.

Ну, а сегодня тишь да благодать
Утихли страсти, буйство прекратила...

Встаю с зарёю, в десять ложусь спать,
Вместо снотворного – глоток текилы!

Змей искуситель опорочил Еву,
Вмиг подтолкнув к печальному концу,
Представив ей извечную дилемму -
Жить иль не жить по божью образцу.

И вот, спустя столетия мы слышим,
Что год Змеи несёт богатство, страсть,
Энергию и творчество, и веру.
Ну, как тут устоишь, чтоб не упасть.

Решить неразрешённую задачу,
То ль яблоко Адаму предложить,
А может быть, рискуя, на удачу
Прожить в раю, и воду не мутить.

Читаю гороскоп «Змея советник
И выведет из кризиса, любя
Укажет направление, посредник
Между, что было, можно и нельзя».

И, следуя совету гороскопа,
В весёлом, наступающем году,
Я попрошу прощения у Бога
И яблоко Адаму предложу!

Всё чаще снятся мне родители
Нет, не зовут к себе, но всё ж
Будто стараясь убедить меня
Живи, люби, чего ты ждёшь?

И я живу, но так, как нравится,
Не на виду, пред сотней глаз.
Не в том беда, что не красавица,
Я не привыкла напоказ.

И я люблю, но тех, кто дороги,
Детей и внучек, и друзей,
Мне не нужны врачи-психологи,
Мне не тоскливо без гостей.

Сменилось мира восприятие,
Сменились образы людей,
Ослабевают антипатии,
Я стала мягче и добрей.

Недешёвая, но справедливость,
Ненадёжный партнёр у двери,
Не проявлена близкими милость,
Но рассудок твердит «Подожди».

Вот и ждём мы всю жизнь кто удачу,
Ну, а кто-то детей и внучат,
Кто-то всё по ушедшему плачет,
Ну, а, кто-то, ушедшему рад.

Уж и осень листвой опадает,
Скоро вновь запорошит зима,
Но надежда в нас не увядает -
Вместе с жизнью идёт, до конца!

Поскребла немножко
Волосы на ножках
Втёрла я в морщины
Весь тональный крем
Внучкиным фломастером
Подводила наспех я
Те места, где брови
Оставляли след.

Туфельки на ножки,
С каблукочком сапожки
В шкафчике пылятся

Много-много лет
А хожу я в тапочках
К моим внучкам-лапочкам
Губы без помады
Целовать «предмет».

Вот бы раззадориться,
Снова хорохориться
Юбочку повыше,
Словно в двадцать лет,
Талию осиную,
Шейку лебединую
Мордочку разгладить,
И скорее в «свет».

Целлюлит на ножках,
Отсосать немножко,
Выйти замуж снова
Не считая лет...,
Но, гребу я в тапочках
К своим внучкам лапочкам,
Талию в гармошку
Прикрывает плед.

Мир под ногами матери родной
Она оберегает нас от боли,
Окутывает вязкой тишиной,
Мы тонем в ней, лишаясь силы воли.

Но мамы не навечно, и покой
Миг превращает в ад кромешный,
То, что звалось, когда-то, тишиной
Вдруг улетает облаком надежды.

Восточные пословицы мудры
И нам ли спорить с истиной избитой
На головы обрушатся миры,
Но мамино объятье не забыть нам.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Живёт и работает в аборигенском поселении Манингрида, Западный Арнем, Австралия.

Поэт, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова. Победитель юбилейного международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии»-2017, победитель конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010 и конкурса молодых переводчиков РАН (2010), победитель Грушинского фестиваля

бардовской песни в номинации «бард» (2019), лонг-лист «Русской премии»- 2024, автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино) и поэтического сборника «Синий полог» (2021).

МАНИНГРИДА

Manayingkarrira – the place where the Dreaming changed shape

Здесь, у края воды, уж которую тысячу лет
На отливе плывёт по волне золотисто-сиреневый свет,
Благодатью своей освящая её отступленье;
Гладит камни, шепча: ничего, ничего, ничего неизменного нет,
Будут вам и приливы, терпенье, родные, терпенье.
Обнажаются корни, их гибкая, цепкая связь;
Рыба дразнит фортуны и сети обходит, смеясь,
На секунду впечатав свой след в филигранную донную вязь –
И следит человек, растворяясь в солёном просторе,
Как ныряют стрекозы, как бродит в корнях перегнутой,
Как выводит неровный стежок рыжий ястреб проворной иглой,
Как уходит вода из-под ног – и становится морем.

Здесь, у края земли, обессилев от местных красот,
Ты упрямо стоишь, потеряв и закатам, и радугам счёт,
Восклицательным знаком, в надежде не сдать вопросу,
Постигая науку скитальцев: не ждать новостей, не высчитывать курс
наперёд,
Примеряя судьбу то ли паруса, то ли утёса.

Но как только решишь, что натешилась этой игрой,
За плечо тебя трогает нежно твой вечный второй,
Говорит: как же славно, давно я в изгнании не был,
Не скучай, не грусти, отдыхай, запасайся рассветами впрок –
И на полную мощность опять заряжает восток,
И уходит земля из-под ног – и становится небом.

Здесь, на самом краю, у предела земного пути
Что ни утро, ты огненный воздух до хруста сжимаешь в горсти,
Отпуская на волю прохладный малиновый ветер,
Выдыхая вослед – о, лети, мой крылатый, лети,
Вдруг кому-то ещё не хватает дыханья на свете.
И куда находятся силы на этот бессмысленный акт,
Тихо щёлкает твой метроном с мирозданием в такт,
Подтверждая гуляющий ритм, укрепляя основу;
И дела твоих рук созревают в положенный срок,
И нисходит с небес изумрудный, искристый поток,
И уходит душа из-под ног – и становится Словом.

ГОРЛОВСКИЙ ПЛАЧ

С.А.

Горловка, что ты сгорбилась, вдовий надела плат -
Чёрные птицы горести в окна твои летят;
Больно уж ты приметная - не отстаёт ворьё:
Радость ворует светлую хищное вороньё.

Где палисадник с розами, бабий нехитрый рай?
Ворог, не зная роздыха, бьёт по твоим дворам,
Щерятся сталью лыцари, злобой в тройном зубце:
Мало им сердце выщелить – душу берут в прицел.

Горловка моя горлинка, белые два крыла...
Звякнули «колокольчики» – вздрогнула, замерла;
Шёпот кружит по улочкам: в доме нехорошо,
Вышел пацан до булочной, вышел да не дошёл.

Горловка моё горюшко, стопка да чёрствый хлеб...
В путь проводили кореша, тридцать неполных лет;
Траурными полосками тучи окаймлены:
Чёрная пыль шахтёрская, алая кровь войны.

Мира бы людям, мира бы – воздух, и тот устал;
Что ж вы творите, ироды, нету на вас креста!
Плачут сады сожжённые, пепел взлетает ввысь,
Вьётся над терриконами: господи, обернись!

Там, высоко во облацех,
лампой - луна,
это Маруся молится,
за всех - одна,
руки, как снега белые,
хватило б сил,
тяжко, а что поделаешь:
взялась - неси...

Горловка, богоносица, горькое ремесло;
Разве ж в святые просятся? просят, чтоб пронесло.
Только уж если выдали долю идти под плеть -
Не остаётся выбора: только терпеть да петь.

Пой да терпи, небесная, светлая аж насквозь,
Бейся наотмашь с бесами, чтобы всё вновь срослось,
В самой дремучей полночи – не поддавайся, стой,
Да упасёшь от сволочи свет негасимый свой.

Вот и весна - мы дожили!
вот и весна;
воздух нерастревоженный,
и даль ясна,
звон над землёй – для радости
не на беду -
кто там стоит, на радуге,
конь в поводу...

коногон мой коногон,
парень бешеный,
ну а губы у него
что черешневые,
ну а кудри у него
точно смоль темны,
ну а песни у него
аж с небес слышны...

Ах ты Горловка, непокорная,
вражьей силе век непоклонная...

ВЕЧЕРНЯЯ

Полусонный берег волна баюкает,
То ли шёпот слышится, то ли плач;
Вышла из-за облака тонкорукая,
Загляделась вниз, уронила мяч,

Покатился мячик, горяч и светел,
Окунулся в море, вскипел, остыл -
А на ближнем острове ставят сети,
А на дальнем острове жгут костры,

А на самом дальнем, запретном острове
Носит моя радость мечту в горсти...
Говоришь, что выбрала жизнь непостную?
Ну прости мне, господи, ну прости.

Ты ведь знаешь: всё не по мне, что средственно:
А за тем, что слюбится – знай беги!
Ту, что долготерпит и милосердствует,
Сбереги мне, господи, сбереги,

Пусть она не знает ни сна, ни роздыха,
Пьёт, не отрываясь, твой горний свет –
Ну а коль однажды не хватит воздуха,
То суда на это, вестимо, нет,

Но пока не сгорблюсь дугой недужной,
Не оставлю брренное позади,
От тропы пусть денежной, да ненужной
Отведи господь меня, отведи!

Не позволь соломой сгореть никчёмною,
По судьбе рассыпаться злой золой -
Ну а если в голову вступит чёрное,
То такую голову с плеч долой,

Ты не дай мне душу сглотать до остова,
Разменять сокровище по рублю...
Я не жду ответа, ты знаешь, господи:
Я всего лишь время с тобой делю,

Здесь оно ручное, смекает с голоса -
А ведь как звенело, летело вскачь...
Завтра снова девочка темнокошая
Заглядится вниз и уронит мяч.

ОБЕРЕГ

Городу Донецку

Вдоль берегов господних рек,
На склоне лета
Плывёт небесный оберег
По краю света,
Посланник радости живой
В лазурной рани,
Пасхальный сахар кружевной,
Глазурный пряник;
И в море радужней вода,
И жар нежнее,
А я шепчу: плыви туда,
Где ты нужнее...
золотая колыбель
Над сонной бездной –
Плыви, пока не ослабел

Твой дар чудесный,
Туда, где сполохом беды
Закат алеет,
Где безутешные следы
На той аллее,
Где ждут с тревогой и тоской
В квартире тёмной
На Перевальной, на Сумской,
И на Артёма,
Где о любимых столько лет
Молитвы льются -
Пусть в каждом доме будет свет,
Пускай дождутся.

Пролей отраду на бульвар,
Дождём умытый,
На бабушку, что, чуть жива,
Бредёт на Крытый,
И на братишку у костра
Рассветом росным,
И на мальчишку, что вчера
проснулся взрослым...

Гляжу из-под горячих век,
Застыв на месте,
Как тихо тает в синеве
Господень вестник,
Как плавится в горниле дня,
Уходит выше...
Но вдруг услышал он меня,
Ну вдруг – услышал?

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Родилась в Казахстане. Археолог. Сделала самостоятельное археологическое открытие в Хорезме. Четверо детей: сын, сноха, внук, племянница. Им и посвящала первые стихи и сказки. До приезда в Австралию работала на радио города Ташкента, как оператор и участник литературно-поэтических программ на русском и узбекском

языках.

ПЫШЕЧКАМ

Посмотрите на Данаю:

Манок взгляд, прозрачна кожа,
Сад ночной благоухает,
Атлас, кружево на ложе.

Вот не выдержал мужчина,

И на то была причина:

Он подумал, что Даная
Подморгнула, что живая,

Невозможно удержаться

От соблазна к ней прижаться.

К евноху приревновал,
Применил мужик кинжал...

Выражаясь фигурально,

Все закончилось печально:

Он в психушке загорает,
Труды Фрейда изучает.

Рубенс, Рембрандт, Рафаэль,

Не ходили на дуэль,

Кое-как существовали,
Формы женщин воспевали!

Знали толк в манерах тонких:

Шляпки, пальчики, вуаль,

Минимальна одежка,

Да и по боку мораль.

Лишний вес? Так это ж классно!

Каждая из нас прекрасна.

Мы – шедевры кулинара,

Нас не сдуть с земного шара!

Из цикла «Семейная психология»

Моя жена обиделась, я тоже в позу встал,

И в спальне мы не виделись, я так прощенья ждал.

Так пробегали день за днем, жена все думала о нем,

Не знала, как признаться – все могут ошибаться.

“Моей вины в конфликте больше, я психанула первая,

Мужская нервная система не снабжена резервами.

И это надо понимать, переписать сценарий,

Подумать, как все исправлять. Блинов ему нажарить!”

Блины готовы, на столе – варенье из крыжовника,

Цветочков пара в хрустале. Ждет своего полковника.

Обиды сбросив со счетов, муж сердцем к ней прижался:

“Я просто захотел блинов и я не обижался”.

Он увидел ее той далекой весной,

Они жили в домах по соседству,

Их любовь называли вокруг неземной,

Свадьбу справили скромно, по средствам.

Он учился, она хлопотала по дому,
Помогала конспекты писать по ночам.
Всю себя посвящала супругу родному.
Не волнуя его по простым мелочам.

Народились детишки, он закончил учиться,
А она - все кружилась в домашнем быту,
Он решил, что пора от проблем отстраниться,
Чтоб еще покорить не одну высоту.

Счел, что нужно повесить духовность,
А для этого следует к гуру попасть,
Отметая любовь, да и ложную скромность.
Размечтался наемдни к святыням припасть.

Размышлял по ночам: дескать, я – на вершине,
То ли будет еще? Ну, что дети, жена -
Как на кухне была, так на ней и поныне,
Между нами все выше и толще стена.

Гуру выслушал молча, смотря с укоризной,
Взвесил “против” и “за” и, подумав, изрек:
“Ничего не сберег ты из ценностей жизни,
Ты давно пересек запрещенный порог.

Значит, к Будде ты собрался?
Подожди, дружок, окстись,
Для начала и порядка,
Ты с женою разберись.

На таких, как ты, Всевышний,
Пропросту рукой махнет,
За подобные проступки,
Вряд ли Бог тебя поймет.”

Пришел к психологу мужчина:
Потухший взгляд, тоска в глазах,

Приводит веские причины,
Их суть – в кармических узлах.

Что, дескать, дети не любимы,
К жене потерял интерес,
Любовь, как лес непроходимый,
Куда ни глянь – один регрес.

Все плохо, ну за что б ни взялся,
Все просто валится из рук,
А круг проблем все расширялся:
Нервозность, грубость и испуг.

Психолог долго слушал молча.
Спокойно вынес свой вердикт:
“На негативе заморожен,
А позитив вошел в конфликт.

Ты ел когда-нибудь черешню?
Учился кости отделять?
Вот так и в жизни – ешь, что сладко,
А на плохое – наплевать”.

ОТПУСК

Не доверяйте пустым слухам, закрывайте свои уши.
Беспросветная бытовуха способна бетон разрушить.
Увозите своих любимых подальше от всяких стрессов,
Подарите поездку к морю, исходя из их интересов.

Пусть жена перекрасит волосы и потратит на шопинг сутки,
Пропоет вместе с Бабкиной в голос все частушки и прибаутки.
А потом – счастливая ходит вдоль по берегу вечерами
В итальянском коротком платьи и смешной кружевной панаме.

А рядом – супруг довольный в сандалиях поверх носочков,
Он чуток под шафэ и все же, Шекспира цитирует строчки.
Немного усилий нужно, что б сделать жену счастливой,
Шепните ей после ужина:”Нет на свете такой красивой”

И рыбалка твоя на рассвете превратится в волшебное чудо:
Улыбаясь, проводит и встретит с запеканкой свежайшей на блюде!

КОТЕНОК

Как-то раз, моя сестренка принесла домой котенка.
Он в подвале жил один, не гулял на улице,
И теперь, при свете дня, очень сильно щурится.

Посажу его в корзину и пройду по магазину.
Я ему куплю очки, тапки и пижамку.
Будет котик с нами жить и гулять в панамке.

Молоко из блюдца пить с золотой коемкой,
Забираться высоко, до макушки елки.
Будет в ванной полоскаться, на диване кувыркаться,

По ковру гонять клубок,
Убегать, как колобок,
Все кругом разворошит,
если мама разрешит...

ВИКТОРИЯ МОВЧАН

Педагог по образованию, лауреат городского районного конкурса Учитель года, кандидат пед наук, работала в лицее г.Харькова, а также на кафедре иностранных языков в ХГАК. Переехала жить в Австралию в 1998. В данное время проживает со своими двумя дочерьми, сочиняет стихи и сказки и работает в сфере образования.

ВЕСНА

Бежит, спускается по крышам
Прозрачный, мягкий ветерок,
И всё вокруг весною дышит
Она пришла - дай мне глоток

Простого, легкого безумства
Когда судьбе наперекор
Я начинаю разговор
О том, что всё не так уж плохо.

Что нужно жить, любить, творить...
И будни не совсем суровы,
И люди не карают словом.
И ты захочешь говорить

О том, что любишь и тоскуешь
Сирень положишь под окно
И в этот миг душа поверит,
Что это - счастье,
Вот оно!

О ТВОРЧЕСТВЕ

Дни шуршат как осенние листья
Опадая тяжелой листвой

И разбросаны все мои мысли
И не скоро наступит покой.

Каждый миг, каждый день - это чудо!
Что не стоит пытаться убить
А, напротив, ранимой душою
Постараться свой мир полюбить.

Каждый час, что стремительно мчится,
Он лишь твой и нельзя разрешать,
Уповать на безликость покоя
Ведь так можно себя потерять.

Загубить свою душу так просто
И когда оборвешь календарь
Повернуть время вспять невозможно
И наступит от боли печаль

От того, что не жил упоением,
Не творил, не летал высоко
Верю я, что придет вдохновение
Рифма ляжет на строчку легко.

ЛИСТИК

Листик зелёный на ветке болтался,
Листик зелёный чуть не сорвался.
Ветка его к себе прижимала.
Ветка его не отпускала.

Листик зелёный хотел оторваться,
Ему надоело на ветке болтаться.
Но ветка так сильно его прижимала,
Она не хотела такого финала.

Ведь голой она не хочет казаться.
Листик зелёный, он должен остаться.
Листик зелёный рванул по-сильнее,
Ветка хлестнула его по-больнее.

Так всё продолжалось,
Пока пришла осень...
Листик засох, ветку дерево сбросит.

ПАУТИНА

Паутина, паутина
Из нитей тонких
Нежная картина
Здесь капельки
Прозрачные сияют
И мушек глупых
Привлекают.
Они летят,
Росы глоток
Вкушают.
Паук же время
не теряет и в плоть
Их жало чёрное
Вонзает.
И нити нежной
Паутины уже как
Путы их терзают.
А в каплях как и прежде
Солнышко сияет
И новых мушек
Зазывает.
Паутина, паутина
Из нитей тонких
Мрачная картина,
Ведь капли слёз
На ней сверкают,
Что мушки в горе
Оставляют.

КУРИНЫЙ БОГ

Дырочку в ракушке
море просверлило.
Может для того,
чтоб я её носила.

Чтоб ракушка эта
амулетом стала.
И от всего злого
меня охраняла.
Я возьму ракушку
бечеву продену,
Повяжу на шею,
полюблю затею.
Белою ракушкой
стану красоваться,
и мои задумки все
начнут сбываться.
Верю, что добро
ракушка мне несёт,
И удача в жизни
меня не обойдет.
Загадаю всё, что
сильно я хочу.
Посмотрю, ракушка,
в дырочку твою.
Верили ведь предки,
что ты знаешь путь
в мир иной, где
боги добрые живут.
Боги всё услышат,
что им нужно будет.
Загадаю всё я,
пусть будет
то, что будет

ПЛАТЬЕ

Вы для меня пошейте платье
Из терпкости его духов,
Из шёпота любовной страсти
И из моих волшебных снов.
Из нежности прикосновений
И поцелуев до зари
Из счастья сладостных мгновений
И замирания души.

Из осени, снежинок пуха
И поворотов головы
Из юности воспоминаний
И из его со мной игры.
Не длиться больше благодати
С его главы свалили нимб.
Вы для меня пошейте платье
Вместо него я буду с ним.

ЛУЧИК

Пусть оставят все печали,
ведь манят уже давно
неизведанные дали
и просторы заодно.
Мысли роем закружили,
вмиг развеяли мой сон,
стало душно мне в квартире,
и открыла я окно.
Лёгкий всплеск
прохлады свежей
занавески распахнул
и впустил ночное чудо -
лунный лучик проскользнул.
Он коснулся век и шеи,
опустился на ладонь,
как бы подтвердил собою,
что мой путь благословлен.
Серебристый благовестник
устремился ввысь, домой.
Мать-луна укрылась тучей,
всё вокруг покрылось тьмой.
Этот знак был мамой послан,
что судьба благоволит,
серебристая полоска -
путь счастливый предстоит.

ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ

*Родился в Харькове, жил в Ленинграде,
Португалии, Франции.
В Австралии уже скоро 20 лет.
Пишу стихи с детства. Иногда получается.*

Блюз поколения.

Мы друг для друга - спасательный круг,
Мы любили буги-вуги и объятья подруг,
Мы курили Родопи, мы пили портвейн,
И чернила для стихов брали прямо из вен.

Мы жили посредине между Кушкой и Читой,
Хоть на пляже, хоть на льдине
Знали твердо мы, что
Из хриплых голосов и изрезанных рук
Мы сплетаем друг для друга спасательный круг!

Мы друг для друга - спасательный круг,
К нам в гости приезжали Ташкент и Кременчуг,
Гитара Иолана, королева ДК,
Забивала буги-вуги в уши и в ДНК!

А дальше случился политический мор,
Кто-то спился, кто-то спел, что рок-н-ролл мертв,
Сколько было ярких «я» в собирательном «мы»,
И они на нас глядят из предвечной тьмы, но

Все, кто остался, кто еще жив,
Кого не доконали деньги, старость и режим,
Кто помнит этот бит, передай за проезд,
Пускай еще случится чудо из чудес,

И где-то посередине между Кушкой и Читой,
Эстафету нашу примет чей-то старый том-том,
И из новых голосов, инструментов и рук
Незаметно заплетется и озвучится вдруг:

Мы друг для друга - спасательный круг!

Мы друг для друга - спасательный круг!

Мы друг для друга - спасательный круг!

Музыка 80-х.

Это всю жизнь я слушал вполуха,
И не зарос родничок на темени,
Вон закурил мужичок в косухе,
Сразу видно, из раньшего времени.

Девочки в танце взметнули гривы,
Им со спины лет двадцать, не более,
Омолодили гитарные риффы
С неподконтрольным мужьям алкоголем.

Вышел. Как рано и недосказано!
Музыка глохнет, погода нелётная,
Время уходит, в просьбе отказано,
Ночь на исходе - неподотчетная.

Кончилось лето, осень кончается,
Дальше по кругу, все более узкому..
Время от времени нам возвращаться
Стоит туда, где мы слышали музыку.

Иногда, чтобы жить, мне хватает кота,
И любимой, и двух друзей,
И еще, чтоб была хоть какая мечта
На тернистой моей стезе.
Иногда, чтобы жить, стоит пересмотреть
Старый фильм, и наклюкаться в хлам,

Чтобы жизнь открутить ну хотя бы на треть,
А желательно - напололам.
Иногда, чтобы жить, надо петь и плясать,
Зажигая на тысячи ватт,
Набирать в паруса и муссон, и пассат,
Как стремительный легкий фрегат.
А бывает и так, что лодчонкой в причал
Надо ткнуться, как в позднюю страсть,
И, деля с океаном покой и печаль,
Собирать рыболовную снасть.
И пускай те ветра по дороге к мечте
Шьют навывлет и бьют поддых,
Иногда, чтобы жить, надо просто хотеть
Остаться пока в живых.
А зачем - каждый свой выбирает резон,
Например, я признаюсь вам:
Мне все еще хочется за горизонт
Заглядывать по утрам.

Мужик, окрыленный стаканом,
Летать, а не ползать рожден!
Летает он гордым и пьяным
Под серым холодным дождем.
Летает, как пух тополиный,
Как Чкалов летал под мостом,
И грузоподъемность мужчины
Взлетает процентов на сто.
Алена, Наташа и Яна
На шею не дают ничуть,
Мужик, окрыленный стаканом
И больше способен тянуть!
Готов танцевать он впрысядку,
И жить нараспашку, сполна!
Но тянут его на посадку
Работа, похмелье, жена...

История пляшет свои антраша,
Налево, назад, вперед.
Пока есть надежда, есть силы дышать,
А вовсе не наоборот.
Танцуем с историей мы тет-а-тет,
Выходим на новый круг,
Но если есть силы мечтать и хотеть,
То будет и крепость рук.
Желание форму должно обрести,
Иначе не может быть,
И если есть весла, то надо грести,
А если есть ласты - плыть.
Поэты не будут сбиваться в толпу,
И тот не поэт, кто смог,
Не говорите о небе клопу,
Его предел - потолок.
По скольким же нам отзвонит - не счесть,
Курантов последний «бом»,
Но есть у нас ласты, и весла есть,
Мы выгребем и разгребём.
И пусть говорят, что праведных нет,
И раб выбирает плеть,
Но перед рассветом нужен поэт,
Чтоб о надежде спеть.

Волна ложится на скалу с тяжелым вздохом,

Одета в белое для выхода на сцену.
Она годам, векам, периодам, эпохам
Отдала силу и взамен узнала цену.
Волна отходит, в лужи канув первым снегом,
Подолом белым закрутив водовороты,
Ныряя в синее размашистым разбегом
На удивление туристам полоротым.
Они сочувствуют красавице разбитой,
Что салютует им, о камушки калечась,
Они флиртуют с подходящей Карменситой,
А та восьмеркою ложится в бесконечность.

И невдомек купальщикам беспечным,
Что и они в родстве с волною пенной,
И суждено им смертным быть и вечным
Попеременно и одновременно.

Простите, если что не так,
Не тут, не там, и в беспорядке,
За неуклюжесть поздних драк
И за заплатку на заплатке.
За пораженную мишень,
А до того - за каждый промах,
За мор и глад, задор и лень,
За выход в свет и отдых дома.
Еще простить меня молю,
Хотя что вам до этой просьбы?
За то, что я вас так люблю,
Как никому не удалось бы.
За всю неправильность любви,
За все зазоры и занозы...

Без недостатков - соловьи,
Брильянты, женщины и розы.

Что мы можем друг для друга?
Ничего да пол-беды,
От бесед осталась ругань,
От воспоминаний - дым.

Только тени под глазами,
Только лямку на плечо,
Под давно лежащий камень
И вино не протечёт.

Что мы можем друг для друга?
Отыскать осколок дня
В круговерти недосуга
Для тебя и для меня.

Уберечь от выяснений,
Кто из нас насколько плох,
Выйти в голый сад осенний
И отважиться на вдох.

Сколько я растерял Маргарит
И друзей, но хотя бы осталось
Пять минут постоять, покурить
Перед входом в холодную старость.

По часам пусть идут поезда,
Я на стрелки коситься не буду.
Пять минут, это не опоздать,
Это дать приготовиться к чуду.

Сколько нам паутину ни прясть,
Все весенним отмоется ливнем,
Потеряв предпоследние пять,
Я последними был осчастливлен!
Ты пришла, как в долину рассвет,
Как последний трамвай в непогоду,
В безнадежный тревожный момент
Пять минут до последнего года.

Ты с собой захватила июль,
Стало жарко в холодной квартире,
Я живу, я дышу, я пою!
И плевать, что осталось четыре...

ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ

Родился в Баку, учился в АЗИНЕФТЕХИМе (Баку) и ГАНГе им И.М. Губкина (Москва). Лауреат Волошинской премии (2016), лауреат Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2016), лауреат премии им. Антона Дельвига "За верность Слову и Отечеству" и др. Автор сборников

стихотворений, среди которых «В конверте неба», «Про Лешего и не только», «Фрески», "Ни слова о л...", "Светь", "Приключения Рифмы в стране Поэзии", "Зёрна". Печатался в журналах «Дети Ра», "Урал", «День и ночь», «Prosōdia», «Звезда» и др. Живёт в Оренбурге.

Председатель Оренбургского отделения Союза российских писателей.

«У кромки сонного пруда»

Целует солнце подругу землю, лишь губ касаясь,
И теплым ливнем ласкают почву ладони неба.
Раздвинет поры она и щели, вся раскрываясь,
Певучим хором пернатой стаи попросит: «Мне бы
Побольше ласки – в тягучей неге от поцелуев
Проснутся зёрна, птенцы-малютки в гнезде рождения.
Весна случилась – уходит стужа, ворча впустую,
Бредёт на север с котомкой снега в обледененье».
Пылают страстно кипящим мёдом у солнца губы.
Настанет время – вопьются, выпьют и в пыль иссушат.
Ладони неба быстрее ласкают, и в громах трубы
Призывом громким толкают к встречам людские души.
Друг в друге тая от поцелуев в семнадцать весен,
Любовь земную считаем вечной, и непокорно
Шлём вызов миру, не замечая остуду-осень
И жёрнов жизни, что перемелет нас, словно зёрна.

Читаешь землю по степной траве
и по колкам, разбросанным не густо,
следам зверей на глинистой тропе,
по клиньям птиц в осеннем небе грустном,
по ревому журчанию воды,
стекающей по каменным протокам,
по смолке – каплям тающей слюды
со щёк сосны в молчании высоком,
по росчерку стрижиного крыла,
по облаку, зовущему в объятья,
в озёра глядя, словно в зеркала,
с наивной верой в то, что все мы братья.

Читаешь землю по делам людей,
неправедно и праведно живущих,
творцов, глупцов, носителей идей,
богатых, бедных, власть в руках имущих,
с закрытой и распахнутой душой
от благородства и до окаянства.
Россия – планетарный шар большой,
Аксаковым поставленный на царство
в Галактике, чьи звёздные миры
Так далеки от нас, неудержимы...
Читаешь землю, ешь её дары
И на судьбе своей латаешь дыры.

Вплетая в тину ветра хлопья пены
С верблюжьих морд, текут пески пустыни.
Расколются египты, карфагены,
Как соком переполненные дыни,
Упав с прилавка пьяного торговца,
Посмешища восточного базара.
Бугристым лбом в Магриб луна упрётся,
И повернётся колесо сансары,
Вновь насыщая молоком и мёдом
Бурлящий человеко-муравейник.
«Берите всё, я подожду с расчётом», —

Торговец молвит: «Мне не надо денег,
Зачем они?.. Опять пески пустыни
Текут, не спят в тягучей тине ветра.
Вы, зёрна, наполняющие дыни,
Посев мне дайте будущего щедрый...»
И вспыхнет взгляд, как лампа Аладина,
Когда пресмуглость стран тысячелице
Тенями ляжет на чувяки джинна:
«Взращённому придёт пора разбиться».

Волны, разбитые в брызги, силу попросят у ветра.
Впадины скальные — миски, очередь в полкилометра
Из валунов — просят ила щедро добавить в похлёбку.
Выжало тучу светило в жгучую пляжную глотку.
Ёжится тонкая кожа в мокром плаще из загара.
Август, случайный прохожий в цепких объятьях вокзала,
Топают к поезду быстро, машет, прощаясь, букетом,
Где все бутоны, как числа, в каждом — застывшее лето.
Пахнешь разлукой и морем, чудо в солёных песчинках.
Чайки с природой не спорят — тучи разносят на спинках.
У сентября сигарета палой набита листвою,
Даст прикурить ему лето нашей любовью с тобою.
В бред разбиваются волны, в дым превращаются страсти..
Фото в застенках альбома станут гербарием счастья.

Устанет день, в печаль оденется
Злой тучей промокнёт глаза,
А колесо в запруде мельницы
Вдруг время повернёт назад,
Разбаламутив зелень донную,
Швырнув на лопасть горсть песка.
Взгляну на воду незнакомую
С дощечек старого мостка.
Кувшинки вздрогнут, гладь искристая
Коснётся пальцев низких ив.
И прошлое почую близко я,
Себя подростком ощутив.

Качаются на волнах памяти
Попутчики моих дорог.
Как вы попали в сумрак заводи,
Кто вас вернуть на свет помог?

Как ярко было то, что смолоду
Дарила жизнь нам ни за что.
Теперь седую чешешь бороду
И совесть кутаешь в пальто,
Переживая расставания
И встречаю радуясь опять,
Поверив колесу желания
И повороту жизни вспять.

Скрипят дощечки, туча брызнула,
Окрасив день в тревожный цвет.
Не суждено начать всё сызнава
В расцвете лет, на склоне лет.
К чему придуманная мельница
У кромки сонного пруда –
Мурашками по коже стелется
Вся в ряби прошлого вода.

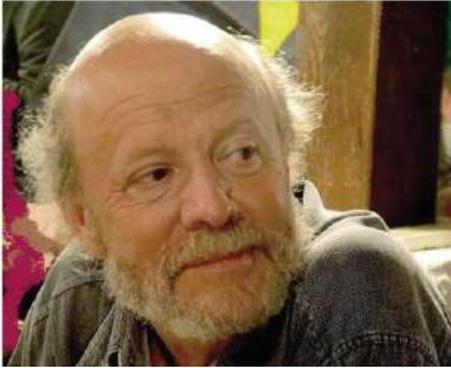
Весны моей уставшее крыло
Коснулось ветки – появились почки.
Позавчера безудержно мело,
Зима писала белым снегом строчки
О торжестве мороза над жарой,
О кратких днях и о ночах, что долги,
Но шали с плеч стяхнули дружно ёлки,
И почва вдруг окрасилась травой.

Рассветы сдули пену облаков
В небытие с краёв безбрежных неба,
Тут птицы в синь добавили стихов,
И трелями загнали в глубь вертепа
Старуху зиму доживать свой век,
В амбарах подпевали глухо зёрна,

Просились в землю, и тогда покорно
Стёр с лемеха слой пыли человек.

Приходит жизнь и отступает смерть.
На месте, где построен был дом давний,
Мы строим новый, собираем камни,
Чтоб повторилась в мире круговерть...
А день такой, что всё в груди свело,
Как будто ты – душа без оболочки –
Летишь от низшей к наивысшей точке,
Цепляясь за весны своей крыло.

ВАЛЕНТИН НЕРВИН

Поэт, член Союза российских писателей. Автор 17 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н.Лескова и «Кольцовский край» (Россия), им.Марка Твена (Канада); международного литературного фестиваля «Русский Гофман». Удостоен специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской

поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии). Дипломант Всероссийской поэтической премии им.А.Ахматовой. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский, украинский языки. Живет в г. Воронеже (Россия).

ЗВЕЗДА МОЛЧАНИЯ

В ПУТИ

... А вам случалось перед сном,
в купе, по ходу разговора,
листать пейзажи за окном,
безотносительно повтора?
И так всю жизнь:

 прощай-прости! –

беседа длится, поезд мчится,
а мы встречаемся в пути.
И ничего не повторится...

* * *

На площади возле вокзала,
где мается пришлый народ,
блажная цыганка гадала
кому-то судьбу наперед.
И было, в конечном итоге,
понятно, зачем и куда

по Юго-Восточной дороге
ночные бегут поезда.

Когда,

на каком полустанке
из полузабытого сна,
гадание этой цыганки
аукнется, чтобы сполна
довериться и достучаться,
и чтобы – в означенный час –
по линии жизни домчаться
до линии сердца, как раз!

* * *

Жизнь повсюду хороша,
только нравы одичали,
оттого моя душа –
территория печали.
Я не ангел, не герой –
человек обыкновенный,
но случается порой
притяжение Вселенной.
Вероятно потому
и горит звезда молчанья,
уводя по одному
от земного одичанья.

* * *

Сидит человек у реки
и слушает голос воды,
и мысли его далеки
от века
на круге беды.
А век человека влечет
по той траектории, где
река никуда не течет,
и только
круги по воде.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Зачем-то полез на чердак,
а там – среди всякого хлама –
среди бесполезных бумаг
лежала твоя телеграмма.
Сто лет пролетело со дня
рождения, когда это было! –
но ты поздравляешь меня,
хотя даже дату забыла...

* * *

Любой печали вопреки,
пока погода позволяла,
ты каждый вечер у реки,
простоволосая, стояла.
Там упования просты,
переживания бесплотны –
душа со звездами на ты,
по праву птицы перелетной.
Река не знала, почему,
пока дожди не зарядили,
по отраженью твоему
загадочные звезды плыли.

* * *

Друг друга отражают зеркала...

Г.Иванов

Когда сентиментальная Луна
заходится маниакальным светом,
я понимаю: красная цена
твоей любви – пятак, на свете этом.
Еще не зачехлили зеркала,
которые застыли между нами,
а ты уже, наверное, была
иными озабочена делами.
Я вглядываюсь в собственные сны
и различаю темную, сквозную,
зеркальную проекцию земную
на оборотной стороне Луны.

* * *

Свято место – кухонька да спальня,
лампочка сиротская горит;
все твои маршруты радиальны,
потому кончаются навзрыд.
Ну, какая, к дьяволу, фактура,
что за пьянка, господи прости,
ежели торшер без абажура,
ежели на службу к девяти?
Хорошо гулять напропалую,
но витиевато чересчур;
надо выезжать на кольцевую -
покупать торшеру абажур.

* * *

Прохлада с гор
спускается в долину,
по склонам облаков переходя,
и разминая спекшуюся глину
стремительными каплями дождя.
Закрыв глаза, по запаху прибоя
и вкусу виноградного вина
который век спускаюсь за тобою
в долину тектонического сна.
Глоток-другой забытого «Агдама»
и, наконец, увижу, как живых,
из глины сотворенного Адама
и женщину
из капель дождевых...

ЮЖНОЕ

Пряный запах южного курорта,
белые магнолии в цвету;
по дороге от аэропорта
карамель растаяла во рту.
Поселюсь у самого залива,
у седого грека-чудака,
чтобы видеть, как неторопливо
море переходит в облака.

Содержатель маленькой таверны,
где всегда столуются в кредит,
обожает Грина и Жюль Верна,
говорит красиво и навзрыд.
Винный погреб делу не помеха:
можно, выпивая перед сном,
слушать укороченное эхо
вечного прибою за окном.
А потом хозяйке, до упаду,
заливать за дружную семью,
за великолепную Элладу,
за дурную голову мою.
Только море – цвета перламутра,
долгий разговор накоротке,
и, неувядающий наутро,
виноградный вкус на языке...

* * *

На самом краю Казантипа,
где море встает на дыбы,
на фрейдовский комплекс Эдипа
выходит кривая судьбы.
Знакомое чувство: как будто
стремился всю жизнь напролет
туда, где Татарская бухта
морскими огнями цветет.
Сакральное право земное
записано мне на роду
и знаю, что станет со мною,
когда я на берег приду,
когда перебесится море,
звезда на Боспоре вздохнет
и женщина в греческом хоре
высокую ноту возьмет.

* * *

Как одинокая луна
сияла женщина на пляже –
ничья на свете не жена

и не возлюбленная даже.
Она морскую глубину
хранила, как зеницу ока,
но кто польстится на луну,
хотя она и одинока?
Народ приехал отдохнуть
и нет желанья никакого
по-человечески тонуть
за ту луну со дна морского.

Похоже, и любовь моя
определяется тобою
по линии небытия,
а не по линии прибоя.

ПОЛЁТ

Ну, чем ни мечта идиота? –
податься, почти наугад,,
по линии Аэрофлота
туда, где пылает закат.
Какая высокая нота! -
и виски плеснули в стакан,
когда под крылом самолёта
запел мировой океан.
Вокруг изумрудные звёзды,
а вниз по течению лет
есть необитаемый остров,
которого в атласе нет.
Я там заведу попугая -
товарищ, какой-никакой...
- Когда полетим, дорогая?
- Не пей натошак, дорогой!..

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

Родился в Казани 27 июня 1961 года, Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете 1985-1990 гг. Прошёл Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького 1991-1993 гг. Активно публиковался с 1978 года в советских журналах и газетах Выпустил десять книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга,

Москвы, Оренбурга и Казани.

Австралия друзьям юности
Молитвенное эхо в сводах храма
«хрущёвского» подъезда поутру -
как только, по ступенькам с телеграммой
проскачет почтальон, как кенгуру,

а у тебя цикорий в медной турке,
прибавишь огоньку и - всем привет,
не бумеранг, а плечики для куртки
цепляются в окне за шпингалет,

сорвёшься за продуктами по ссылке -
испуганная кошка обшипит,
ты словно джин в двухкомнатной бутылке,
где на посуде надпись «общепит» -

не то чтобы излишество, напротив,
умеренность такая не про всех,
с улыбкой до ушей комар-склеротик
забыл, что делать, на руку присев,

по-прежнему не ботаешь по фене,
оболтусы во двор зовут, как встарь,
футбольные ворота - два портфеля,
за ними Рай, и Пётр - его вратарь,

но песенка последняя не спета
за корешей, попавших под замес,
когда зима посмертной маской лета
глядит на землю с гипсовых небес.

Умник

Какую б радость ни накаркал
с экрана Соловьёв седой,
свистит эпохи скороварка,
а я не тороплюсь с едой,

быть научился аккуратней,
степенней в области стихов,
когда и мне, как пел Маккартни,
случилось «вен айм сиксти фо»,

казалось бы, пора в отставку-
ку-ку, но я ещё смогу,
ударив в пол домашней тапкой,
вприсядку девкам гнать пургу,

начальству, не по чину, «тыкнуть»,
зато, на правду-матку лют,
несчастный Чацкий вызвал тыкву,
а мне карету подают.

Попутчица

Потрескивают ломкие стрекозы,
хрустит сухая мелочь на тропе,
как будто призрак срубленной берёзы
крадётся по яичной скорлупе,

заметишь трясогузку краем глаза -
и нет её, как шей ни крути,
я по дороге к пристани ни разу
не присмотрелся к спутнице, прости -

смешная, как гимнастка в гимнастёрке,
а я по горло молодостью сыт,

летят на землю листья после тёрки -
опять ворона выронила сыр,

вдоль берега посёлков дачных «лего»,
у баржи за кормой кипит бурда,
украшенное коршунами небо
бросает облака на провода,

присел передохнуть пеньку на плешку,
гимнастка рассекает впереди,
на повороте косится с усмешкой,
изображая сердце на груди,

кричит - с тобой мы завтра поколдуем,
а я-то размечтался, что прильнёт
и дозправит крепким поцелуем,
как на лету военный самолёт.

Питер в плюсе Оле Юхновской

Задев берёзу, локоть свёз
и, заблудившись в птичьей гаме,
хватает с неба крошки звёзд
потрескавшимися губами,

мороз по-прежнему не дюж,
и оттепель невыносима,
и в зеркалах павлиньих луж
распущены хвосты бензина,

чтоб воду в ступе не толочь
душа обязана трудится,
над книгой коротаешь ночь,
поэтому неважно спится,

важнее до звонка успеть,
и крепким яблоком за партой
за переписанный конспект
делиться с юной Клеопатрой,

чтоб не водилась с тем дрыщём,
пока совсем не отупели,
с ней прогуляешься ещё
по городу под звон капели,

когда все помыслы чисты,
и голуби танцуют польку,
и не разводятся мосты -
зима не кончилась поскольку.

Попутная

Кукушки монотонное сопрано,
валежника вокруг невпроворот,
сквозь хвою солнце целится в забрало,
и глазомер поэтому не тот -

обречены очки на месте лобном,
поверхность линз, как совесть, нечиста,
потянешь носом - мокрый и холодный,
хоть облысела репица хвоста,

умылось небо радугой павлиньей
настырный дятел эхо применил,
недавно лужи корчились под ливнем,
теперь сплошной запиленный винил,

тропинки рокируются всё реже,
смотри, фигуру речи не зевни -
накрашенные губы сыроежек,
под старость, разъедает соль земли,

трухлявый пенёк сморкается сморчками,
нечаянно рябину потрясу -
с мест повскакав, кузнечики щелчками
сбивают с подорожников росу,

запутавшись в корнях, ручей затинькал,
сверкает стрекоза над васильком,

чтоб не мешали камушки в ботинках,
оставлю здесь, и дальше - босиком.

Санитарки

Сбросив броню, как отсохший горчичник,
про непогоду скулить не к лицу,
руку протянешь - и рану привычно
вылизжет местная псина бойцу,

с виду свирепа, но добрая вроде,
вежливо с ней обращаться изволь,
ломит колено - собака подходит,
и утихает звенящая боль,

а в блиндаже у соседей другая,
рыжая, словно свалилась с Луны,
и не поймёшь, почему помогает -
что за лекарство в составе слюны,

требуется ловкости жизнь непростая,
то артобстрел, то в «буханке» трясёт,
вот бы местами сейчас переставить
всё, что “сегодня”, с “тогда”, вот бы всё

это, где пулям освистанным - тесно,
сбито с железом живое стык в стык,
перевести на понятный, как в детстве,
тёплый, шершавый собачий язык.

Бессоница

Удачу за рукав ещё не поздно
поймать, переходящую на шаг,
из небосвода выдернуты звёзды -
и тусклый свет сочится сквозь дуршлаг,

во тьме хоть чёрта лысого облапишь,
и мамонта узнаешь по хвосту,
ребёнок разминает хлебный мякиш,
а ты педали давишь в пустоту,

товарищей десяток мой не робок -
до них у страха руки коротки,
взаимозаменяемы, бок о бок
покачиваемся, как поплавки,

где тлеющей листвы чадит кадило,
и вороньё катает в глотке ртуть,
красавице, что в замке разбудил я,
без поцелуя снова не уснуть,

в кармане димедрол, на всякий случай,
пружины подвели былую прыть,
всё правильно, хотя могло быть лучше,
не спится, значит, так тому и быть,

пусть сказка наяву не по зарплате,
порой знобит от мелких передряг,
подруга, хватит квакать на закате,
отдай стрелу и рядышком приляг.

Поединок

Мы в этом мире все наперечёт,
и в мирной жизни дело есть Пандоре,
подвыпивший какой-то дурачок
солдата попытался раззадорить,

который мог, но шею не свернул
обидчику в интрижке этой зряшной -
ему обратно завтра на войну,
а злобу приберёт для рукопашной,

где предстоит барахтаться в тщете -
царапаться, кусаться, как пиранья,
тянуться за ножом щекой к щеке,
врага к земле коленом припирая,

не сразу разберёшься, кто погиб,
вдруг оба обескровленные слягут –

а в небе коршун, как застывший хрип,
и облака в разрывах волчьих ягод.

НЕ потерялась

Когда совсем континуум закроет,
необозримый кто-то неспроста
во впадину планете вставит ключик
и заведёт её хвостом кита,

причаливает судно наливное
там, где прибой проводит саундчек,
и Гамлету надыбал призрак Ноя
фальшивые билеты на ковчег,

спасёт цивилизацию едва ли
изнанка непорочного айти -
частицу «не» из Библии изъяли,
теперь прелюбодействуй и кради,

когда на пике звёздного цунами
затеет дура полная луна
едва сводить с ума концы с концами,
от рыжей воблы с пивом солона,

по-прежнему маячить безлошадным
по воле расторможенных витий,
где зиждется, назло жлобам и жабам,
последнее на свете «не убий».

СЕРГЕЙ ПАГЫН

Родился в 1969 году в г.Единцы (Молдавия), где живёт и сейчас. Выпускник педагогического института. Автор шести книг стихотворений, среди них «Просто жизнь» (2017) и «Спасительный каштан» (2022). Лауреат премии журналов «Дружба Народов» (2022) и «Наши современники» (2024), победитель

международного литературного конкурса «Русская премия» (2024).

Предчувствие

Я в сумерках предчувствия живу.
Здесь каждый миг сулит преображенье
воде и камню,
телу моему,
животным спящим,
звездам и растениям.

Здесь каждый зов, распятый на губах
порывом ветра, может обратиться
в суровый окрик и в призывный взмах
любимых рук и крыльев черной птицы.

Здесь каждый знак – ловушка и полет...
И сладкий страх мне убаюкать трудно.
И где-то близко жизни даль растет,
как сказочный малыш,
ежеминутно.

Моей жене посвящается

Среди простынь шумящих и лучей
не воспарить ты к неприступным птицам...
Другие нам отмерены границы:
ломоть земли
да бедный дом на ней.

Но нам с тобой даны на много лет
и быстрый дождь,
и ласточка под крышей,
и клей горячий очумелых вишен,
и промельк чуда в зарослях примет.

Только б трепет донести... только трепет...
Пусть пред Богом речь моя – темный лепет,
и волшба, и бред – вперемешку –
в этом ветре,
в этом снеге кромешном,

в этой ливневой воде возмущенной,
в этом сумраке, лицом освещенном,
в этой рощице в ноябрьском отрепье.
Только б трепет донести... только трепет...

Перед миром, где я капелькой вербной
над ладонью все вишу милосердной,
сквозь собачий лай, птичий щебет
только б трепет донести... только трепет...

Безумный дятел скачет по трубе
и все стучит – долбит фонарь больничный...
И эта дробь в невинной тишине
не человечья и совсем не птичья

в тебе окликнет яростную жуть,
уже за гранью прирученной боли...
Как это просто – в хаос соскользнуть,
в бездонное знобящее подполье.

Ну, что ж, держись –
хотя бы за комок
овечьей шерсти иль гончарной глины,
за луковку,

за рыбий пузырек,
за светлую с дождевой паутиной,

за шкуру вскачь несущегося дня...
Пускай его нежданная порука
ожогом спички охранит тебя,
щенком проходим,
вдруг лизнувшим руку.

В. Бакшееву
Мой пыльный город...
Обморочный мир,
где время кажется изгоем или вором.
Проходимыми зачитаны до дыр
постылые гекзаметры заборов.

Но стоит только угол изменить
картиной сей затравленного зренья,
как в тот же миг ты станешь, может быть,
участником всеобщего течения.

В своих границах дернется лицо
и заскрипят в древесных кронах соки,
почувствовав глубокое родство
в едином ослепительном потоке.

Коричневые руки старика
перебирают тюлевые складки.
Но мы не видим темного окна,
в садах осенних мы играем в прятки.

Потом едим огромные плоды.
И были бы чуть-чуть босхоподобны
прозрачные и светлые сады,
когда б не руки за крестом оконным.

Как тих и чуток мир
в сентябрьской паутине,
и если по жнивью
пойдешь ты налегке,
все поле зазвучит,
засветится в долине
и вздрогнет паучок
прозрачный вдалеке.

А словом – как сохой,
чей путь и слеп, и труден,
вздымая иногда
молчания пласты,
какие связи рвем,
какие силы будим,
каких богов зовем
из волглой темноты?

Где честный звук
и четкое значенье?
Осенний день – с вороньей хрипотцой,
с юродством ветра,
жалобой качельной
и чирканьем по дворику метлой...

С щенячьим визгом,
всхлипом,
бормотаньем...
И я пою с невнятного листа,
где в вихре слов и знаков препинанья
прозрачная нищает высота.

И носится подранком полоумным,
взметнувшись с перетянутой струны,
один лишь звук отчетливый и трудный
и жалости протяжной,
и вины.

Так обрыдло срываться в шепот,
в древний заговор,
в ворожбу,
в детский лепет,
в шаманский рокот
слов, моргающих на свету.

Страх притопал замшелым Вием...
Я и сам тебе, дорогой,
приоткрою глаза седые,
мерзлой пахнущие землей.

Но меня ухватив за плечи,
на прикус, на распроб ночной
напоследок позволь мне речи
вербной...
ветреной...
золотой...

... А во сне перелетном – заплачешь навзрыд,
тяжело опускаясь в траву,
от того, что царапкой тонкой зудит
и тревожит тебя наяву.

Что на вдохе обычном душевную зыбь
взрежет вдруг воробьиным крылом
и апрельскою льдинкой защебет язык,
и картаво споем о своем...

О нездешней пронзительной радости – быть!
И подарена малость тебе -
лишь во сне перелетном ее пережить
и по-детски оплакать в траве.

СЕРГЕЙ ПАНЦИРЕВ

Родился в Москве в 1969 году, окончил факультет автоматики и вычислительной техники МЭИ. Работал менеджером интернет-проектов, лауреат российской Национальной интернет-премии. В России вышли два сборника его стихов и несколько публикаций в журналах и антологиях. Участвовал в протестном движении в России (2011-2013). Эмигрировал в 2014 году по политическим мотивам, живёт в Будапеште. Стихи Сергея

публиковались в европейских литературных журналах в переводах на английский, немецкий, французский и польский языки.

Состоит в венгерском отделении ПЕН-клуба. Лауреат международного поэтического конкурса журнала «Эмигрантская лира» 2024 года.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ

Перепись населения. В Вифлееме темно: зима.

Оппозиция пишет, что Ирод сошел с ума.

Где-то звенит колокольчик. Ангел или пастух,
Заслышав его, останавливается, переводит дух,

Поднимает голову, сверяя час по звезде.

Колокольчик звенит, как будто везде и нигде.

Как первый звонок в театре, как школьный последний звонок,

Он возвещает о том, что приблизился некий срок.

То ли сигнал тревоги, то ли благая весть,

Колокольчик звенит, словно он вправду есть,

Ближе и ближе. Ирод в своем дворце

Ставит печать на указ, изменившись в лице.

Местное радио, вещающее на весь мир,

Ради срочной новости прерывает эфир.

Меняется климат, меняется календарь,

За каждым словом приходится лезть в словарь,

Вор теряет добычу, патруль забывает маршрут,

Летописцы застыли и продолжения ждут.

Мой пастух или ангел, устремляя свой взгляд в зенит,
Прежде всех остальных понимает, откуда звенит.

ЧЕМ КОРОЧЕ

Чем короче строка, тем в ней кажется больше смысла,
чем темнее лик на иконе, тем больше веры,
и чем мельче дробь, тем плотнее ложатся числа
в лотерее, где нет и не может быть миллионеров.
Так мелодия тем приятней, чем музыка старше.
Вопреки помехам в последнем куплете песни,
чем короче волна, тем она доберется дальше,
и чем меньше осталось времени, тем интересней.

* * *

Копию своей души
у Главного подпиши,
зарегистрируй в архиве,
в Первом отделе поставь печать,
дай расписку, что будешь молчать,
да смотри не напейся на корпоративе.
Что будет дальше — уже не твоя беда:
ты здесь на время, а она, говорят, навсегда,
то есть, пока не закончится виза.
Сколько ангелов на острие иглы,
столько и чертей, чтоб разжечь котлы,
записать в каталог, провести экспертизу,
сфотографировать, зафиксировать, в облаке сохранить,
и не забыть забыть.

* * *

Никогда не любил борьбу.
Ни греко-римскую,
ни вольную, ни невольную.
Ни мужскую, ни тем более женскую
борьбу в грязи.
Ни дзюдо, ни самбо, ни прочие
императорские утехы.
Ни борьбу за урожай,
ни борьбу за трезвость,

ни борьбу за правое дело,
ни борьбу за права человека,
ни борьбу за место под солнцем.
Всё это — не те виды спорта,
в которых хотелось бы участвовать.
Даже зрителем. Даже судьёй.
Когда объявляют очередной раунд,
заранее ложусь на лопатки,
смотрю в потолок или в небо,
слушаю обратный отсчёт.
Времени
всё меньше.

ТАМОЖЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Ни горести, ни гордости, ни флага,
Ни памяти не вынесу вовне:
Твоих стихов пленительная влага —
Последнее, что остаётся мне,
И на пороге за твоё здоровье
Я пью, неизлечимая страна,
Где до сих пор любовь рифмуют с кровью,
И где с весной рифмуется война.

АУТСАЙДЕР

Временем всё повторимо,
от снов до фасонов пальто.
Пишет приятель из Рима,
мол, если не Цезарь, то кто?
Занавес в здешнем театре —
привычная ржавая жесь.
Выпивка делится на три
под тосты про совесть и честь,
чтоб пропустить за стаканом
тот миг, когда снова, как встарь,
в прозвищах местных тиранов
блеснёт оружейная сталь.
Тронет пролётку возникший,
с которым ты, вроде, знаком —

и не увидишь различий
меж вороном и воронком,
тут же по радио пастырь
доходчиво всем объяснит:
Господу госбезопасность
угоднее наших молитв.
Медленно, одновременно,
по паспорту невыездным,
в альтернативной вселенной
так просто остаться живым.
Двигается время по кругу,
ритмично стучит колесо,
родина — с маленькой буквы —
опять проступает сквозь сон.

ДМИТРИЙ ПЕСКОВ

Родился в Москве в 1974 г. С 13 лет проживает за границей (Швейцария; США). Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Новая Юность», «Интерпоэзия», «Пироскаф», Prosodia, «Формаслов», «Южная звезда», «Дактиль», «Время и место», «Менестрель», «Журнал ПОэтов», «ПОЭtree freeДОМ», на порталах «Полутона», «Сетевая словесность», «Прочтение», «45-я параллель», а также в поэтических изданиях на английском языке. Лауреат премии

«Эмигрантский вектор» (2024). Полуфиналист «Русской премии» (2024). Лауреат премии MyPrize (2021). Финалист литературной премии им. Анненского (2021). Лонг-лист «Волошинского Сентября 2021». Магистр искусств по специальности «Французская литература» Северно-Иллинойского университета; магистр изящных искусств Джексонвилльского университета. В настоящее время работает деканом факультета танцев в Сноу Колледже (г. Ефраим, штат Юта, США). Один из редакторов литературного журнала «Четырехлистник».

1.
Весь день простоял в очереди.
Участилось дыхание.

Долго ругался с кассиршей.
Поднялось давление.

Забронировал билет в Европу.
Поднялось давление.

Участилось дыхание.
Сходил к врачу.

Сдал билет.
Открыл окно. Распахнул руки.

Эй, если Ты есть,
то сделай так,

чтобы я
не упал, а?

Я еще
не упал.

2.
Гуманитарку не возят.
Минометчики продолжают работу.

Скоро будут развивать
атаку на Константиновку.

Стоим из последних сил.
Видите? Черный дым.

Выходишь из подвала,
долго жуешь травинку.

Главное не дать слабину, не рассыпаться
на «до этого» и «после того».

В пустоте больше нет пустоты.
Бедные, бледные люди. Черные узкие дни.

3.
Не считать звезды. Не открывать форточку.
Не ставить черточку под словом «свобода».
Не искать запасного выхода или входа.
Прозреть: во всем виновата погода,
умирающие пчелы, заблудившиеся
шмели.

Не открывать форточку.
Не считать звезды. Не ловить на язык снежинку.
Не слизывать пыльцу мертвой бабочки с лица спящего ребенка.

В следующей реинкарнации родиться ангелом и спасти мир.
Выступить на первом канале с песней «Я хочу быть с тобой».
Сказать соседям: «Я космонавт, я невесом, я пыль».

Оставить след на воде, перед тем, как кануть в Лету.
Написать записку: «Меня нету, никого нету...»
Включить газ. Отключить телефон.

Мама заметит, махнет с того света,
скажет: «Смотри,
это—Он».

Красное небо. Белое солнце.
И колокольный звон.

4.
Сгоревший русский солдат.
Подбитый танк. Черные останки тела.

Ничего.
Скоро пойдет дождь.

5.
Не спеши. Пусть время
мелом крошится в ладонях.

Пусть бабочки порхают
в теплом доме.

И нет
вины.

Мама молчит,
смотрит мимо камеры,

показывает рукой на сердце,
мол, хватит меня мучить,

я уже не та,
мне уже не то.

(Я стираю эту запись,
блокирую отца и сестру).

Это—там. А сейчас я—здесь.
(Море, камни, луна).

Камни, море, луна.
(Мама сегодня приснилась.)

Мама
и пустота.

6.
приходит мартин скорсезе говорит привет
я сейчас снимаю фильм про индейцев
там для тебя есть одна
очень важная роль

надеваю ковбойскую шляпу и сапоги со шпорами
подкрашиваю глаза наклеиваю усы и бороду
снимаю футболку с надписью россия
и весь день играю в какой-то массовке

а сейчас ночь
визжат койоты бегают кролики
и я сижусь сижусь сижусь
пью балтику
курю анашу

скоро меня покажут по си эн эн
и мама скажет
это же мой сын это же мой сынок
это же мой сыне всю свою жизнь я проплыла
как на льдине по чей-то чужой воле
а ты наконец-то обрел свободу

какой же ты молодец
чадушко ты мое

смотри здесь моя могила
ты навещай почаще
мой любимый ковбой эдемского сада
навещай почаще больше мне
ничего не надо только
поцелуй меня на прощание
и иди играть дальше

мартин скорсезе кричит «Cut!»
я отклеиваю усы и бороду
и снова надеваю футболку с надписью россия
это где спрашивает меня индеец
да там говорю
далеко

вот так
нель меццо дель камин ди мия вита
стерто все уже или забыто
но зато мы сняли
с марином кино

мама я один
мама ты одна
мама всё равно

мама
это всё

7.
Вигвамы, вожди и боги.
В пустыне—езде—дороги.
Койоты кричат, как дети.
Дети, которым сломали ребра.

Красные горы.
Фикусы. Пальмы. Останки одежды. Вода.

Ты развивай хиромантию.
Не отводи глаза.

Кактус кусает за ногу.
Перепел стонет: «Прости».
Мне бы не так бы долго,
мне бы не так—идти.

ДМИТРИЙ РЕВСКИЙ

Родился и живёт в Москве. Лауреат национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Лирика», в 2014 году и в основной номинации (вторая премия) – в 2022 году. Член Художественного Совета сайта Стихи.ру. Выпущено два сборника стихов «Ветвяная улица» и «Анкета Дракона». Публикации в литературных журналах в России, Германии, Казахстане, Франции. Организатор и руководитель литературно-поэтической конкурсной площадки «Голоса» (с 2006 года — по настоящее время). Номинатор телепрограммы «Турнир Поэтов». Творчество поэта

представлено на нескольких литературных сайтах, основная страница — на сайте Стихи.ру. <http://stihi.ru/avtor/sphinks>

Желтки

Фонарный свет желтее, чем желток.
Дороги серы. Синева в аллеях.
Сменяя краски, тлеющий восток
так скоро и привычно заалет.
Июнь опять умоется росой,
тебе махнёт приветственно и просто.
И ветер пробегает меж осок,
и оставляет тонкую полоску.
Простые вещи стоит замечать,
они имеют свойство повторяться.
День тает, как в подсвечнике свеча,
но свечи в небе скоро загорятся.

Шаги твои приблизятся, легки,
по найденной тропинке возле леса,
и мы идём с тобой считать желтки -
официальность версии прелестна.

В скафандре

Нахождение в скафандре поставит преграду нитью -
хоть завой-зареву, кто тебя из скафандра услышит?

Ты спокоен и строг. Марсианские лунные мыши
знай играют в орлянку, где ставка идёт по рублю.

Мимо, мимо. Какие там мыши, когда так ясно,
словно эта равнина, дорога, ущелье, луна -
твоя цель: прошагать,
от себя ни на миг не тая,
что чертовски наскучил скафандр и эти края,
где от края до края - куда ты не кинь и не плюнь -
марсианскою пылью играет в кулички июнь,
и над этим безумием, слабость надежды даря -
синим глазом русалочьим смотрит из неба Земля?

Так возникнет мгновенье в пространстве меж этим и тем,
где свобода - лишь мяч, отразивший неровности стен,
убегающий мяч - ну какие в скафандре прыжки? -
от твоей, потерявшей искусство порыва, руки.

Над качелями полдня, где задана планка высот -
марсианские пчёлы, чьи соты - особенный сорт,
но эстетика пробы - в скафандре - сравнима с нулём,

мёда стыннут сугробы,
мы это потом уберём,
а пока - смотрит сверху, внимая, русалочий глаз.

Может, что понимая.

А может быть - так...

Мимо нас.

Лепестки

Минуты крутятся у виска,
как три сакуровых лепестка.
Такая нежность (почти тоска)
приходит редко.

У суток новые невода,
сквозь наши чувства - течёт вода,
и не построено ни гнезда
на нашей ветке.

Всегдашний вечер котом прилёт,
на мелких ранках прижётся йод,
и тень закатная - поперёк
прошла по зале.

В большом неверии - малый прок,
болит невыученный урок.
И мало крыльев нам четырёх,
как оказалось.

Не удержавшееся в руках
потом вернётся стучать в висках -
так размывает пески река.
Река и слово.

Любовь - дорога в иную даль.
Качели ветра - на проводах.
Потерь не видно почти в рядах.
Просты основы.

Такой вот дали волшебный дар.
Кареты - тыквенны по средам.
А с этой нежностью - вот беда:
приходит снова.

Виноваты синоптики

Элли мила, как милы все блондинки в десять.
Пёсик патлатый вертится возле ног.
Элли хотелось малость покурлесить -
и ураган так заботливо ей помог.

Домик думает: «Тварь я?
Или дрожать мне рано?»
Принимает решение, нацелен на результат!..
Там внизу, далеко — простирается как на экране
лес, избушка, старуха и прочая феличита.

С полки падает "Преступление и наказание"
За открытою дверью — лишь чёрных небес дыра.

Элли меряет небо заплаканными глазами.
Домик падает вниз, как блестящий замах топора.

Жевуны жуют, что жевали, и смотрят косо —
бытие не включало погодно-эфирный глюк.
Не насущны ответы, раз нет насущных вопросов.
А старухе, понятно без них, так и так - каюк.

Жевунам беспокойно от этих замесов скорбных.
Но свидетелей нет - что записано в протокол.
Кормит пёсика Элли печенькой случайный гоблин -
и в глазах их такой нерушимый лежит покой.

Получился рассказец с сюжетом в жёсткой нарезке.
Словно чёрные птицы, по строчкам сидят слова.
Виноваты во всём синоптики и Достоевский.
А хорошие девочки - вот ни разу не винова...

Колода

У ночи смыслы не в полутонах.
Сегодня звёзды чистят, как медали.
Душа бредёт, как иеромонах
в какие-то намоленные дали.

Встречает то волков неблизкий вой,
то свет в оконце близ деревни спящей.
Когда ты настоящий и живой,
всё так летяще!

Полёт дурманит жаждой бытия,
где можешь всё, где просто всё и мощно.
Мы долго спорим с ночью - ты и я.
Ночь лобик морщит.

Ночные крылья - стрекозиный яд.
На скоростях - мелькнёт минутой лето,
что ждёт вокруг... Шаги благодарят
его за это.

На каждого живущего - вина
за тех, кто не вернётся и не спросит,
в кого сегодня ночью влюблена
их никогда не прожитая осень,

и ты ответ не торопись искать,
печатая шаги в тропинку года.

И достаёт душа колоду карт.
И заново
тасуется колода.

Лесное

А мой лес (так хотелось весенний, но там не срослось) -
ближе к осени, к ветру, к листве, что слетает и тает
где-то там, где вчерашнее солнце в сегодня спадает,
где впадает былое рекой в то, что недосбылось.
День приходит как лось - и спешит, и травую шуршит.
И уходит туда, где по осени бродят цыплята.
И внимание зверя особо сегодня приятно
для цыплячьей пока ещё неоперённой души.

А мой лес остаётся - выращивать свору грибниц,
промокать под дождём, высыхать под полуночным ветром,
И поляны его простираются сотней страниц,
и страницы его разбредаются на километры.
И зелёные ели стоят среди красных берёз,
а закатное солнце всё льётся из синей завесы
безразмерного неба, в которое сучьями врос
развесёлый подлесок.

Куртки

Чиста осенняя вода.
Не слёзы, так - излишек влаги.
И мокнет рынок вдоль пруда,
рекламные понутив стяги.

Под вечер лампы в сорок ватт
с тенями борются в проходах.

И куртки некуда девать -
за неимением прохожих.

Прилавок капли серебрят,
торговцев глухи разговоры.
Зжат в ладони октября
сметённый в угол листьев ворох.

Просохнуть лужи не спешат,
предпочитая вместе слиться,
и осень примеряет шарф -
который день примерка длится.

Бросает город взгляд косой,
качая провода на реях,
глаза прилавочной Ассоль
зарёю шелковой не грея.

Собаки сдуру завизжат,
ватага птичья пролетает...
Есть время сева, время жатв.
Настало – время ожиданий.

Тиха осенняя вода.
Круженье - в листьях и в деталях.
И наступили холода.
И куртки продаваться стали.

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

Из Одессы; филолог. Стихи писала с ранней юности, печаталась в периодике, но, в основном, писала "в стол". С 1979-го жила в Канаде. Первые годы писала, переводила и редактировала для единственной тогда в стране русскоязычной газеты. Получив новую специальность, 30 лет проработала в области информационных технологий. После долгих лет молчания вернулись стихи.

Финалист и призёр нескольких международных поэтических конкурсов; автор сборника стихов "Чернобеловики". Последние публикации – в газете "Интеллигент", в поэтическом интернет-альманахе "45-я параллель", журналах "Крещатик", "Новый Свет", "Австралийская Мозаика", "Эмигрантская Лира", "Литературная гостиная", альманахе "Витражи" и др. В 2016-м переехала в Австралию к сыну и внукам.

Ещё удерживается старый канатоходец
над пропастью площади, с флейтой своей во рту.
Услышит, глянет снующий внизу народец –
и в свой телефон нырнёт, в виртуальную суету.

Гутарят голуби, туристы бросают в фонтан монеты,
в библиотеке бумажные книги ещё шуршат,
ещё повсюду века моего приметы,
но видимость это – уходит его душа.

Колeblesя площадь в глазах, словно землетрясенье,
шатается бутафорией мощный её амфир.
Звучит ещё музыка, но нет и ей спасенья.
Бесславно, бесследно – куда? – мой уходит мир.

...Ещё балансирует он, шаг выводя за шагом,
хрустальные дребезги звуков роняя вниз –
и рухнет, в воздухе прянув смешным зигзагом.
Аплодисменты жидки, и не повторить на бис.

Сон

Я беженка. Идёт война –
кого и с кем? когда? какая? –
того не выведать у сна.
И стук колёс не умолкает.

Сна безответственный монтаж
впотьмах тасует заоконный
минующий меня пейзаж,
назад бегущий от вагона.

Вослед летящая луна –
то перегонит, то отстанет –
огромна и раскалена,
и страшен свет её, и странен.

В консервной банке лиц и тел
других – как я – куда? – бегущих,
я всё же словно в пустоте,
ком одиночества в их гуще.

Окна холодный уголок
среди мешков на полке третьей,
пожара дальний уголёк
горит – которое столетье?..

И жалоба вопит гудком,
прощаясь, плача, проклиная...
Я беженка. Война кругом.
Война без срока и без края.

Рассвет размешивает краски,
янтарный пробует мазок,
луч упирается в висок,
и просыпаюсь я от ласки,
а в доме только я – и Бог.

Продлись, мгновение! Сознание,
повремени! Ещё чуть-чуть
дай плыть в младенческой нирване
как водоросль в океане,
в день наступивший не шагнуть.

День, за который благодарно
каштан цветёт, щегол поёт –
летучий росчерк календарный,
ненастный или лучезарный –
последний, может быть!

Но вот – в реальность душу окунаю:
ложь, горе, ненависть, война,
с экрана смерть, как из окна –
в реальном времени!
Я знаю,
не выбираем времена...

Больной раскручивая глобус
день ото дня, себя кляня,
живу, и новый день всю злобу
дня проливает на меня.

Судьба моя? Поблекший нотный лист,
набросанный поспешно, от руки,
возможно – гением... Он неразборчив,
но я должна сыграть его с листа.
В оторопенье, жалкий дилетант,
сбиваюсь, загоняю и фальшивлю.
Не разбираю! Паузы длинны –
отчаяния гулкие пустоты.
И я мечусь, стараясь их заполнить,
мои импровизации кричат –
слепые, неумелые каденцы,
всё дальше, дальше заводя в тупик.
Не разбираю! Даже главной темы
не отличить от ложных голосов,

не выделить из грохота и лязга,
мелодию играю не свою,
и мне рояль невнятным вторит гулом...
Вот и финал, но музыки не вышло,
исполнить пьесу мне не удалось.
И всё-таки звучали иногда
мгновения, пронизанные солнцем,
стаккато ливней и легато волн,
любви и боли строгие аккорды,
и детские звенели голоса,
и музыкой казались...

Над головой окрестных дач
В тот день парил футбольный мяч.
Зимой лежал в канаве он,
Но был оттуда извлечён
И, сшитый проволокой ржавой,
Мяч оказался он на славу!
Ты покати его, смеясь,
И я за вами погналась.
Ты отпускал его – беги! –
Но, сохраняя обладанье,
Придерживая у ноги,
С ним проходил всё расстоянье.
Он от хандры и зимней спячки
Всех окончательно будил –
Замурзанный футбольный мячик,
Который прыгал и чудил,
Скатился к морю, влип в мазут,
Стал чёрным след от босоножек...
Он возбуждал движенья зуд
В солидных пожилых прохожих,
И кто как мог – ногой, рукой –
Толкал его перед собой.
...Тогда весна была, игра,
А мы смешали все напитки,
И поцелуи, и ловитки,
Как изумрудная – гора...

Был май, и первая жара
Покачивала и пьянила...
Да, всё это когда-то было;
Внезапно вспомнилось вчера...

1968; Одесса

ЯРОСЛАВ СТАРЦЕВ

Родился в Екатеринбурге, закончил Уральский госуниверситет и Институт политических наук в Бордо. Стихи и переводы публиковал с конца 90-х, в основном - французская поэзия XIII-XX веков, но также валлийские, английские, канадские поэты и научный перевод. Стихотворные переводы публиковались в "Митином журнале", "Витражах", региональных журналах и альманахах, в книгах издательств Коломна, ЭКСМО, Азбука, ПрестижБук, Водолей и др. В 2021 г. издал авторскую книгу

стихов "Визитка".

Притча

В поход против Зла запоздалой весной
Отправился юный герой.

Два дня он скакал, и не ел, и не спал,

И в рог протрубил под горой.

Бой прошёл тяжело, и повержено Зло, -

Но, увы, дорогою ценой:

Потеряв много сил, Зло герой победил,

Но, израненный, дух испустил.

И невесту герою уже не обнять,

Невеста не будет ждать.

Не хотела его, не ждала ничего,

Но отец принуждал, и мать.

Вот же - вышло не так, и рассыпался брак,

И при ней её девичья стать,

Ведь в поход против зла запоздалой весной

Отправился юный герой.

И родителям — горе, печаль и беда,

Крушенье надежд навсегда.

Ведь приданое, эх, было б счастьем для всех,

Вот бы пожили славно тогда!..

Но, жале́й — не жале́й, больше нет сыно́вей,
В нищете́ жить го́да и го́да.
Ве́дь невесту́ геро́ю уже́ не объня́ть,
И невеста́ не бу́дет жда́ть.

А се́стра у геро́я — в то́ске и в сле́зах,
И в ду́ше её́ бьётся́ стра́х.
Оста́вляя без сна́, бра́ту ны́ла она́
Про́ Зло́, что жи́вёт в го́рах.
Чтобы́ вспо́мнил се́стру, ста́л защи́той до́бру
Жени́хавшийся́ вертопра́х...
А ро́дителя́м — го́ре, печа́ль и бе́да,
Круше́нье наде́жд наве́гда.

Лу́чший дру́г у поги́бшего́ бы́л — сло́вно бра́т,
Он раская́ньем ны́нче объ́ят.
Бы́л с невесто́й геро́я, а пре́жде — с се́строй,
Во́т бы всё́ поверну́ть наза́д!
И невеста́ ему́ ну́ совсем ни́ к че́му,
И с пре́жней случи́лся разла́д,
А се́стра у геро́я — в то́ске и в сле́зах,
И в ду́ше её́ бьётся́ стра́х.

Не случи́но в доли́не всё́ ду́рно по́шло -
Ве́дь в го́рах затаи́лось Зо́ло.
Наму́тило стра́стей, закру́жило лю́дей,
Кова́рные се́ти плело́.
Покура́житься́ всла́сть, про́явить свою́ вла́сть
Зата́нута́ под своё́ кры́ло...
Но в по́ход про́тив Зо́ла запозда́лой ве́сной
Отправи́лся ю́ный геро́й.

Хроника

Она́ ещё́ не до́шла до́ Бога́, хо́ть идёт́ к Не́му́ пря́миком,
Ко́жу с кури́цы вме́сте с перья́ми она́ снима́ет оди́м рывко́м,
Она́ уже́ не держа́т коро́ву, и то́лько па́ть поро́сят,
Но та́к, ка́к она́ го́лосила́ по́ мужу́ — та́к да́вно уже́ не го́лосят.

Мужик был в общем хороший обходчик, и всё же пришёл наряд,
А когда с тобой вслух говорит страна, люди просто молчат.
И хмыкнул начмед, - мол, ты не потей, - и рывкнул помком: «Даёшь!»,
Но когда за тобою Медвежья падь, ты сдохнешь, а всё же пройдёшь.

А сын приоткроет истинный космос, где он сам - ничтожней, чем вошь;
Его внутренний Ленин закусит нимб, - да хоть изойдёт на пердёж,
И звёзды начнут смеяться в глаза, долго тыкать острым лучом,
Но тому, с кем Вселенная будет на «ты», любой укол нипочём.

И после - ещё не один пробой, и ещё много-много внучат,
Их племя заселит Землю и небо, старый дом и какой-нибудь чат,
Они будут пить, они будут есть и бойцов провожать на фронт -
И мотать, и мотать эту пряжу опять, чтоб запрясть ею весь горизонт.

Мемуар

Мы гуляли и кутили, баламуты и повесы -
Но всегда хватало стиля быть галантным для принцессы.

- Встанем, как прежде, друзья!

Как бы ни терзали стервы, как бы ни кружили бесы,
Мигом размягчались нервы на улыбку для принцессы.

- Нам разлучаться нельзя!

Из Нью-Йорка и округи, из Парижа и Одессы -

Деньги — в дом, кольцо — подруге, и открытку — для принцессы.

- Будем опять, как один!

Кто служил, а кто крутился, кто чужие слушал мессы -

Ни один не покупился на цветочки для принцессы.

- Памятлив наш господин!

Были взлёты и паденья, и серьёзные замесы -

Но любой хранил почтенье к светлой памяти принцессы.

Жаркими будут костры -

И, конечно, за расклады, за потоки и процессы

Свечку ставили, как надо, перед образом принцессы.

Все мы чисты до поры.

Не поделишься с друзьями, как, рельефны и белесы,

Вдруг встают перед глазами очертания принцессы.

Бьёт из-под зелени ключ -

Вот затравка для романа, для поэмы или пьесы:

Как-то раз напились пьяны, сговорились - у принцессы...
Пылок наш дух и могуч!

Документ

*Глава администрации муниципального образования
«городское поселение Медвегорск»*

(_наименование_)

*от специалиста по работе с обращениями граждан
(_исходящий номер в соответствии с приказом_)*

Годовой отчёт по обращениям

60% - проблемы с освещением

(мигание, сбои, взрывы ламп:

запрос в торгсеть, ответ, штамп -

продукция прошла проверку качества,

проблемы с подстанцией или чудачество;

запрос: подстанция дышит на ладан,

но это в области решать надо);

17% - проблемы со связью

(эх, разрывы, хулиганство и безобразия -

звонки от неопознанных абонентов,

вой, улюлюканье, возня диссидентов,

вот и у меня такое было -

убрать, а то повесит без мыла).

13% - протечки крыши

(запрос: коммунальщики врут, как дышат,

ссылаются на стоимость материалов,

есть госпрограмма, но им мало);

8% - разные мнения

(убрать про сезонные обострения);

12% и два с третью — внезапная встреча с чужой смертью

(запрос в Небесную канцелярию -

пишут, в апреле была авария),

две десятины засеяны маком

(запрос: там не две, а тринадцать с гаком),

главе челобитчиков быть виновату

(запрос к правительствующему Сенату),

с пожарами, барин, полная жопа

(два угоревших и три холопа),
сто двадцать зачем-то нужны басилею
(а я по-ихнему не разумею),
хазар понагнали нам дюжины три
(и, бают, у каждого — демон внутри),
принцепс отправил четыре когорты
(земли не дают, а калиги истёрты),
в мае являлся сиятельный Рама,
грозил разрушением нового храма,
таблицы магагами смолоты в прах -
и ястребы, ястребы на головах!
Медведи придут — не показывай виду.
Твой названный брат
Урггах Энкиду.

Тема: *сколь многих я видел в гробу!*
Есть ещё сводка, но это табу.
Мой небесный император,
Дай мне подудеть в трубу!
Бу-бу-бу.

АННА ТРИФАНОВА

Родилась в 1978 году в Череповце. Стихи и прозаические миниатюры публиковались в альманахе «Белый ворон», «Витражи» (Австралия). Автор детской книжки «Акварельки. Зарисовки из старого альбома».

МЕЖДУ МИРОМ ОСЕНИ И ВЕСНЫ.

Между миром осени и весны
Где-то проходит космос, чьи-то сны,
Вместе сухие травы и новый сок,
Звезда покидает запад, вдали - восток.
Где-то деревьев ветви плетут узор,
Корни деревьев цепкие, чей-то взор
Смотрит сквозь лето пристально, и края
Вечности не сжимаются, якоря.

Цветок зимы, небрежный в полусне,
Что тайной музыкой баюкает сознание,
И смысл слов, открывшихся в себе,
Воображением заменяет знание.
И лепестки зимы, как щупальца кометы,
Притягивают взгляды в темноте,
И раздвигают горизонт до света,
Мерцающего искоркой на дне.

Полночный ветер свет несет сквозь тени,
Минуя сумрак, тает между снов,

И неба внешнего касаясь у основ,
Сцепляет звенья.
Рисунок влажный, акварельный мир,
В котором только лишь намек, не больше,
И двери открываются все дольше,
И ждет вино, налитое в потир.

Сквозь солнца свет невзрачно-непростой,
в садах безмолвных белоснежных лилий,
рассвет играет терпкой красотой,
сдвигая время с побелевших линий.
И в плоскости заснеженных широт,
полоска неба тает, полая,
и видится судьба уже иная
для века прежнего, у золотых ворот.

Сквозь призму счастья солнечного света,
где позолотой связаны снега,
там, где искрящихся мгновений берега -
дорога в лето.
И облаками устилая путь,
ни пропустить, ни потерять мгновенья,
как если бы его простые звенья,
сверкали бисером, нанизанным на суть.

Рассвет, светящийся вне утра неприметно,
летят как хлопья снега облака,
и день плывет сквозь свет издалека,
едва заметно.
Так воздух светом наполняется извне
в садах прозрачных звездною зимою,
и время легкое за легкою игрою
влечет к себе.

Светлеет день, и мимо пролетает,
как белый снег поденкой января,
и в радости своей его заря
на небе северном играет.
Как если бы всегда ее полет
из поднебесной вотчины лучился,
и в окнах жизни нашей отразился,
где снег ее таинственный идет.

В светло-спелых лучах мира полного цвета и влаги,
расцветает весна, камни тлеют под жгучей водой,
мимо острова снов облака за лазурной слюдой
над землею летят как небесные стяги.
Травяной лабиринт стелет мягкий туман у воды,
образуя соцветия следов, где не видно печали,
тонкий свет сквозь туман все летит, растекаясь лучами,
заплетая в браслет чьи-то нервные нити судьбы.

СЕРГЕЙ ТЫШЕВСКИЙ

Родился в 1965 году в Москве. В 80-е и 90-е годы XX века вместе с друзьями выпускал литературный альманах «Твердый знак», изучал поэтику немого кино, участвовал в «самиздатовских» проектах. Стихи публиковались в таких журналах как «Новая юность» и «Воздух», переводились на английский, и составили около десяти поэтических книжек. Лауреат премии «Живая вода». Работал заместителем главного редактора газеты «Первое сентября» и журнала «Медиацзия и право». Автор нескольких переводов Дилана Томаса (в том числе «Баллады о длинноногой наживке»), сотен биографических и мировоззренческих статей, двух книжек прозы. С 2019 года постоянный автор сайтов «Радио Свобода». В 2022 году был вынужден вместе с семьей уехать из России, сначала в Грузию, а затем в Германию, где продолжает работать для Radio Liberty.

КРЕПОСТЬ

В крепости Анаури на Военно-грузинской дороге
Стоит молодая церковь четырех веков от роду.
Милые огнедышащие звери и птицы
Празднуют там фреску страшного суда,
И левиафаны в море
Чешут об воду свои хвосты.
Скачут веселые бесы
Со свитками дел человеческих,
А им под копыта
Бросает копье ангел
В ликующей темноте.
О, страшный суд! О, последнее пиршество плоти!
Черные цветы цветут,
И в гробах мертвецы,
Руки скрестив, поют
Песню прощального пира.
Молодая церковь
Из камней потемневших,

Молодая крепость
На политом кровью склоне –
Высоко над Арагви-рекой,
Над Дарьяльским ущельем,
Перекрытым теперь плотиной,
Смотри:
Пришли к нам воды
Глаз твоих, Боже,
И зеленой волной
Разделили живых и мертвых.

МИР КАК ТРЕЩИНА

Трещины по штукатурка бегут во все времена
По фрескам, потолкам дворцов, больничных палат,
Изображая карты несуществующих стран,
Очертания драконов, морских чудовищ,

Профили любимых, если присмотреться.

Узнавание = уничтожение.
Трещины на штукатурке
Больше не будут чем-то другим, возможным.
Глаз лишает их вариантов жизни.

Профили любимых, если присмотреться!

Где мы уничтожаем друг друга, на каких войнах?
Какой удар наносим, решив, что знаем, чувствуем, видим?
Легко и весело тыходишь в дом,
Где потолок покрыт вязью знакомых трещин

(Профили любимых, если присмотреться).

Трещины по штукатурка бегут во все времена.
Их создает что-то большое, бесчеловечное.
Напряжение камня, подземная дрожь,
Взрывы снарядов, наше воображенье:
Профили любимых, если присмотреться.

Они струятся как вены по рукам,
Как виноградная лоза, спешащая скрыть разруху
(Разлуку), тенями оплести, разломить на части.
Беличьей кистью смерти проводят по глазам

Профили любимых, если присмотреться.

Тени как хищники преследуют свет и пробегают через наши глаза.
Каждый из нас на этой охоте – трава и ветер.
Замеченные и приговоренные к смерти
Случайные линии в чужих зрачках.

Профили любимых, если присмотреться.

ПРОЩАНИЕ

Прощай, мой маленький миллионник,
Тбилиси молодой вековечный.
Прощайте, мои печальные собаки
У дверей добрых магазинов.
Прощай, пересыхающая река,
Полноводным языком облизавшая город.
Прощай, надежда на случайную встречу
На улочках твоих вечерних.
Прощай, нахвамдис.
Диди мадлоба
Хлебу твоему и вину твоему,
Исцеляющим
Тысячи и тысячи нас.
Да хранит Господь
Вечных твоих царей
В каждом прохожем
На улице
Вахтанга Горгасали.

NOREPLAY

Каждый день мне пишет Нореплей.
Он живет на скалах Лорелай,
Говорит, что жизнь моя течет,
Надо оплатить какой-то счет.

Я живу в деревне под холмом.
Я немного тронулся умом.
Тут рыхлят крестьяне в поле прах,
И тоска, и кладбище в цветах.

Спуск от виноградника к воде,
Замка обветшавшая броня,
Языки, убежища людей,
Вавилонских башен толкотня.

В этом пестром мире все равно,
Где и с кем о будущем молчать.
Я пойду, налью себе вино,
На письмо не буду отвечать.

За июнь толкая месяц май,
Корабли идут у Лорелей,
У воды - ни завтра, ни вчера,
Только на причалах номера.

И оттуда вековечный бук
Машинально шлет наборы букв,
Неверморкой трется о гранит,
Истину какую-то хранит.

Вековечный бук, а может бог,
Вековечный бог, а может бот,
Глупый робот счастья и тревог,
Счетчик человеческих забот.

Бот не ждет письма, и я не жду.
Мы в одном аду, а может нет?
Безответно речь свою веду,
Безответно слушаю ответ.

Хорошо что есть еще вино,
И за рубежом вселенской лжи -
Воздух, приоткрытое окно,
Тело, тут оставленное жить.

Ты улыбкой губы разлепляй,
Зажигай слова как огоньки,
Лорелая нимфа, Нореплай
Безответной медленной реки.

ВЕДЬМЫ НЕ ОБОРАЧИВАЮТСЯ

Немецкий лес
У Брокен-горы
Тайное ШТАЗИ подземелье
Пещера рельсы
Известковые останцы
Дубовые листья

Ах как там заходит солнце
Закатывается
За Брокен
Огненным колобком
Коробком
Горящих спичек

Горький ветерок
Щекочет волоски
На носу лисьем

Ушли
Сожгли

ВОЛНА

Где-то уже созревает волна цунами
Выше гор и городов
Летит астероид и орбита
Неизбежно пересечется с земной
А в подземельях
Дрожащие руки электрокаров
Передвигают ядерные бомбы на погрузку
Куда ударит
Кого накроет
Когда это будет

Мне звонят через пол-земли
И рассказывают о снеге
Который внезапно укрыл
Мокрую уральскую глину
О скрипке
И итальянских словах
Которыми вдруг наполнился дом
О самолюбивой кошке
И собаке с грязной бородою
А я слушаю
Забывая спросить
Куда ударит
Кого накроет
Когда это будет

Мы очень подвижные цели
Разбросанные по земле
Нас невозможно утопить
Как миллион живучих котят
Не возьмешь атомным взрывом
Не захватишь в заложники
Потому что
Все равно кто-нибудь
Будет помнить о другом
Все равно
Кто-нибудь купит скрипку

Я чувствую запах
Мокрой собаки
Пришедшей со снежной прогулки
Почти на той стороне земли
И как она
Стряхиваю со шкуры
Капли этих бессмысленных слов
Куда ударит
Кого накроет
Когда это будет

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ

*Поэт, прозаик, драматург.
Родился в 1952 г. в Ленинграде. Живёт
в Израиле.*

*Автор 9 книг стихов и сборника
рассказов. Стихи и рассказы
публиковались во многих журналах и
альманахах России, США, Англии,
Германии, Дании, Бельгии, Китая,
Украины, Эстонии, Киргизии, Египта.
Стихи переводились на английский,
французский, финский, китайский,
киргизский, арабский языки.*

Член Союза писателей Санкт-

*Петербурга и международного ПЕН-клуба. Лауреат ряда престижных
литературных премий. Участник международных поэтических
фестивалей в России, Украине, Канаде, Финляндии, Эстонии, Египте.
Составил и издал в России два выпуска сборника антивоенной поэзии
«Горькая медь». Сейчас в Израиле готовится к печати третий выпуска.*

СЕЛИГЕР

По веселому морю летит пароход...

Михаил Кузмин

По осеннему небу неслись облака.
Пароходик скользил по упругой волне.
Я стоял на корме, и чужая строка
так легко и доверчиво льнула ко мне.
О, какая свобода! Так плыть бы и плыть,
в этот светлый простор заплывать, заплывать.
И бездумно на воду смотреть, и курить,
и бездумно строку повторять, повторять.
Между тем, что-то плёл местный гид. И вдогон
что-то чайки кричали в сквозной вышине.
Мой приятель – прозаик бубнил в диктофон,
свежей мыслью своей пораженный вполне.
Бедных смыслов ловец, мытарь значимых тем,
мне, зеваче, к чему твой расчёт деловой?
Разве спросишь у сердца: стучишь ты зачем?
Разве мысли залётной прикажешь: постой!

Если ветер сдувает любые слова,
словно пену с барашков бегущей волны.
И пылают янтарным огнем острова,
и затоны расплавленной меди полны.
Разве счастье поймать? – хлоп в ладоши – и нет.
Что осталось – непрочное слово твоё
или этот прохладный над плёсами свет?
И свобода. Осенняя горечь её.

ВЫПИСКИ ИЗ ИСТОРИИ

Полосатая будка, полосатый шлагбаум, полосатый столб верстовой.
В полосатом клифту да по той дороженьке, по раскисшей той...
Что, милоч, приуныл? Кто там в спину тебе оторопело глядит? –
Ватный будочник, да суконный стрелочник, да с пугачом инвалид.

Что былин у нас! Что сказаний-преданий! Мы с историей нашей на «ты».
Ни одно колесо – никогда до Казани... – сопрут через две версты.

Но везде на стрёме или на страже, или просто торчит пень пнём –
то бандит отмороженный, то мент заторможенный, то инвалид с ружьём.

Где-то между столиц по разбитому грейдеру громыхает «Газель» в ночи.
А вокруг темнота – вырви глаз, а вокруг – ни души, кричи – не кричи.
Только вдруг останоят (место не обозначено, разбитый фонарь скрипит)
то ль омоновец пьяный, то ли рьяный гаишник, то ли с ружьем инвалид.

– Вы туда не ходите, там такое махалово: нож на нож. Но сквозь чад и дым
кабака, словно шепот знакомый: «Ну, как же ты, братец, с адом таким?..»

«А вот так вот, Алёшенька, так вот и мучаюсь. И хихикают за спиной
чёрт акцизный, и чёртик зелёный махонький, и ещё какой-то – кривой...»

Вот такие видения нас морочат, такие вот странные сны.
Где страна, о которой ты знал бы, что любишь?.. Нету такой страны.
На обмылок похожий лепила однажды зашьёт тебя ржавой иглой
и... поехали мимо: будка, шлагбаум, покосившийся столб верстовой.

ИЗ ИСТОРИИ ПЬЮЩИХ

– Тот пьет потому что он пьет потому что он пьет...

– А тот?

– Потому что он жаждой духовной томим.

– А этот?

– А этот узнал, что однажды умрет...

– А ты?

– Ну затем, что им тошно и скучно одним.

Тот – первый – пропойца: всю жизнь исковеркал, дурак.

Машину, любовницу, дачу – всё пропил на фук;

он даже Брокгауза продал с Евфроном за так;

жена его бросила, проклял единственный друг.

– А этот, другой?

– Этот с Бродским, представь, был знаком.

Он был молодой, подающий надежды поэт...

– И что?

– Ничего. Испугался поставить на кон талант.

А теперь ни таланта, ни времени нет.

– А третий?

– А третий... - он страх заливает всерьез,
кошмар ожидания вечности, но между тем,
он втайне желал бы подохнуть, как брошенный пес,
но так, чтоб совсем незаметно, не больно совсем.

– А ты?..

– А что я? Ну, я пью, потому что я пью;
еще потому, что духовною жаждой томим,
а также, – и смерть ужасает, и жизнь не люблю...
А главное, – жалко мне этих... куда им одним?..

НОЧНОЙ ЗВОНОК ИЗ ФЛОРИДЫ

О, Америка – пестрая лошадка карусельная!

Ты мне снилась столько лет и зим подряд:

города твои молочные, берега кисельные;

Фенимор твой Купер, твой Брет Гарт;

твои скво широкоскулые и гангстеры широкополые;

дяди томы, томы сойеры и всадники без головы..

Годы безнадежные мои, бедные, веселые,

где же вы?

О, Америка – неведомый парк с аттракционами!
Сладкий леденец, приманка, яблочный пирог...
Всё никак не справиться с утратами, уронами,
 подвести какой-нибудь итог
жизни ли, желаниям ли, снам. Судьба туманная
завела и бросила... И тайны больше нет.
Что ж, прости-гудбай, земля обетованная,
 пламенный привет!

Мне к тебе не вырваться уже из нашего убожества.
Не прорваться, лихо выхватив калибр тридцать восьмой...
Наплывай же, наплывай себе сквозь риффы Джонни Ходжеса,
 Бог с тобой.
Все давно изжиты сожаления, все слезы пролиты...
Позвони мне, что ли, друг мой, как-нибудь, валяя дурака,
из своей восторженно-провинциальной Флориды:
 – How are you?
 – Да жив еще пока.

ИЗ ЦИКЛА «ПРОЩАНИЕ»

Я знал его. Нет, я его не знал.
Так, иногда... на финише запоя...
Он пил. А кто не пил, когда не спал?
А кто не спал во времена застоя?
Три языка... Эпохи Цин знаток...
К тому ж – поэт... яхтсмен... фуражка с крабом...
Еще молва плела, – он был ходок.
А кто в те годы не ходил по бабам?
...Прошло лет сто. Мы встретились опять
в каком-то, смутно помню, месте злочном.
Он мрачен был; всё : «...мать-да-перемать...»
А кто в ту пору не был злым и мрачным?

...Прошло еще с десятков нудных лет.
Нас потрясла казенная свобода.
Мы с ним сошлись опять. На почве бед, –
не личных, нет, но общих бед народа.
Он рассуждал вполне как дилетант,

но как кипел! (Хотя и неуместно.)
Вот говорят: он был большой талант.
А кто был не талантлив, если честно?

...Потом он подустал и поостыл.
Он запил, внука не пристроив в ясли.
Он не писал – угасли жар и пыл...
А у кого, скажите, не угасли?
Он жаловался всем на всех. Он стал
Невыносим, как постоянный зуммер...
Потом он глупо умер. То есть взял
и умер просто так.

А кто не умер?

* * *

Я ещё петушусь, петушусь.
– Я ещё ничего, – говорю.
Я ещё распишусь, распишусь
к сентябрю-октябрю-ноябрю.
Я ещё похожу-поброжу,
пошатаюсь по этой земле.
Я ещё покажу, покажу
в декабре-январе-феврале.
Я ещё хоть куда – хвост трубой!
Не устал еще, черт побери!
Я ещё молодой, молодой...
А в ответ: говори-говори...

ЯКОВ ЦЕМЕЛЬ

Родился в Москве, с 2022 года живёт в Австралии. Окончил Московский Электротехнический Институт Связи. Сочетал работу по специальности и серьёзные занятия литературой. Публиковал стихи на сайтах ряда литературных сетевых изданий: Квадрига Аполлона, 45-я параллель, The Epoch Times и др. Изданы три поэтических сборника: “Осенние полёты” (1997), “Стеклянный мальчик” (2013) и “Годовые кольца” (2018).

Осень

(венок сонетов)

1

Облетают листья, облетают,
Пёстрый дождь в поблекшей синеве,
И цветные тени вырастают
От деревьев на сырой траве.

Мы готовы. Время наступает
Взять пришедшей осени венок.
Лес нас терпеливо ожидает –
Мудрый и доступный старый Бог.

Впереди неблизкая дорога
От лесных окраин к сердцу Бога
Вьётся понемногу, а над ней

Ветер тучи спелые срывает,
Позолоту дождиком смывает.
Контурсы деревьев всё ясней.

2

Контурсы деревьев всё ясней.
Ветви свои пальцы расправляют,

Тонкими узорами теней
Силуэты Леса обрамляя.

И бескрайний Лес без суеты
Из-под ярких летних наслоений
Открывает лёгкие черты
Осени волнующих творений.

Буйство красок летнего холста
Заменяет линий нагота.
Простоту природа обретает.

Всё прозрачней реки октября,
Что впадают в дальние моря.
Плотный воздух незаметно тает.

3
Плотный воздух незаметно тает,
Значит, птицам время улетать.
Летних криков пелена густая
Растворилась. Стало холодать.

И слова, что были так покорны,
Словно в странном и прекрасном сне
Покидают нас. В Лесу просторном
Мы опять молчим наедине.

Влажные и зябкие туманы
Покрывают тихие поляны.
Умолкает эхо жарких дней.

Лишние слова беспечной стаей
За прошедшим летом улетают,
И шаги становятся слышной.

4
И шаги становятся слышной,
И больнее ранят нас ошибки.

Всё длиннее ночи, всё темней.
В тишине пронзительной и зыбкой

Нам не спится. Отгоняя сны,
Мы свои долги перебираем,
Что в цепочку без конца и края
Неразрывно соединены.

Но однажды, покидая дом,
Мы в оцепенении замрём –
Всюду новых красок переливы.

И тропой привычной не пройти,
Потому что встали на пути
Осени бездонные разливы.

5
Осени бездонные разливы
Захлестнули стальные леса.
Северных оркестров голоса,
Зазвучав, сорвали торопливо

Шумные лесные паруса,
Что стеной стояли горделиво.
И под эти чистые мотивы
Засветилась в небе полоса

Дальнего прозрачного рассвета.
Мы его мечтали видеть летом,
Но пришёл он к нам лишь в этот час,

Потому что тех оркестров звуки,
Словно сильные живые руки,
Распахнули мир в который раз.

6
Распахнули мир в который раз
Трезвые пронзительные ветры

Открывая взорам наших глаз
Осени нагие километры.

Сброшены одежды всех дорог,
И шагают люди напряжённо
По своим дорогам обнажённым,
Ощущая каждый бугорок.

Наша обнажённая дорога
Стала незнакомой, длинной, строгой.
Мы теперь не скоро отдохнем.

Нас не защитит добротный дом,
Раз стучатся в дверь нетерпеливо
Времени окрепшие порывы.

7

Времени окрепшие порывы
Разорвали строй рабочих дней,
И благоразумия призывы
Заблудились где-то в стороне.

Позабыв все прежние уроки,
Нацепили крылья мы тайком,
Чтобы на ничтожнейшие сроки
Стать богами. Оттолкнув свой дом,

От родных ветвей мы оторвались
И в толпе икаров затерялись.
Нарядились в латы мудрых фраз...

Но, ломая оболочки Слова,
Силы притяжения земного
Яростно обрушились на нас.

8

Яростно обрушились на нас
Огненные ритмы листопада.

Всё, что мы хранили про запас,
Осенью беречь уже не надо.

Мы теперь не в силах удержать
Радости, тревоги или беды.
Нам нельзя чего-то избежать.
Осенью мы всё должны изведать.

И Природа нас не подвела –
Новые заботы и дела
В те же строчки суток уложились.

Мы раскрыли времени секрет,
Но лишь только найден был ответ –
Дни, подобно листьям, закружились.

9
Дни, подобно листьям, закружились
С той поры, когда, прервав игру,
Наши дети тропку проложили
Через осень к школьному двору.

Тропка ширилась, они выросли.
Всё позднее гас в окошках свет,
Значит, мы всё чаще не умели
Дать надёжный, правильный совет.

Закружились новые рассветы.
Щедрые домашние советы
Нашим детям стали не нужны.

Планами неясными полны,
Дети в путь далёкий уложились.
Наши горизонты обнажи

10
Наши горизонты обнажились,
Но вдали мы разглядеть смогли

Лишь поля, которые сложились
В бесконечность глинистой земли.

Той земли, чья жёлтая порода
Дедами испытана была.
Той земли, которая все годы
Под ногами нашими жила,

Наполняя плотью чудотворной
Лёгкие младенческие зёрна.
В поисках добра и красоты

Потянуло нас к родному дому,
И, подобно колосу литому,
Плоть земную обрели мечты.

11
Плоть земную обрели мечты,
И тогда нам вдруг понятны стали
Письма, что осенние цветы
На лесных полянах разбросали.

Строчки без начала и конца
Загорелись яростно и звонко.
В них смешалась щедрость мудреца
С ласковой наивностью ребёнка.

Мы пошли вдоль заповедных строк,
Прорубая просеки цветные.
Мы прочли все радуги земные,

И на этом кончился урок.
Завтра там, где осень песни пела,
Семь цветов венком сольются бе

12
Семь цветов венком сольются белым
В хороводе первых зимних вьюг.

Чёрный лес сквозь снег протянет смело
В небо сотни тысяч жадных рук.

Он его опутает ветвями
И сроднит с землёй. Назло пурге,
Семь созвездий, обратившись в пламя,
Запылают в нашем очаге.

Пусть к тому огню Слова протянут
Все, кому в пургу не повезло.
Семь забот одной заботой станут –

Сохранить священное тепло
В том краю, где рано солнце село,
В том краю, где осень прошумела.

13

В том краю, где осень прошумела
Не найти пустых, случайных чувств.
Ты с улыбкой на крыльцо присела,
Прислонившись к моему плечу.

И усталость в тот же миг пропала,
Боль в душе растаяла как дым.
Эти чудеса всегда рождала
Ты прикосновением своим.

Скучные законы нарушая,
Лишь любовь так просто воскрешает
Человеку силы и мечты.

В солнечные дни и в непогоду
Всё быстрее мчатся наши годы
Вихрем беспощадной доброты.

14

Вихрем беспощадной доброты
Нас пронзает этот мир осенний,

И тогда мы раздаём листы
Наших разноцветных сочинений.

Принимает их бессмертный Лес
И мешает со своей листвою,
Пёстрое собрание чудес
Пополняя небольшой главою.

А когда затихнет листьев звук,
Нарисует время новый круг
На стволе, который их питает.

Отправляет осень листья в путь,
Чтобы жизни круг опять замкнуть.
Облетают листья, облетают.

15
Облетают листья, облетают.
Контурсы деревьев всё ясней.
Плотный воздух незаметно тает,
И шаги становятся слышней.

Осени бездонные разливы
Распахнули мир в который раз.
Времени окрепшие порывы
Яростно обрушились на нас.

Дни, подобно листьям, закружились,
Наши горизонты обнажились,
Плоть земную обрели мечты.

Семь цветов венком сольются белым
В том краю, где осень прошумела
Вихрем беспощадной доброты.

ЛЮДМИЛА ЧЕБОТАРЕВА (Люче)

Ноф ха-Галиль, Израиль

Поэт, прозаик, детский автор, бард, переводчик с английского, испанского и иврита.

Жила в России, Украине и Беларуси.

С 1993 г. живёт в Израиле.

Публиковалась в альманахах и журналах во многих странах мира.

Автор 8 поэтических сборников и 20 детских книг.

Организатор, лауреат и член жюри многих литературных конкурсов и фестивалей.

Составитель и главный редактор цифральных иллюстрированных

литературно-художественно-музыкальных альманахов из серий «Кологод» и «Книги Вселенной».

Мартовский трамвай

Ну что, шепнуть себе: «Не унывай»?

Припомни лучше прошлую закуску:

набравшись духу бросить музыкалку,

ты уходящий догнала трамвай

и на подножку впрыгнуть изловчилась.

Мигнул зелёным глазом светофор:

мол, молодец, отлично получилось!

(Сбивается дыханье до сих пор...)

Корабликами нотные листы

в ближайшей луже тонут постепенно,

и папка с острым профилем Шопена

пикирует в соседние кусты,

где скоро почки поменяют платья

и спячку оборвёт вороний гам...

Ты вырвешься из плена нудных гамм,

этюдов Черни и сонат Скарлатти.

С родителями непрерывный спор —

четыре раза, каждую неделю —
сольфеджио, фоно, музлитра, хор...
Как всякие «фа-соли» надоели!
Распахиваешь зимнее пальто:
весною и свободой пахнетпряно.
И ни-ког-да — клянёшься — ни за что
не прикоснёшься больше к фортепьяно!

...А на губах — запёкшаяся соль,
ведь жизнь была изменчивой и длинной.
Я до сих пор сажусь за пианино
и слышу от него: «Привет, Фа-соль...»
И вновь твержу: играй, не забывай!
Но сколько я ни тренируй пассаж,
мне не догнать тот — мартовский — трамвай,
мне не поймать тот — юности! — кураж...

Графиня «баба Лида»

Памяти няни

Гаснут искры воспоминаний
В опустевшем резном графине...
Не роднёю — простою няней —
Как живётся в семье графине?

Шепоток шипит: «Вишь-подишь ты! —
Никакая не «баба Лида»!
Кто не понял? — она из «бывших»,
Маскируется — так, для вида...

Обтрепалось перо на шляпке.
Зубы стиснуты аж до хруста.
Почему так темно и зябко?..
Отчего так на сердце пусто?..

А холодной судьбы осколки,
Словно льдинки, остры... прозрачны...

Лишь девчушка с неровной чёлкой
Охраняет от мыслей мрачных.

Отдала бы ей всё, что было! —
Восемнадцать почти... невесте...
Жаль, нельзя подарить для милой —
Некрещёной — нательный крестик.

...Напевая, звенит посудой...
Насыпает синичкам крошки...
Знает, с мёртвой снимать не будут
Бриллиантовые серёжки —
Голубой воды диаманты:
«Вот, пусть внучка проколет уши!»

Незабвенны её таланты —
Согреть, отдавая душу,
И любить беззаветно близких,
И прощать небесам обиды.

На помин о себе — в записке:
Шереметева.
Баба Лида».

Свисток из абрикосовой косточки

И мачта гнется и скрытит...

М. Ю. Лермонтов

Памяти мамы и друзей детства

Абрикосовый рай моего голопузого детства...
Где живот мне щекочет живительный солнечный сок...
Пальцам, стёртым об камень, немало пришлось натерпеться,
Чтоб из косточки вышел залиvisto-звонкий свисток.

Превращается в палубу шхуны резная веранда,
Занавески из ситца — в надувшиеся паруса.
Я «свистаю наверх» свою лучшую в мире команду,

И на зов мой команда спешит — совершать чудеса:

То отважно сражаться с нещадными злыми штормами,
То, к обеду поближе, кричать облегчённо: «Земля-я-я!!!».
Я заправскому коку — весёлой молоденькой маме —
Чуть небрежно машу, возвращаясь на борт корабля.

...Повреждённая мачта надсадно «скрыпит», но не гнётся.
Отчего же горчит абрикосовый сладкий компот?
Если в косточку свистнуть, команда моя соберётся...
Вдруг и мама вернётся...
Что ж медлю я?
Полный вперёд!

Встреча с Серафимом

*По горной царственной дороге
Вхожу в родной Иерусалим*.*

Меня встречает на пороге
Угрюмый, строгий Серафим.

Взглянул печально. Утомлённо
Присел на краешек крыльца.
И пепел с крыльев опалённых
Летел, как с бабочки пыльца.

Во тьме священного кадила
Курились горечь и упрёк:
— Ты слишком долго восходила, —
Он укоризненно изрёк.

— Но я не ради фимиама
Сюда стремилась столько лет.
Я шла, чтоб на ступенях Храма
Нашли когда-нибудь мой след.

**Строки из стихотворения С. Я. Маршака «Иерусалим» (1918)*

Ловец ветра (по мотивам Екклесиаста)

И вот, всё тщета и ловля ветра.

Ек. 2:11

Всё — одна маета.

И, увы, я поведать не в силах,

Как за ветром гонялся,

Мечтая расправить кривое,

Как меня безоглядно

По белому свету носило,

Но пресытились очи,

Душа возжелала покоя.

Я познал и безумье, и глупость —

Пустое томленье!

Умножающий знанье

И впрямь умножает печали.

Всех постигнет единая участь —

Забвенье и тленье.

На круги своя ветер вернётся,

как было вначале.

Но я снова отправлюсь

За ветром в погоню пустую.

И цветы миндаля опадут,

И осыплется клевер...

Глядь, серебряный шнур перетёрся,

И жизнь вхолостую

Пролетела —

Как ветер, кружащий на юг и на север.

Сказка для птенца

Печальная, измученная птица

Баюкала усталого птенца:

— Усни, малыш! Я знаю: плохо спится

В пустыне без начала и конца.

Не слушай заунывный вой самума
И скрежет растревоженных песков.
Тут — небо цвета ржавленной куркумы,
А там — лазурно-синих васильков.

Чужбинный край враждебен и неласков.
Мой несмышлёныш, соколёнок мой,
Ты просишь сказку?
Ладно, слушай сказку
Про наше возвращение домой.

Увы, не избалованы судьбою,
Но вновь надежда манит в облака.
Когда домой вернёмся мы с тобою,
То вволю полетаем, а пока —

Пусть не пугают тернии, а звёзды
В ночи сияют ясно и светло,
Чтоб там, где встретят нас родные гнёзда,
Птенцы легко вставали на крыло.

ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ

Родилась во Львове. Закончила Университет, факультет романо-германской филологии. В Австралии с 1998 года. В университете в Канберре защитила диплом по курсу "Психология". Работает психологом-диагностом в центре нетрадиционной медицины. Стихи пишет с 16 лет. В Украине печаталась в периодических и студенческих изданиях. Публиковалась в Мельбурне в местной русскоязычной периодической печати и в сборниках, а также в Германии, в том числе в альманахе «Крещатик», в России – в газете «День литературы». Пишет на трех языках.

ЛЮБИЛ, А МОЖЕТ НЕ ЛЮБИЛ?

Любил, а может не любил?

Но так допек!

Рубашку, бигуди хранил -

Любил, как мог.

Он по утрам меня будил,

Под горн вставал.

И тормозил, что было сил,

Потом пинал.

Он так любил. Он так любил.

И все учил меня, учил,

- Ты будь хитрей!

И уставал, и вспоминал всех матерей.

Потом он снова отходил,

Был сердцем добр.

Моих подружек называл

«Сплетеньем кобр...»

Он так любил...Он так, любил.

Жалел, что кто-то обманул меня опять.

Хотел весь мир перевернуть упрямо, вспять.

И снова больно так хлестал,
Был так возвращен.
Всех без разбора материл,
И был прощен.

Он так любил, он так любил.

Любил, а может не любил?
Нет, он любил!
И жил взахлеб,
И водку пил,
И баб водил!

А ЗАКАТ ...

А закат кроваво алый
Дирижабли - облака
И рукою пирс усталый
Дотянулся до буйка
Никого...

Темнеет быстро
Глядь, китаец пробежал
У него в руках монисто
Лески из грузил-лекал
Никого...

В машине прежний
Мой 105
Баритон
Очень вкрадчивый и нежный
У него сегодня тон
Никого...

Огни мерцают
Улица совсем пуста
И машины пролетают
По асфальту, чуть свистя
Никого...
Темнеет быстро...

ЧЕРНІВЦІ

Тільки-но як займеться світанок,
Підсурмується сонечком ранок.
Постають золотаві куполи,
Дивні площі, химерні костьоли.

Чернівці, Ви з легенди «Ченрвівців
Бог дав вроду, як писанці-дівці.
Брускетові стежинки змією.
І таланом родини всієї.

Моє місто, коханий мій краю!
Я тя щиро, від серця, вітаю!
Світлим ранком я низько вклонюся,
Новим днем я за Вас помолюся.

Теплий вечір, в зітханні, підходить.
Потяг мій від вокзалу відходить.
Свою швидкість він враз набирає,
А серденько моє завмирає...

Попрощався вокзал, міст скінчився.
У фіранках тих вітер забився.
Чернівецький зорепад позаду.
Я в нестямі, не дам собі ради...

Чернівці, Ви коханий мій краю!
Бог дасть знову я Вас привітаю.
До побачення- низько вклонюся.
Зі сльозами за вас помолюся...

САМОТНІСТЬ

А що таке самотність?

- Одичіння.

То гостра в співбесіднику нужда.
Самотність, філософське ма коріння.
Від прадіда до правнука тяжба.

Самотність- то така надривна туга
Під ранок, як затихне раптом дощ.
Самотність- то душі кривава смуга.
То птаха-щастя знівечені моці.

Самотність у дитини- то потвори,
Непослухняння, сльози, боротьба.
Самотність у старих- то кроків кволих
Така невпевненість, в очах журба.

Найгірше, то самотність коли разом,
В подружжі ніби, соціальний кіч.
Вона характер має невиразний,
Лиш зна про те, твоя безсонна ніч.

Самотність-то, як фікус під морозом.
Як пес безхатній, коли л'яє дощ.
То стан, коли втрачаєш часом розум
В надії, що постука в двері хтось...

ЕКАТЕРИНА ЧИНАРОВА

Меня зовут Екатерина Чинарова, родилась и выросла на Крайнем Севере, за полярным кругом. Работала журналистом в Москве, с 2007 года хожу вниз головой, так как живу в Австралии. В моей жизни было три М — мурманчанка, москвичка и мельбурчанка. Стихи про любовь к другим, себе и природе. Немного экзистенциальные, немного нервные и философски-печальные. Про север и юг, юность и зрелость.

Тем, кто ушел

Подавленное горе,
Со всхлипами не спорю.
Есть только я и море.
По кромке края строю
Из палочек - людишки и
Домик и песка.

13 миллиардов все это создавалось
Взрывалось, разумеется,
Горело, возрождалось, плодилось, размножалось.
Из череды случайных события развитий, развития событий
Вдруг получилась я.

С довольно хрупким телом,
По лотерее- белым,
Но с багажом на вес,
Эмпатии зачем - то раздали перевес.

Подавленное горе,
С тобою я не спорю.
Для радости причины,
Как неба половины,
Так радугой смеется,
Свинцовый небосвод.
А если все рандомно,

Но не автономно,
По квантовой науке -
Агентный реализм .
Мы с морем делим горе,
Мы с морем делим море,
Мы с морем «внутридействуем»,
Я человек и бриз.

Новый отрезок пути

18 лет назад это было...
Боинг сереброкрылый
Индийский пересёк океан
И приземлялся в туман.
Утро будило, шутя, каждого нехотя.
Ровность шоссе проверяло солнце,
Микро-машины жуками ползли.
А я смотрела на черепиц сонмы,
Блики и море, море - внутри.
Австралия. Новый отрезок пути.

О важном

Может быть, в этой обычности и кроется страшно большой секрет.
Проснуться и обратить внимание
На глаз его удивительный цвет,
На спокойствие, сном наколдованное.
Мечущееся эго под маской Блаженности вечной.
С его глупыми сомнениями , болтовней человеческой.
А на улице просто лето разлилось.
Небо медным купоросом опрокинулось. И не самая большая звезда в
одной из галактик мультивселенных дарит жизнь всем обитателям
биосферы.

Время хаоса

Внутренняя иммиграция, - говорила Бэлла.
Внутрь, от хаоса, это - дело!
Знаю я , что можно противопоставить лжи
И всеобщему сумасшествию...
Лучшую на свете музыку,
Великих слова и поэзию.

И если вас тоже пугает
Нарастающая энтропия "нового человека",
Прячьтесь в книжки девятнадцатого и двадцатого века.

Сансара любви

Пема Чодрон , буддисткая монашка,
Узнав об измене мужа. застыла с чашкой.
Дымился тиган, гора на фоне.
Раз - и вся жизнь как на ладони.

Не будучи просветленной тогда еще камень кинула
И светский мир навсегда покинула.

Голод-влечение, затем насыщение,
Потом пресыщение и отвращение.
Бесконечное колеса вращение.

Как вообще можно цепляться,
пытаться на одной остановке остаться.
Как можно снова хотеть - быть с кем-то рядом, мечтать...

На карусели новые пары сели.
Улыбаются. И понеслась опять.

УЮТНЫЙ ВЕЧЕР

Такой уютный этот вечер.
Безвременный, бесконечный.
Я все болею, а ты лечишь
И словом, взглядом.
Смех беспечный.
Мы делим ночь, кровать и воздух.
Не разделяют полюса.
Я лишь хочу чтоб ты был просто,
Моя душа. Мои глаза.

СНЕЖИНКИ

Разве тебе непонятно, девочка с севера,
Что невозможно удержать снег в теплых руках?
Вокруг летает летает, дразнит - и тает. Стоит попытаться с ним "в

отношениях разобраться".

А какие снежинки разные... Неповторимые узорами хвастаются.

Попробуй сачком их - и под стекло. Опять потекло...

Только застыть, смотреть на чудо, ловить на язык и на ресницы.

В никуда они из ниоткуда падают на твои рукавицы.

МЫСЛИ НА НОЧЬ

Радость твоя - печаль без маски.

Слезы твои - смех без гримасы.

Страхи твои - голуби в клетке.

Трепещут , бьются, открой их свету.

Мысли - настырные крохи-блохи.

Попробуй их подковать правой рукой.

Сами по себе не так уж плохи .

Будоражат редкий такой покой.

Тонкое южное ночи кружево

Нежно накинёт на рот "молчи".

Вдавит в подушку - птиц белых дюжину, тысячу блох и с души кирпичи.

Море

Море обнимет холодно так, просто.

Арктическим девам не привыкать.

Непостоянство непоседливое.

Не хочется догонять.

Буду смотреть на песок сквозь пальцы,

на время убегающее в небеса.

Строить башни из гальки и пялиться на закатные чудеса.

МОЕМУ ПИТЕРУ ПЭНУ

Разве могла Венди удержаться и не увлечься его задором?

Не соблазниться полетами, не поддаться его уговорам?

странный, рискованный...

Мальчишка в зеленом,

Такой раскованный.

От одной невесты сбежал, заставил другую уйти.

Без кандалов, налегке... лети! Все порхаешь, ямочки на щеках игривы.

Такой не привязанный, такой красивый.

Но Венди, пожалуй, останется и не полетит в Неверленд.
Ты злой, и, если взглядеться, обыденный сердцеед.

Смотрю в глаза твои изумрудные
А вижу детство холодное, трудное.
Травмы, тревоги, ревность,
И много разных неврозов.
Покачал бы головой Эрик Эриксон:
"Для личной жизни - угроза".

Но память у тебя короткая.
Уже бренчишь на рояле.
Новые феечки кроткие
Тебя полетать позвали ...

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон», «Золотое руно» и др. В 2012 году вышла книга

стихов и прозы «На костре своих строчек...». В 2015 вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...». В 2024г. в Библиотеке «Крещатика» (г. Киев) вышла книга поэзии, прозы и публицистики «Я-Зяма». Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014 г., Лауреат премии «Герой нашего времени» 2015г.; Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г с 2009 г. – Главный Редактор международного альманаха-ежегодника «Витражи» (г. Мельбурн).

Пессимиси

Тогда и выспишься, мой друг
Когда уймешь поток
Пустых, назойливых потуг
Найти всему исток,

Связать тончайших паутин
Разрозненную сеть
В тугую, Гоподи, прости!
Безжалостную плеть.

Ты хочешь все концы собрать
Которым нет конца.
Ты из-за них не можешь спать,
Не уронив лица.

Ты в гневе – мир несправедлив
Пора менять, пора!
(Как будто язвы сточных нив
Открылись лишь вчера).

Торчат колючки из траншей
Божественной стопы.
И мысли лезут из щелей
Как жирные клопы.

Кусают, давят на слабо,
Круша ростки надежд.
И, если есть на свете Бог,
То он не милосерд.

Март – восьмое число -
Женский день!
Значит, все остальные – мужские,
Мускулистые, боевые,
В шестиклинке блатной набекрень
Или в пыльном военном берете,
В каске, в шлеме на кумпол надетом -
Берегись! Никого ни задень!
Оттого на земле не спокойно
Ни минуты без драки и бойни
Для мятущейся жаркой души -
Вольно где-то пожары тушить.
А другим - не воинственным смиренным
Не отведено дней в этом мире
Женский день завели, чтоб проверить -
Засвидетельствовать и умерить
Пыл воинственный как то унять
Научиться не брать, а давать
Мужикам не ходить на охоту
Не травить тараканов и мух
Обожать молодух и старух.
Так, глядишь, через пару столетий
Станет как то спокойней на свете
Но спокойней нисколько не стало
Видно дня одного слишком мало.
Все решительно надо менять -
Дни в правах навсегда уравнивать
Женский день, скажем.

сделать по четным,
А мужские - валяй по нечетным
Чтоб легко было их различать -
Дни мужские, считая за будни
Ну, а женские - так пусть и будет
Каждый праздником светлым считать.

Всю ночь гремело и сверкало
Как будто шел снаружи бой -
На склоне лета запоздалый
Каприз космический, большой.

Как будто воинство сражалось
В атаку шло на высоту
И лишь под утро тихо стало
Пыл наступательный потух

Роняя роем капли с веток -
Словно оплакавши урон
Защитного оттенка цвета
Проливши горлом на газон

И небо стало голубое
И растворились облака
И солнце мне улыбки строит
И машет вслед – пока, пока..

И все печали измельчали,
Что так тревожили в ночи -
Покой зашел на чашку чая.
Дню благодатному в зачин.

Храня в душе неммым вопросом -
По отношению к прочим дням
Что пуля тот же купол носит
Что и величественный храм.

Дорогие мои, прощайте
Осторожно прикрою дверь
Остающиеся не отчаивайтесь
Умножая горечь потерь.

Я не первый и не последний
Но, как будто, лукавый бес
По своей, по природной, вредности
Подогнал отходняк - экспресс

Пассажирский. Вот это - бедствие
Я ж за тихий, мирный причал.
Коллективно пуститься в бегство
Даже и не предполагал.

Понапрасну не торопился.
Но с платформы гул - косяки
Из сердечников и упившихся.
И все первые - из таких.

Косяки вип-персон отборных
(Не какой-то обрюзгший сброд)
Что историю-мать покорную
Чуть не век целовали в рот.

Целовали взасос, грабастали
Победители, как ни как.
Но на небе решили – баста
И спустили поблегший флаг.

Поезд литерный, жутковатый
С торжеством бытовых рутин
Мне такой почет не по штату
Мне с такими не по пути.

Полагаю, билет по ошибке
Занесло в мой почтовый бокс

Или так с лукавой улыбкой
Развлекался товарищ Бог.

Не вихляя влево, вправо
Как сойдете, за углом
Поживаю, догораю
Синим, медленным огнем.

Потрясен многоголосьем.
Все, что в ухо, все, что в глаз -
Оголтелые колосья
Перезревших зерен зла.

Говорят и те и эти -
Очень громко говорят.
Говорят, как будто метит
Территорию снаряд

Все доверчивей к приметам.
Все страшней от тишины.
Переходят части света
В территорию войны.

Потянуло мертвечиной.
Отряхнувшийся от сна
Скрытый зверь на выход двинул -
Оттопыривай карман.

Мир напрягся, жаждет крови,
Нервно выгнулся дугой.
Никого не надо трогать,
Чтоб услышать: «Сам такой!»

Чтоб у самой кромки рая
На растяжку стать ногой.
Кто-то скажет: «Жизнь такая».
Я отвечу: «Ты такой!»

Благоухание ладана -
Могильник затертых слов,
Все силуэты смазаны-
С первых шагов – в любовь.

В стоптанных сандалетах
С веснушками на лице -
Про пионерское лето
В самом его конце.

С ранними – до побудки
Встречами невзначай
У клумбы, где незабудки
Ромашки да Иван-чай.

Выцветший сарафанчик
Глаз поднебесная синь
Как симпатичны мальчику
Ее хохляцкое «ні»,

Малороссийских напевов
Грустная, грустная вязь.
(Мы друг у друга - первые
К нам никакая грязь...)

Словно взбирается в небо
Чистый ее голосок –
Ангелов ловчий невод.
Кто бы еще так смог

О том, как месяца жало
В волнах качает река
Как на войну провожает
Дивчина - козака.

Только молчи и слушай
Трепетно принимай

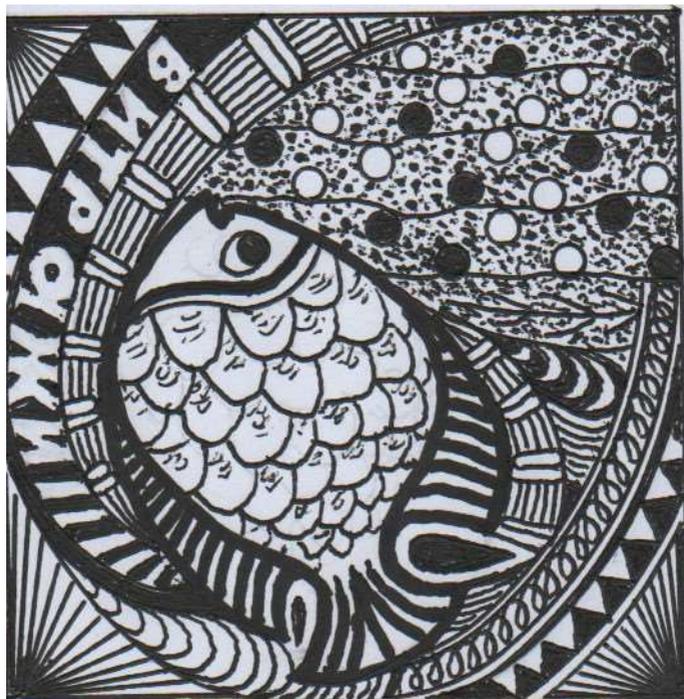
Метка - на всякий случай
Неизлечимо вкрай.

Сумрачный свет палатки,
Запах полынной травы.
Курских, мордовских, вятских -
Царство плакучих ив.

Я к тебе наравнодушен
Заявляю громогласно
Заявляю откровенно – от тебя тепло и свет
Сохраненные тобою
Между небом и землею
Не научно – это ясно -
Под петлею две затяжки,
Наша встреча тет-тет.

Пусть грозитя хрен моржовый
Дескать, завтра всем нам крышка
Дескать завтра всех скукожит -
На него управы нет.
Нет управы – это слишком.
Пусть все знают, пусть все слышат
Я к тебе неравнодушен
И мое неравнодушие не отменит не разрушит
Никакая из ракет.

ПЕРЕВОДЫ

ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ

Родился в Москве. Вырос в Сибири. Экономический факультет и аспирантура МГУ. Давно живу в Мельбурне, Австралия. Преподаю в университете. Колумнист-комментатор по экономическим вопросам в австралийских средствах массовой информации. Автор двух сборников стихотворений и переводов. Публикации в антологии "Земляки", журнале "Крещатик", альманахах «Витражи», «Австралийская мозаика» и других периодических изданиях. Победитель конкурса поэтов-переводчиков – «Эмигрантская лира 2019».

Переводы

Из Тэда Хьюза

Тэд Хьюз (1930-1998), один из наиболее значительных английских поэтов второй половины XX века.

Красное

Красный был твоим цветом.
Если не красный, то белый.
Ты была в красном.
Красно-кравом. Было ли это кровью?
Рыжей охрой, чтобы смерть показалась теплее?
Или железным пигментом,
Хранящим в бессмертье фамильные кости.

Когда, ты сделала то, что хотела,
Красной была наша комната. Судебной палатой.

Шкатулкой для драгоценных камней. Кровавым ковром
С темным узором сгущений.
Шторы – рубиновый плюш –
Крови потоки от потолка и до пола.
То же – подушки, то же –
Карминным рядом на сидении у окна.
Пульсирующая клетка. Алтарь в храме ацтеков.

Только книжные полки скрылись в белом.

А за окном
Маки - тонкие хрупкие морщинки,
Корочки запекшейся крови,
Текущей из раны,
Сильвии, как назвал тебя отец,
И розы – последний удар сердца
Перед роковым разрывом артерии.
Твоя длинная бархатная юбка - пелена крови,
Роскошное бургундское вино.
Твои губы - глубокого малинового цвета.

Ты наслаждалась красным.
По мне же он беззащитен –
Как загнувшийся край марли на заживающей ране,
Когда под коростой можно коснуться проступающей вены.

Ты писала картины белым.
Потом ты боролась с ним, раскидывая розы,
Склонённые над белым, – капающие розы,
Плачущие розы, больше роз,
И иногда между ними – маленькая синяя птичка.

Синее шло тебе больше. Синие крылья.
Шелк из Сан-Франциско цвета зимородка,
Скрывавший твою беременность
В ласковых складках.
Синим был твой добрый дух,
Заботливый внимательный защитник.

В преисподней красного
Ты пряталась от клинической белизны.

Но камешек, который ты потеряла, был синим.

Песня

Не хотела ни воздуха
Ни далекого неба

Песня

Не хотела склона холма от которого отражалась

Не хотела листьев
Вибрировавших от её звука

Не хотела камней - безразличных
Но всё равно участвовавших в игре

Не хотела воды

Песня не хотела своего рта
Не заботилась ни о своём горле
Ни о легких или венах
Из которых лилась

Песня сделанная из счастья
Как элегия искала

Того что не существует
Разливалась над пустой могилой
Того что еще не родилось

Катехизис у врат тьмы

Чьи это маленькие тощие ступни? Смерти.
Чьё это щетинистое колючее лицо? Смерти.
Чьи это еле дышащие легкие? Смерти.
Чья это рабочая одёжка мышц? Смерти.
Чьи это ужасные кишки? Смерти.
Чьи это затуманенные мозги? Смерти.
Эта грязная кровь? Смерти.
Эти подслеповатые глаза? Смерти.
Этот маленький грешный язык? Смерти.
Эта случающаяся бессонница? Смерти.

Даны, украдены или ожидают суда?
Ожидают.

Чья это каменистая дождливая земля? Смерти.
Чьё всё это пространство? Смерти.

Кто сильнее надежды? Смерть.
Кто сильнее воли? Смерть.
Сильнее любви? Смерть.
Сильнее жизни? Смерть.

Но кто сильнее Смерти?
Ну конечно, я.

Пролетай мимо, ворон.

Из Сильвии Плат

Сильвия Плат (1932-1963) одна из наиболее значительных американских поэтов второй половины XX века, жена Тэда Хьюза

Край

Женщина совершенна.

На её мертвом

Теле улыбка завершённости,

Иллюзия античной определённости

Струится в складках её тоги,

Её босые

Ноги как бы говорят:

Мы прошли так много, и это – конец.

Мертвые дети свернуты белыми змейками

По одному у каждого маленького

Теперь уже пустого кувшинчика от молока.

Она сложила их

Назад в своё тело, как закрывающиеся

Лепестки розы, когда в саду

Сгущается аромат, кровоточащий

Из глубоких сладких зевов ночных цветов.

Луне не о чем печалиться,
Глядя из-под костяного чепца.

Она уже всего навидалась.
Её зрочки следят сверху в ожидании.

Слова

Топоры,
От ударов которых звенит дерево,
И эхо!
Эхо как лошади,
разбегающиеся из центра.

Древесный сок,
Текущий как слезы, как вода,
Стремящаяся вернуть свою зеркальность,
Нарушенную
Брошенным камнем,

Белый череп,
Заросший зелеными сорняками.
Годом позже
Я нашла их на дороге –

Слова – сухие и неоседланные,
Неутомимые удары копыт.
А в это время
неподвижные звезды со дна бассейна

Правят миром.

Удар

Пятно наводняется бледно-фиолетовым.

Всё остальное тело размыто

Цветом жемчуга.

Море одержимо всасывается

В расщелину скалы,

Именно здесь его ось.

Метка судьбы,

Крошечная, размером с муху,

Сползает вниз по стене.

Сердце останавливается,

Море откатывается назад,

Завешиваются зеркала.

АЛИНА ЛАЦИННИК

Проживает в Израиле с 1990 года. Училась на филологическом факультете Московского Педагогического Института (бывший МГПИ). В Израиле закончила университет имени Бен Гуриона по специальности психология развития. Работает в центре детского развития в Тель-Авиве и в собственной психотерапевтической клинике. Автор книги терапевтических сказок для детей и родителей «Дня динозавр и

волшебное дыхание», 2022. Книга переведена на иврит. Сказки печатались в журналах «Няня», «Формаслов».

Алина занимается поэтическим переводом с иврита и английского. Переводы печатались в журналах: «Иерусалимский журнал», «Литературный Иерусалим», «Менестрель», «Четырёхлистник», «Эмигрантская лира», «Новый свет».

Дилан Томас

Особенно, когда октябрьский ветер

Особенно, когда октябрьский ветер
взлохматит волосы рукою ледяной,
а солнце ослепит – я крабом пячусь,
кривую тень бросая на песок.

Над побережьем тает птичий гомон,
вороний кашель между голых свай...
Любимая, лишь твой услышу голос –
кровь силлабическая льётся по строке.

Я тоже заперт в башне слов. Я вижу
вдоль горизонта, словно дерева,
проходят женщины, одетые в слова,
и с ними дети – движутся, как звезды.
Позволь мне вылепить тебя из гласных буков,
а в голосе пусть шелестят дубы.

Слова пусть прорастают из корней.
Пусть спич торжественный произнесёт вода.

За кадкой с фикусом привычный звукоряд
простукал маятник, благословляя утро.
И флюгеру о направление ветра
поведал он, взглядевшись в циферблат.
Позволь создать тебя из луговых примет.
Всё, что я знаю, травы нашептали,
мои глаза от снежных пут освободили.
Позволь открыть тебе секрет вороньих бед!

Особенно когда октябрьский ветер
(в заклятьях осени позволь тебе соткать,
язык паучий, гром холмов Валлийских)
дубасит кулаками репы землю.
Позволь, создам тебя из шорохов слепых.
Иссохло сердце в постоянном гуле
чернильной крови, знающей о буре
от тёмно-гласных птиц береговых.

Хилар Бэллок

Тарантелла

Помнишь тот приют, Миранда,
Помнишь тот приют
И тягучий запах хмеля от соломы на постелях,
Стаи мошек, что слетелись прямо с Верхних Пиренеев,
В стойлах мулы и волы,
Вина с привкусом смолы
Под лозою на веранде –
Помнишь тот приют, Миранда,
Помнишь тот приют?
Сквозняки из всех углов, крик гортанный пастухов.
У которых, без сомненья
За душою нет ни пенни.
И надверный молоток, и скрежущущий замок.
Хлоп! Хлоп! Хлоп! –

В ладоши стук, топот ног и всплески рук.
Как девчонки танцевали,
Флиртовали,
Ревновали,
Постояльцев целовали,
Суетились, веселились и кружились без забот
Взад-вперёд...
Тинг-тонг-танг в ночи гитарный...
Помнишь тот приют, Миранда,
Помнишь тот приют?
Никогда уже отныне
Мы, Миранда, не увидим
Больше тот приют.
Иней в верхней галерее,
Тахо пенится у двери...
И ни звука.
Только в залах –
Старомодных, обветшалых –
Шарканье незримых ног.
И ни звука.
Но каскады отдалённых водопадов,
Как судьба, стучат в висок.

Роберт Фрост

Рекордный шаг

В Вермонте, в стареньком доме,
в широком шкафу деревянном,
уткнувшись носами в стенку
под грудой разного хлама,

стоят помятые туфли,
соперники с драной кожей.
Когда-то пинали друг друга,
теперь друг друга убоже.

Они разговоры слышат
и мне задают вопросы:

кто слишком стар для прогулок,
кто обувь какую носит.

В Монтокке одну промочил я,
когда погнался за шляпой,
В Клифф Хаусе испортил другую –
волне я дал себя сцапать.

Из-за проказников внуков
Случились те передряги –
когда-то мой стих прочитают
и вспомнят мою отвагу.

Лизну я старую кожу:
Атлантики соль, без обмана,
на первой, а на второй –
соль Тихого океана

На каждую – по океану:
вот это рекордный шаг!
Ну что? Пойти и продать их?
На них мой фирменный знак!

Но нет, посвящу их гордо
музею собственной музыки.
Толстокожий, не будь тонкокожим!
Не стоит питать иллюзий!

Меня не судите строго:
моя широка нога –
я сблизил рекордным шагом
Америки берега.

Большой Пёс
Гигант Суперпёс,
небесная тварь,
летит под откос
на запад, дикарь!
Спешит на восток –

в глазах по звезде –
свиреп и жесток,
навстречу беде.
Я просто щенок,
но вою и рад
лететь с этим псом
сквозь тьму наугад.

Войди

Лишь вошёл я в сырой овраг -
дрозд на ветке – Чу!
И внутри, и снаружи мрак -
хоть зажги свечу!

Даже птице не разглядеть
своего крыла...
Но она пожелала петь -
знать, меня ждала.

Последний луч золотой
ещё не погас.
Наверно, для песни одной
дрожит он сейчас.

В галерее лесных колонн
дрозд поёт, поёт –
Возвещает, быть может, он
В мир теней переход?

Но нет. Хоть я звёзды люблю –
мне рано в астрал.
Позови меня – не свалю.
да никто и не звал.

На дерево, упавшее поперёк дороги

После бури упало дерево на тропу.
Растопырив ветви, лежит, преграждая путь.
Вот и кончился наш поход, как ни кляни судьбу,
и настало время задуматься хоть чуть-чуть.

Кто же мы, в правоте своей убеждённые до сих пор?
А оно попыталось остановить наш бег,
вынуждая искать, куда улетел топор,
заставляя спуститься по колено в снег.
Знай же, дерево, нам препятствия нипочём.
Не отвадит нас от пути никакой курьёз.
Это встроено в нас, поэтому мы идём,
даже если придётся измерить земную ось.
И, устав от бега по кругу, вполне серьёзно
устремим стопы от коряги навстречу звёздам.

АМИР НОЕПАРАСТ

Родился в 1980 году в Тегеране. С 2008 года живет в Брюсселе, Бельгия. Фармаколог, работает в области исследований рака. Публиковался в журналах «Крещатик», «Новый берег» и «Волга». Сборник рассказов "Когда останавливается поезд" издан в серии "Библиотека журнала «Крещатик» в 2024 году. Амир Ноепараст заявляет, что пишет исключительно ради удовольствия от письма, но в отличие от себя двадцатилетнего больше не придерживается понятия «искусство ради искусства». Он считает, что автор должен быть отстраненным

наблюдателем, сродни экспериментатору, который не вмешивается в результаты своего эксперимента

Поклонник ночи

Перевод с английского Ольги Новиковой

В этот вечер, как обычно, он вышел прогуляться: бег в одиночестве давно стал привычкой. Было холодно. Настолько холодно, что люди предпочли остаться в тёплых домах, нежели выйти наружу. Но так было даже лучше, ведь он мог во всей полноте насладиться одиночеством и прекрасной холодной погодой. Надо сказать, ночь для него была более приятна, чем день, потому что только темнота давала возможность увидеть всё вокруг не в привычном образе, а так, как хотелось ему самому. Предстоящая ночь обещала быть похожей на все остальные. Прошло совсем немного времени, и позади поклонника ночи послышались шаги. Всего двадцать или тридцать метров отделяли его от незнакомца, но, совершенно не обратив на это внимания, наш герой продолжил свой путь. Человек за спиной приближался, расстояние между ними сокращалось, и сбивчивое дыхание незнакомца слышалось всё ближе. Поклонник ночи быстро обернулся, успев заметить, как рука, державшая нож, уже нависла над его головой. Непроизвольно, но очень быстро он увернулся. Незнакомец замахнулся так, что, казалось, даже

быстрая реакция не могла спасти поклонника ночи от удара. Перехватив руку, он ударил незнакомца в живот, пытаясь повалить того на землю. Нож отскочил. Быстрым движением поклонник ночи поднял его. Поверженный незнакомец всё ещё лежал на земле, пытаясь подняться. После безуспешной атаки он потерпел ещё одну неудачу, получив удар в сердце своим же собственным ножом.

Незнакомцу было так же сложно поверить в то, что он умирает, как и поклоннику ночи в то, что за какую-то пару секунд он превратился в убийцу. Дотронувшись до умирающего, поклонник ночи спросил: «Кто вы и почему хотели убить меня?» С большим трудом умирающий ответил: «Это ты меня убил». После этих слов он потерял сознание, и поклонник ночи почувствовал всю тяжесть обмякшего тела. Не сумев удержать равновесие, он упал. Мёртвое тело упало рядом, и только теперь поклонник ночи смог увидеть, что именно он натворил.

Он оглянулся. К счастью, рядом никого не было. Он не знал, что делать. Вызвать полицию? Нет, только проблем наживёшь! Как такое вообще могло произойти? Это не просто несчастный случай. И всё же лучше вызвать полицию. В кармане убитого зазвонил телефон – возможно, это поможет решить проблему? Так, телефон здесь. Ему даже стало любопытно. Прежде чем связь оборвётся, нужно успеть ответить на звонок. Возможно, это верный способ узнать, почему на него напали. Он взял телефон и ответил.

Ничего не говоря, просто нажал на кнопку. Человек в трубке явно ожидал, что ответит женщина, и он звал её по имени, не слыша ответа. Для поклонника ночи это стало полной неожиданностью. Он ещё раз взглянул на мёртвое тело. Он даже не заметил, что на него напала именно женщина. Говорившему в трубке он так и не смог ничего сказать. Звонивший безуспешно продолжал звать убитую женщину. Не дождавшись ответа, он повесил трубку. Поклонник ночи посмотрел на телефон. Он решил набрать номер того человека, который только что звонил... Набрать номер... Но... странно. Возможно ли такое? Это был его собственный номер. Но... Поклонник ночи жил совершенно один. Пытаясь осознать всю невероятность произошедшего, невольный убийца даже не заметил подошедшего к нему мужчину.

«У вас всё в порядке, мадам?» – спросил тот.

«Мадам? Я ведь не женщина, сэр, – ответил поклонник ночи. – Вы видели, что произошло? Эта леди набросилась на меня, я только

защищался. А сейчас мне нужна ваша помощь. Не могли бы вы попросить тех охранников вызвать полицию. Я не могу идти».

«Думаю, вы не совсем здоровы. О какой женщине вы говорите?! Кто на вас напал?!»

«Ничего не понимаю! Почему вы обращаетесь ко мне как к женщине? Неужели вы не видите мёртвое тело?»

«Мёртвое тело? О чём вы? Здесь ничего нет».

Поклонник ночи указал немного вперёд, где лежал труп. Незнакомец приблизился. Он медленно вытащил руку из кармана пальто, и стало видно, как его пальцы крепко сжимали нож. Мужчина даже не стал замахиваться – ловким движением он вонзил нож в живот поклонника ночи. Удар был таким стремительным, что поклонник ночи не смог его предотвратить.

Он упал. Жизнь угасала. С большим трудом он спросил: «Почему вы убили меня? Кто эта женщина?»

«Это не имеет значения, – ответил незнакомец. – Это моя работа, и мне за неё платят. Думаю, всё дело в спорах между вашим мужем и одним из его партнёров».

«О чём вы говорите?! Каким мужем?! Я мужчина! И кто та женщина, которую я убил?» – произнёс поклонник ночи с тем удивлением, на которое способен умирающий человек, не познавший главного.

Мужчина, несколько сбитый с толку, постепенно принял безразличный вид и ещё раз взглянул на умирающего в ночи человека. Аккуратно вытащив нож из тела, он скрылся во мраке.

Брюссель

Перевод с английского Ольги Новиковой

Желанный конец Джорджа Уитмена

В переводе с английского Ольги Новиковой

Эйрон Кристианс, молодой писатель из Бельгии, решил остановиться на неделю в парижском книжном магазине “Шекспир и Компания”. Магазином на тот момент управляла Сильвия Уитмен, дочь бывшего владельца и управляющего Джорджа Уитмена*, который для таких дел был уже слишком стар. По традиции, которую в своё время ввёл Джордж, Сильвия попросила Эйрона написать автобиографию, что стало бы платой за проживание. Будучи немного требовательнее своего отца, она попросила Эйрона – хотя достаточно робко – написать, помимо

биографии, коротенькую историю, добавив при этом: “Если возможно”. Однако даже к концу третьей ночи Эйрон не написал ни слова. Первые две ночи он провёл в приятной компании Петры, молодой писательницы из Чехии: всё это время они курили марихуану и пили. И это крайне удивительно – если вы, конечно, знаете нрав и привычки жителей Фландрии, а Эйрон был как раз одним из них. Однако в третью ночь всё было немного по-другому. Разница заключалась в том, что Джордж внезапно решил вновь поселиться на первом этаже магазина. Сильвия быстро написала ничего не подозревающим постояльцам записку, в которой сообщала о недовольстве Уитмена тем беспорядком, который они устроили. Джордж видел, что его горячо любимый магазин превратился в бордель, и всячески показывал глубокое разочарование от многочисленных презервативов, валяющихся в урнах на втором этаже. Джордж Уитман, девяностовосьмилетний американец, или, как его называли старожилы, “Дон Кихот Латинского квартала”, владел этим книжным магазином с 1951 года. Джордж был среднего роста стариком с неухоженными, как правило, волосами, отросшие концы которых он обычно опаливал свечой. У Джорджа был особенный стиль в одежде, как будто специально придуманный для него одного. Он имел обыкновение носить одежду вызывающего цвета, но из-за частой носки цвета становились блёклыми. А ещё Джордж никогда не забывал надевать галстук. Обычный человек, взглянув на Джорджа, не мог бы не вспомнить фокусников-шарлатанов вроде профессора Марвела. Однако при более глубоком взгляде становились очевидны хороший вкус и интеллигентность этого господина. Тот вкус и интеллигентность, которые, казалось бы, давно должны были состариться и иссякнуть, как и их владелец. Джордж был одним из тех людей, которые существовали и не существовали одновременно. Как говорил он сам, “Идиот” Достоевского гораздо более реален, чем его скучные соседи по Латинскому кварталу. Многие знали, что он любил Настасью Филипповну из “Идиота” и мечтал, что однажды Настасья придёт и заберёт его с собой, но эти мечты вызывали лишь смех у окружающих. Он верил, что Достоевский в истории князя описал биографию самого Джорджа – задолго до его рождения. Хотя те, кто читал “Идиота”, вряд ли находили что-нибудь общее между Джорджем и князем Мышкиным... Но всё же не зря говорят: “Мы те, кем сами себя считаем”. На третий день пребывания Эйрона в Париже Джордж, расхаживая по своим бывшим владениям и рассыпая проклятия и стоны, обнаружил две бутылки старого вина урожая 1970 года (они находились в том месте, о

котором мог знать только он) и отнёс их в свою комнату на первом этаже. Скорее всего, эта комната была жутко пыльной, ведь Джордж никому не позволял заходить туда, даже для уборки. Он запер за собой дверь, и никто в ту ночь больше его не слышал.

Около полудня Эйрон Кристианс вернулся в книжный магазин со странной ухмылкой на лице. Ухмылка не была связана ни с Петрой, с которой удалось неплохо развлечься за деревьями в парке, ни уж тем более с тем, что Петра бросила его и ушла с каким-то французом средних лет, что сидел недалеко от них в кафе “Кафка”. На самом деле улыбка Эйрона говорила скорее о его глубоком удовольствии, которое он испытывал после ночной марихуаны. То, что ему никак не удавалось испытать в первые две ночи, наконец-то начало проявляться. И каким же невероятным это было! Эффект был настолько сильным, что Эйрону даже привиделся Бегемот, большой говорящий кот из “Мастера и Маргариты”, который, медленно ступая мягкими лапами, входил в книжный магазин. Довольная улыбка вновь появилась на лице Эйрона. Как только Эйрон вошёл в комнату, он скинул с себя костюм. Ему было совершенно всё равно, почему Петра бросила его. Он даже не заметил записку, оставленную Сильвией на кровати. Раздумывая о “Мастере и Маргарите”, он провалился в сон, совсем как утомившийся ребёнок. Около часу ночи, пока Эйрон и другие постояльцы спали, сладко нежась в своих кроватях, Джордж Уитмен, уже начавший пить старое бордо, выглядел напряжённым и обеспокоенным. Внутреннее чувство подсказывало ему, что долгожданный момент вот-вот наступит. Это и было то чувство, которое спустя столько времени заставило его вернуться в книжный магазин. Наконец, он услышал голос женщины, полной решимости, идущей по деревянному полу на высоких каблуках, – слышались быстрые решительные шаги, каждый из которых заставлял сердце старика биться быстрее. Шаги становились всё ближе и ближе, а сердце Дон Кихота Латинского квартала уже готово было выскочить из груди. На несколько секунд воцарилась тишина – и вдруг в дверь старика резко постучали.

Уитмен был одним из тех чудаков, которые никогда ни перед кем не проявляли собственной слабости. Вот и сейчас он попытался справиться с ослабевшим из-за старости голосом, после чего хрипло спросил: “Да?” По другую сторону двери женский голос, исполненный чувства собственного достоинства, попросил открыть дверь. Джордж, который никогда не сдавался очень просто, ответил: “Думается мне, что человек, который стучится и хочет войти, должен вначале представиться”.

Женщина быстро ответила: “Не беспокойтесь, Джордж Уитмен, Рогожина со мной нет”. Уитмен, определённо знавший, кто стоит за дверью, быстро осмотрел себя в зеркале. Увидев собственное отражение, он несказанно удивился – каким же молодым он был! Джордж, конечно, верил своим глазам, но удивление оказалось сильнее. А женщина, всё ещё ждавшая за дверью, спросила:

– Неужели вы хотите, чтобы я передумала и вернулась?

– Если в вашем решении прийти сюда так много неопределённости, – резко ответил Уитмен, – то да, вам лучше уйти.

– Вот упрямец! – недовольно откликнулся женский голос. – Откройте эту проклятую дверь. Вас, что, не учили, как нужно вести себя в присутствии женщины?

Уитмен открыл дверь. Да, это была она – Настасья Филипповна...

Немного наклонив голову, она требовательно и сухо произнесла:

– И хотя таким я вас люблю больше, ваша бестолковость в обращении с женщинами не меняется, когда вы в обличии князя, – просто из мягкого и обходительного вы превращаетесь в грубияна.

– Вы даже не хотите подождать, чтобы я впустил вас? – спросил Уитмен.

Настасья Филипповна прошла мимо него и закрыла за собой дверь. На ней было чёрное пальто, узкая юбка, чёрные чулки и высокие сапоги до колен. Она сняла пальто и перчатки, и через чёрный узкий кашемировый жакет проступили очертания красивой груди.

– Неужели вы не удивлены? – спросила Настасья Филипповна.

– Нет, я ждал вас, – ответил Уитмен. – Ждал каждый день, но даже представить себе не мог, что вы так хорошо говорите по-английски, но почему у вас британский акцент?

– У моего учителя был такой. Обычно я называла его английским Иисусом... Вы знаете Джона Леннона?

– Да, конечно, – ответил Уитмен, – но я не так уж сильно его люблю.

– Сказать по правде, я тоже, он чересчур деликатен, а русские женщины не очень это любят. Хотя и он, пожалуй, не любит таких, как я. Уж если выбирать, я бы предпочла провести свободное время с Джимом Моррисоном. Он не такой уж хороший учитель, но с ним очень приятно проводить время.

Этот разговор уже начинал действовать Уитмену на нервы, и, желая сменить тему, он сказал Настасье Филипповне, что та совсем не изменилась. А вот он как раз таки сильно изменился, услышал Джордж в ответ. Но вдруг её взгляд смягчился, и мягким голосом она произнесла:

– Джордж, я ждала нашей встречи.

– Я тоже всегда ждал. Я не просто устал – я измучен, ведь я не могу быть ребёнком... Здесь невозможно оставаться ребёнком всегда. А как происходит там?

– Там всё по-другому.

– Лучше? – спросил Джордж.

– Да, лучше, но всё-таки по-другому. Вы должны сами это увидеть.

Глядя вниз, Джордж спросил:

– Один очень важный вопрос не даёт мне покоя: как всё это возможно?..

Что вы реально существуете, вас ведь создал Достоевский – не Бог?

Настасья Филипповна – с безумным взглядом и горячим придыханием – заговорила в ответ:

– Вот значит как! Вы верите в придуманного вами Бога, но сомневаетесь во мне, а кто более реален в вашей жизни? Так вот, к слову, ваш придуманный Бог такой же садомазохист, как и Достоевский.

Джордж хотел вставить хоть слово, но Настасья Филипповна, предвидя это, взяла его за руку и сказала:

– Джордж, не надо ничего говорить, будьте терпеливее! Уверена, вы найдёте правду. Просто знайте: то, что вы хотели увидеть, это не просто мечты. Вы поймёте: то, что вы до сих пор считали реальностью, всего лишь иллюзия!

Подчинившись магии её слов, Джордж одобрительно кивнул головой – с такой покорностью, какой никогда не видели ни соседи по Латинскому кварталу, ни члены семьи. Но голосом, громким и чётким, как шаги Настасьи Филипповны, Джордж спросил:

– И что делать дальше?

– А хотели бы вы побывать в Европе? – в свою очередь спросила Настасья Филипповна. – А потом можно было бы заехать в Россию...

– Мне бы хотелось оказаться на Байкале... – прервал её Уитмен, – и попрощаться с этой реальностью именно там.

Со сверкающим взором, в котором выразилось одобрение, Настасья сказала:

– Вначале мы всё-таки посетим Европу, а потом отправимся в Россию... на Байкал.

Как только слово “Байкал” вылетело из её уст, Джордж крепко обнял её, а Настасья, чей взгляд стал сверкать ещё больше, начала страстно целовать его в губы – как и Джордж... Их имена эхом отдавались в пыльной комнате в эти минуты страсти, пока Настасья Филипповна не сказала:

– Пора идти.

– Всё готово? – спросил Джордж.

– Да, – ответила Настасья. – Наши паспорта и твоя русская виза у меня в сумочке.

– Неужели нам нужны паспорта?

– Да, не забывай, что, пока мы здесь, нам следует придерживаться здешних правил и норм. Единственное, что осталось, это сменить одежду.

Джордж явно недоумевал:

– Тогда как ты могла оказаться здесь, если здешние правила управляют нами? И почему я стал молодым?

– Я всё объясню, как только мы отправимся в путь, – ответила Настасья.

– Это невозможно объяснить законами логики... Так что ты хочешь надеть? То, в чём ты одет сейчас, будет выглядеть несколько странным.

– На втором этаже, – начал Джордж, – остановился молодой бельгиец.

Он неплохо одет, и размер у него, кажется, как раз, как у меня. Сильвия говорит, он спит очень крепко, так что навряд ли мы разбудим его, если зайдём к нему в комнату.

– Тогда иди и возьми у него что-нибудь подходящее, – весело ответила Настасья. – Но переодеваться будешь в моём присутствии...

На следующий день Сильвия Уитмен нашла своего отца мёртвым – он сидел в кресле с улыбкой на лице **. Спустя два дня Эйрон Кристианс присутствовал на похоронах Джорджа Уитмена; всё это время он думал, что его одежду взяла Сильвия, чтобы пошутить или пофлиртовать. Он так и не написал обещанную автобиографию. Во время похорон Эйрон смотрел на Сильвию, стараясь поймать её взгляд, но попытки были тщетны. Вскоре он уехал в Антверпен, так ничего и не написав. Он никогда не говорил о плохом качестве марихуаны, которую купил у марокканских парижан. И всегда считал, что огромный говорящий кот Бегемот из “Мастера и Маргариты” всего лишь примерещился ему, – и всё из-за этой скверной травы, которую он купил у марокканцев в Латинском квартале Парижа.

11 декабря 2011 г.

Кафе «Полония»

Перевод с английского Ольги Новиковой

Всё началось с увлечения. Однажды я посмотрел старый документальный фильм*. И меня будто потянуло куда-то. Я

почувствовал непонятную связь с судьбами тех, кого даже не знал. С женщинами, которых семиглавый зверь войны заставил бросить всё и прийти в чужой город. С теми молодыми девушками – молодости и удовольствию, веселью и юмору, флирту и оболщению которых не суждено было воплотиться на родине. Все радости жизни закончились для них в Иране. На земле, совершенно им неизвестной. На земле, жители которой были добры к чужеземцам и полюбили незваных польских гостей. Иранцы гостеприимны, но женщины, о которых я говорю, и их красота стали проклятьем для них самих. Красота этих женщин поработила их, пусть даже они пошли в это рабство добровольно.

Я говорю о молодых женщинах, которые частенько посещали кафе «Полония» на улице Лалезар в Тегеране в начале 1940-х годов. Это кафе было не для всех. Только влиятельным и важным людям можно было приходиться сюда. Людям, элегантно одетым, красиво говорящим и дающим золотые обещания. Пустые или правдивые. В то время иранцы были оккупированы британцами, американцами и Красной армией, но они собирались здесь, чтобы самим оккупировать тела и души этих прекрасных ангелов. В кафе, созданном войной, хотя его срок оказался короче, чем война.

Судьбы польских завсегдатаев кафе «Полония» не дают мне покоя. Мой разум одержим идеей выяснить тайну этого кафе. В мечтах я уношусь прочь из Брюсселя – обратно в Тегеран, вслед за судьбами этих женщин. Послушать их голоса, когда они радостно что-то обсуждают. Соблазняют. Танцуют. Сидят за фортепьяно. Курят сигареты, не отставая от мужчин. И влюбляются.

Я вспомнил моего деда. Не родного – приёмного. В голове – туманные образы. Помню, когда я был маленьким, то слышал, будто дед водил знакомство с поляками в Тегеране. Тогда он был молод. У него имелся знакомый, с которым они вместе навещали польских друзей. Он являлся не просто другом, но и родственником. Имени его я не помню. Прошло десять лет с тех пор, как все знания о жизни, которые были у деда, он смог свести только к двум словам – «да» и «нет». Десять лет назад инфаркт лишил его возможности говорить. Он не знал больше никаких слов, кроме этих двух. Он даже не пользовался алфавитной доской, чтобы отвечать нам.

Я попросил свою маму спросить его о том друге. С большим трудом она узнала его имя – Курош Эсфандиари. Для этого ей пришлось прочесть моему деду весь список имён из старой телефонной книги. Затем мы пытались выяснить историю Куроша через родственников: Курош, будучи молодым, влюбился в польскую девушку Розу, проживавшую в Иране, а через несколько лет он бросил её ради американки. Его новой любви. Единственное, что удалось разузнать о Розе, это то, что она умерла за несколько лет до смерти Куроша в Америке. Это означало, что оба уже покинули этот мир. Ушли. Как и кафе «Полония».

Я снова позвонил маме. В тот день, когда она должна была остаться с дедом, потому что у его сиделки был выходной. Я попросил маму передать трубку деду. Я спросил его, знает ли он что-нибудь о кафе «Полония». Надо сказать, последние годы он мало на что реагировал. Ничто не могло заставить его волноваться. Но именно тогда, когда я спросил его о кафе «Полония», он с азартом ответил: «Да, да, да». Три раза подряд он прокричал «да». И это было всё, на что он был способен. Ему было что рассказать, но он не мог, а я так хотел услышать, но не мог – тоже...

Брюссель
12.07.2013

ИВАН ПОЦЦОНИ

Родился в Монце в 1976 году. Он ввел в Италии направление «Право и литература» и публикацию эссе об итальянских философах, а также об этике и юридической теории древнего мира; сотрудничал с несколькими итальянскими и международными журналами. Основатель и директор литературного журнала Il Guastatore – «неоновых» авангардистских тетрадей; основатель и директор литературного журнала L'Arrivista; редактор и шеф-повар международного философского журнала Información Filosófica. В нем содержится две недели автогероев

социалистических издательств. Он написал 150 томов, 1000 эссе, основал авангардное движение и написал Антиманифест Néon-Avantgardiste. Он упоминается в основных университетских учебниках по истории литературы, истории философии и в главных томах литературной критики. Его книга La talattia invettiva побеждает Радугу, упоминается в критике Монтано и Стрега. Он включен в Атлас современных итальянских поэтов Болонского университета и несколько раз публиковался в крупном международном литературном журнале Gradiva. Его стихи переведены на 25 языков. В 2024 году, после шести лет полного отказа от академических занятий, он возвращается в итальянский художественный мир и таит в себе NSEAE Kolektivne (Новая социо/этно/эстетическая антропология).

ИНВЕКТИВА ПРОТИВ БОЛЕЗНИ

Выясняя причины моей дизентерии на каждом мероприятии, в канюлю гастроскопа налили чернила — огромная ошибка, патологоанатомы поставили мне диагноз «инвективная болезнь», связанная с литературным рефлюксом, который течет по моему пищеводу и окисляет десны.

Когда, словно циничная собака в ошейнике, вынюхиваю запах дурной морали или вонь эгопатии,

Я не могу терпеть другого человека, жертву чрезмерной ксенофобии,
Я забываю все формы честной игры, погружаясь в туман берсерка,
яростный и черный, как зулус, вынужденный мириться с африканером,
говорю по-цыгански с синти, на синти с цыганами, по-цыгански с
румынами, по-румынски с цыганами.
И не могу сдержаться, чтобы не крикнуть Гитлеру «Алейхем Шалом».
Если я не переварю вас, то услышу «хоу, хоу, хоу», как Леонид при
Фермопилах,
определяя, что меня окружают черви, поэтому у меня повисились
эозинофилы,
Я выделяю избыток соляной кислоты и перестаю подавлять протонную
помпу
с отчаянием Мазингера, отвергнутого бионической женщиной,
выплывая мне в лицо гектолитры цианида с ловкостью *Naja nigricollis*.
И меня раздражает то, что я обречен действовать.
Чтобы понять этос моей жизни, нуждающейся в атараксии,
варвар встречается с гражданином в хоре анти-поэзии,
Все вы, без исключения, должны будете отправиться группой
в лабиринты моей инвективы.

ОТЕЛЬ «АКАПУЛЬКО»

Мои истощенные руки продолжали писать,
превращая в бумагу каждый голос смерти,
который не оставил завещания,
забыв позаботиться о том,
что все определяют как обычные дела
любого человека: офис, дом, семья,
как идеал обычной жизни, в конце концов.
Отбросив в 2026 году всякую защиту
постоянного контракта,
будучи заклеен как неуравновешенный,
Я заперт в центре Милана,
Отель «Акапулько», ветхий отель,
взывая к мечтам маргиналов,
тратя сбережения всей жизни
на журналы и скудную еду.
Когда карабинеры ворвутся
в ветхий номер отеля «Акапулько»

и найдут очередного мертвеца без завещания,
кто расскажет обычную историю
о старике, который жил на ветру?

ΠΡΟΖΑ
Α3ΟΡΠ

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Живёт и работает в Санкт-Петербурге, автор 16 книг (романы, повести), публиковалась в журналах "Писатель XXI век", "Север", "Нижний Новгород", "Южная звезда", сборниках "Макарьевские чтения", лауреат нескольких творческих премий, участник Мастерских для писателей АСПИР.

Соломенный вдовец

1

Напротив, далеко за Академией Художеств, и еще дальше и правее – надо всей Петроградкой, в стремительно ярчавшем небе вдруг неведомым образом оказалась словно застывшая на лету со сложенными крыльями бесчисленная стая огромных черных птиц. Вот только что они с Кирой шли к зловеще багровеющему в теплой светлой ночи Эрмитажу через площадь Урицкого – и небо было волнующе перламутровым и высоким, без намека на что-то пугающе чужеродное, не идущее городу, как черная фетровая шляпа не пошла бы сегодня к голубому крепдешиновому платью его жены. Жены... Какое странное слово применительно к Кирочке! Подождите-подождите – а он-то ведь – муж, выходит! Кровь бросилась Борису в голову, потому что именно сейчас, на подходе к мосту лейтенанта Шмидта до него вдруг дошел неоспоримый факт, которому в одиннадцать часов утра наступившего воскресенья должно было исполниться ровно двадцать четыре часа: в субботу они действительно расписались в одном из районных Загсов и даже получили на руки кремовую бумажку с гербом. Фиолетовые буквы, торопливо написанные невыспавшейся служащей, подтверждали со всей несомненностью, что они двое, Борис Александров и Кира Зуева, вступили вчера в самый что ни на есть законный брак...

- Зачем эти аэростаты? – прозвучал рядом удивленный и даже словно обиженный Кирочкин голос, и Борис, очнувшись, вздрогнул. – Вот кому,

интересно, пришло в голову в такую чудную, такую теплую ночь... Вернее, уже утро... Затеять какие-то учения по ПВХО? Ну, хоть бы сегодня...

- Они же не знали, что у нас свадьба, дурочка... – Борис осторожно приобнял ее, ощутив под рукой модный плотный подплечник. – Вот если б знали, – тогда, конечно...

- Иди ты! – Кира смущенно высвободилась и – закружилась по гранитным плитам, запрокинув голову, невесомая в своем первом «настоящем» платье и ловких черных туфельках. – Я – жена, я – жена, я – жена! – пропела она, размахивая крошечной, чуть побольше кошелька, сумочкой. – Как здорово! Правда?

- Конечно... – не совсем уверенно отозвался Борис и принужденно улыбнулся.

Бумажка о законном браке лежала в нагрудном кармане его нового пиджака; Кира хотела было положить в сумочку, но он решительно воспротивился – вдруг потеряет – и убрал в более надежное место. Свадебный ужин тоже состоялся, как тому и положено, – на Васильевском, где Кира жила с вдовой матерью-учительницей и двумя младшими сестрами – в комнате узкой и тесной, как тот зеленый троллейбус, что уж пять лет ходит, битком набитый гражданами, от улицы Красной до Краснойже площади... Его-то мама, да и он сам, понятное дело, хотели праздновать в Смольном, в их большой светлой комнате при хозяйственной части, да только не удалось достать необходимое количество пропусков для гостей – а упрямая Кира обязательно желала видеть на свадьбе целый букет из своих писклявых однокурсниц в одинаковых белых сарафанчиках с голубыми пуговицами и резиновых тапочках, заботливо натертых зубным порошком, и тоже – представьте себе – на голубых пуговичках! Они хохотали и ели, ели и хохотали, иногда спохватываясь и вспоминая, что давно не кричали «Горько!», – и тогда старинная пыльная люстра под высоким потолком звенела от их пьяненького, но дружного визга. Редкие баритончики и несмелые молодые баски приятелей Бориса безнадежно тонули в девичьем, будто галочьем гвалте – и все, неутолимо голодные, вновь жадно кидались на невиданную дотоле еду. Это, конечно, мама расстаралась: она работала на раздаче в столовой северного, «секретарского» крыла Смольного, где питались, конечно, не секретарши, а именно секретари: Горкома и Горисполкома – ну, и начальники отделов, само собой. Секретарш – тех гнали в южное крыло для «аппарата», победнее и попроще. Да и не имело это значения, а

важным было то, что даже в глухое, страшное и темное время войны с белофиннами, когда в ленинградских магазинах остались только хлеб и чай, да и за теми нужно было занимать очередь с ночи, в их с мамой уютно натопленной комнате всегда стоял меж оконных рам наваристый мясной суп, лежали свертки с ароматной колбасой, сливочное масло в красивой коричневой бумаге. По воскресеньям мама заставляла юного Борю съесть по два бутерброда с красной или черной икрой – он ненавидел и ту, и другую, но столовая ложка рыбьего жира, которой обычно грозила мать в случаях его «ломания», виделась гораздо более страшной, способной отвратительным послевкусием испоганить весь сияющий радостью выходной день... Но в день свадьбы эти бутерброды, к его удивлению, разлетелись раньше всего остального. «Ребята, имейте совесть, оставьте бутербродик жениху!» – трагически взывала, помнится, какая-то смутная «Людочка» – а он, смеша всех, скривил ужасную рожу и стал отмахивался обеими руками. «Борис, – в тот же миг на плечо ему со строгой лаской легла холодная, как у статуи в Летнем, рука тещи. – Возможно, это и не мое дело, но хочу напомнить вам, что вы – действительно жених. А в старое время жениху и невесте на свадьбе хмельного вообще не давали. В интересах потомства... Ну, вы меня понимаете...». Он покраснел так, что даже жарко стало, и тут же поймал испуганный Кирочкин взгляд: она, наверное, тоже подумала о неизбежном «потомстве» и успела представить себе заспиртованного уродца из Кунсткамеры. Они тогда вместе *это* увидели: просто завернули за угол и натолкнулись – и ему ли не помнить, какой ужас отражался в ее глазах, когда она пулей летела из музейного зала (он – следом) и бормотала на лету: «Это все он, отец его, пьяница проклятый, – откуда еще *такое* могло взяться...».

Борис засопел, дальше пил только сидро – и с каждой минутой ему делалось все больше и больше не по себе, к тому же, гости начали понемногу собираться и, оставляя щедрые белые следы зубного порошка на полу, уходили шумными кампаниями – а парни еще и показывали ему за спиной девушек очень неприличные, но легко читаемые знаки, призывавшие «не робеть» и, уж конечно, «не подкачать». Но не робеть он не мог, и вовсе не был уверен, что не подкачает. Бывая раньше в гостях у сокурсников он, разумеется, как и все они, прикидывался «бывалым», скромно, но убедительно играя роль небрежно-опытного товарища, которому приелись легкие красивые победы. Роль его оказалась нетяжелой – судьба подсобила: в их коммунальной квартире в хозчасти Смольного раньше проживало семейство шофера какой-то

горкомовской «шишки», и старший сын, шалопутный Санька Тараканов, имевший само собой разумеющуюся кличку, учился на врача: «выгучить» детей по-настоящему, чтоб вырвались из обслуги, считалось среди простого, но много видевшего люда делом особой чести. Таракан посчитал своим долгом свысока просветить сосунка-соседа, одолжив ему как-то на ночь один из своих недоступных простым смертным медицинских учебников, снабженных вполне соцреалистическими иллюстрациями, где у хитроумно связанных и взнузданных простынями женщин, приготовленных «к малым гинекологическим операциям без хлороформирования», были педантично прописаны даже ресницы на туповато-спокойных лицах. Прячась от матери, ритмично всхрапывавшей за внушительным шкафом, Борис изучал дивную книгу с помощью не раз выручавшего и раньше фонарика в кромешной тьме одеяловой норы, изредка опасливо высовывая пылавшую голову, чтобы глотнуть свежего воздуха, а утром, вполне теоретически образованным молодым человеком, спокойно и крепко заснул на полчаса, спрятав сокровище под подушку... Было это давно, еще в школе, но плоды принесло изумительные: теперь в его бывалости никто из окружения и не думал сомневаться – ведь Борька умел при случае козырнуть такими ошеломительными подробностями, каких и представить не мог никто из действительно успевших наскоро надкусить еще зеленый запретный плод друзей – студентов Технологического института.

Но вся интрига состояла в том, что теория так пока и оставалась теорией: пусть Борис и убеждал себя день ото дня старательней, что «Байрон тоже был хромым – и ничего», но приблизиться с определенной целью к любой, даже наидоступнейшей девушке – своей ныряющей, словно заранее извиняющейся за несуществующие грехи походкой, – он не смог бы даже под угрозой немедленного расстрела как врага народа. Пусть уж лучше стреляют – только не увидеть еще раз такого же полупрезрительного, полужалостливого взгляда, какой кинула на него несколько лет назад серая мышка (специально выбрал неизбалованную!) Людка Быкова, когда он, кругами проходив вокруг нее месяц, собрался, наконец, с духом пригласить ее на новую звуковую картину «Волга-Волга»...

Ему было пятнадцать, когда в бывшем Таврическом саду, ныне носившем гордое название Парка культуры и отдыха имени Первой пятилетки, торжественно открылся первый в Ленинграде роликовый каток, красиво именовавшийся «скетинг-рингом». Он и теперь, зажмурив глаза, мог в подробностях представить себе те дурацкие плакаты с

толстой стриженной брюнеткой в красной кофте и на роликах, словно лягающей мощной «задней» ногой на колесах крошечную мужскую фигурку в белом... «Скетинг радиофицирован, – сообщала черная надпись у «передней» ноги. – Буфет с прохладительн. напитками». Да, да – и такая смешная деталь навечно приклеилась к доверчивым мозгам: окончание «ыми» то ли не вошло, то ли посчитано было лишним... Обещали еще с каждой афишной тумбы и какие-то «всевозможные танцы и пр.» под руководством роликобежца-виртуоза Кочкурова... «Кроликобежца! – много лет слышал потом во сне Борис незамысловатый каламбур одноклассника. – Бегает, наверно, как кролик!». На бывшей Думе пробило восемь – «скетинг» как раз открывался – и в ту же секунду лихо подкатил новенький, только-только запущенный тогда по проспекту 25 Октября, пахнувший свежим лаком скамеек угловатый зеленый троллейбус с белой крышей и добрыми глазами-фарами. Борька с товарищем сели и поехали – ненадолго, только примериться: назавтра предстояла контрольная по неорганике... В школу он вернулся только через год – с правой ногой короче левой на шесть сантиметров, почти переставшим сгибаться коленом и толстой прокладкой в неестественно измятом ботинке.

...Было несколько не больно, и в первую секунду он опрометчиво решил, что повезло – даже синяка не набил. Ехать на роликах после двух-трех несмелых попыток и мягких приземлений на пятую точку вообще оказались не труднее, чем на обычных коньках с черными ботинками, – а здесь и ботинок не требовалось: продеваешь ногу прямо в резиновом тапочке сквозь два ремешка – поперек стопы и через пятку – и гони себе по кругу, а хочется шика – крутись в обещанных танцах безо всякого руководства... Промчаться с ветерком, приноровившись по-настоящему, он успел только полтора круга, когда огромная тетка, остриженная «в скобку» и одетая точно, как на плакате, в кумачовую рубаху, с воем налетела на него откуда-то сбоку, будто отчаянно гудящий паровоз, смела, как котенка с рельсов, и грузно понеслась по одной ей ведомой траектории... А Борис, от неожиданности почти упавший, присев на левой ноге и неловко выставив пистолетом правую, отчего-то уже бесколёсную ногу, вихрем промчался к ограждению – и с удивительно громким хрустом врубился в него. Он сразу же вознамерился встать, почистить только утром наглаженные мамой и весьма уже испачканные брюки, разыскать упавший конек... И не понял, на что такое острое и твердое, как лыжные палки, натывается, отряхивая брючину, его удивленная ладонь, почему у одноклассника, конопатого

Лёхи, так широко открыт в беззвучном вопле крупнозубый рот, а веснушки словно повисли в воздухе над посеревшими щеками, зачем трясет его за плечи, как жадную яблоню, незнакомая перепуганная девушка в белой с красным крестом косынке, и о чем она его так настойчиво спрашивает...

Боль пришла потом – когда лежал в больнице на вытяжке и сутками вопил не своим голосом, так что добрый старенький профессор с белой бородкой-клинышком даже постоял над ним однажды минутку, посочувствовал: «Ну, что, милый? Лечат тебя по методу Малюты Скуратова? Э-эх, бедняга ты, бедняга», – и ушел. Но появился, как по шучьему веленью, неслыханный морфий, ненадолго ту боль утолявший. Его просто и быстро обеспечил отец просветителя-Таракана – вернее, та еще не расстрелянная тогда строгая горкомовская «шишка», что ездила с ним на заднем сиденье замечательной черной «эмки». Расчувствовалась «шишка» от жалобного рассказа своего водителя, буркнула небрежно пару слов в эбонитовую трубку – и сразу к Борьке прибежала медсестра со стеклянным шприцем – и долго, между прочим, бегала, а не то бы совсем беда... Когда «шишку» расстреляли – и Тараканова-отца с семьей на всякий случай – сестра прибегать перестала, наоборот, глядела непроницаемо. Правда, боль к тому времени стала уже вполне терпимой и без морфия...

В институте Борис догадался с первых же дней принять вид особенный и загадочный. На чей-то наивный вопрос: «Это с рождения у тебя так?» сдержанно покачал головой и помрачнел лицом, оставляя воображению новых товарищей широкий простор для полета. Повезло, что в первые же дни принялись ребята горячо обсуждать в курилке гражданскую войну в Испании, причем каждый отчего-то стремился привести абсолютно несокрушимые оправдания тому позорному факту, что сам в добровольцы не записался. Бориса деликатно не спрашивали – да он и не нарывался – лишь, охваченный мгновенным, какое бывает, должно быть, только у поэтов, озарением, с силой выдохнул через нос едкий дым дешевой «Звезды» и нервным движением смял тонкий окурочок о край урны. «А некоторым... пришлось...» – прерывисто пробормотал, словно себе самому, – и тотчас вышел, никому не кивнув. Он ни на что не рассчитывал и почти не играл – само получилось, даже испугался слегка. Никто его потом ни о чем не расспрашивал, но в самом отношении новых приятелей с тех пор сквозило легкое, будто недоуменное уважение. Может, и правда, *это* – из Испании? И спрашивать нельзя – какое-нибудь секретное задание? Но в остальном парнем он оказался

своим в доску, да еще, вдобавок, охотно подкармливал настоящей колбасой из Смольного тех, кто выглядел уж совсем обтрепанным и откровенно голодным, живя на одну студенческую стипендию. С девушками все годы учебы держался вежливо, но отчужденно, а в сугубо мужских кампаниях прозрачно намекал на страстные связи где-то на таинственной «стороне»...

Очередной Новый год встречали всей группой в полном составе на площади Урицкого. Подумать только – казалось, еще совсем недавно строгая учительница с высокой прической заставляла шестиклашек стройно скандировать в классе вовсе не шуточное двустишие: «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов», – а теперь вот не то что елка, а сама Александровская колонна украшена была не хуже: освещенная несколькими прожекторами, она, должно быть, символизировала советское изобилие, увешанная огромными «шоколадными» бомбами, устрашающих размеров картонными колбасами, сверкавшими бумажным серебром, бутафорскими консервными банками, пустопорожне гремевшими на ветру о гранит, и папиросными коробками «Герцеговина флор» размером с рояль. Борис, привыкший к сытной жизни бывшего института благородных девиц, воспринимал происходящее вполне серьезно и невольно раздражался, слушая опасно шутивших среди ушастой и глазастой толпы одноклассников. Один из них, то снимая, то надевая круглые очки, очень смешно изображал в лицах, как бегал минувшей весной рано утром из магазина в магазин, везде отстаивая очередь и покупая по сто разрешенных к отпуску в одни руки граммов еды, чтобы собрать к Первомаю продуктовую посылку «тетушке в Выдропужск». Корчились от хохота все, включая и самых скромных девушек, стыдливо вытиравших платочками веселые слезы... «Войнаже кончилась! – повторяли они сквозь смех, как по команде. – Теперь всё скоро будет, всё-всё-всё!». Никто и не спорил – молодежь целенаправленно веселилась.

Среди своих по рукам шла уже четвертая бутылка «Плодово-ягодного», когда боковым зрением Борис уловил неподалеку что-то родное. Именно родное – так он определил для себя, еще не повернувшись. Там кто-то *хромал*. Причем, хромал именно так, припадая и скидываясь, как и он сам, да еще и на ту же ногу. Сделав стремительный разворот на здоровой ноге, молодой человек увидел юную растерянную гражданочку в основательно потертой беличьей шубке и полудетском вязаном капоре. Тоненькие ножки, всунутые в несоразмерно объемные боты, тревожно

топали по крошечному пятакчу свободной от ликующих товарищей мостовой; судорожно, как подбитая утица, девушка ныряла на каждом шаге вправо, с усилием выпрямляясь... Борис не помнил, как оказался рядом с ней, знал только, что не чувствует никакой неловкости и униженности, а, наоборот, подлетает к ней кем-то вроде ангела-избавителя – если бы, конечно, таковые не являлись идеологически вредной сказкой:

- Гражданочка, вы, наверное, потеряли что-то?

Ее лицо как раз в ту секунду коротко лизнул прошедший по толпе прожектор, и хромой ухажер на миг увидел очень ясные, как летняя ночь, глаза.

- Это не я, а меня потеряли, – спокойно и доверчиво сообщила она. – Мама и сестренки. И теперь уж не найдут в такой толчее. Придется мне, видно, одной до дома ковылять...

- Не одной! – обрадовался Борис, снова ведомый в те минуты чем-то вроде вдохновения. – Мы вместе поковыляем! Я ведь – тоже – видите? – и он демонстративно прохромал перед ней несколько шагов туда-сюда: вовсе не стыдно показалось, потому что она была – своя, хроменькая...

- Бедненький! – пожалела девушка. – Упали?

- Да, на роликах... Много лет назад, – сознался он. – Глупо, конечно, вышло...

- На роликах – не глупо, – со знанием дела утешила она. – Глупо – это когда, как я: только поняла, что меня потеряли... то есть, я сама потерялась... Так и побежала сквозь толпу, не зная куда, как последняя дурочка... А у меня в эти боты-то – ноги прямо в туфлях вставлены. Тепло, но неудобно – вот и брякнулась! Нога подвернулась, ботик один улетел, еле нашла его – чуть не затоптали... Представляете – я тут ползаю на коленках, чулки новые порвала, боль ужасная – а они кругом прямо из горлышка вино пьют и хохочут... Потом нашла его – а лодыжка так распухла, что еле влезла... Вот и хромаю тут... В другой день давно бы заплакала, да нельзя – Новый год же! Бабушка говорит, как встретишь, так и проведешь. Не хочется весь год рёвой ходить – вот и держусь как умею... А вы говорите – на роликах глупо... Да глупей, чем у меня, не бывает!

- Насчет того, что весь год – это предрассудки, плачьте себе на здоровье, если хочется, – авторитетно изрек Борис, только что одну за другой постигший две непреложные истины: во-первых, эта милая храбрая девочка хромает *не навсегда*, а во-вторых, хромая только временно, она вовсе не гнушается стоять тут с ним, хромым *пожизненно*, – и не только

не гнушается, но даже и не думает смотреть на него страшным взглядом Людки Быковой, а смотрит светло и ярко, как лампочка Ильича...

Отрез голубого крепдешина на платье для Загса подарила Киричке Борина мама, пять лет горевавшая о том, что ее горячая мечта о внуках имеет мало шансов на осуществление. При вести о скорой женитьбе вечного сына – да не на замухрышке какой-нибудь, а на приличной девушке из трудовых интеллигентов, она воспряла духом настолько, что даже сама предложила жениху с невестой располагаться после росписи на Бориной половине комнаты, за книжным шкафом, сколь угодно привольно – а о разрешении на прописку она договорится: как-никак, с восемнадцатого года при Смольном, знакомствами обросла что твой корабль ракушками – вот хоть завтра с маникюршей из родного «северного» переговорит... Кожаные туфли со скрещенными ремешками – купленные еще у нэпмана, но вполне целые и с новыми набойками – пожертвовала молодая Кирина бабушка, а младшие сестры-двойняшки щедро скинулись со стипендии на настоящие фильдеперсовые чулки. Будущая теща несколько ночей подряд, проверив очередную стопку школьных сочинений, не разгибая спины, строчила на столетнем «Зингере» капризный небесного цвета материал, из которого постепенно, как статуя из мраморной глыбы, рождалось дивное платье с рукавами-«фонариками», с легким летящим подолом...

...Со своей свадьбы они ушли последними, через час после отбытия вполне довольной жизнью свекрови, объявившей, что ей завтра к шести утра на работу, – потому что люди «и по воскресеньям тоже жрать хотят». Рабочая смена в «секретарской» столовой Смольного длилась шестнадцать часов, зато работать приходилось через день; работы мать Бориса не боялась, привычная к ней задолго до исторического Октябрьского восстания. Ей было что восемь, что шестнадцать – так и так наламаешься, зато всегда знаешь, что завтра выходной...

- На трамвай, смотрите, не опоздайте, – предупредила она, сосредоточенно приделывая себе перед трюмо ярко-красную шляпку – милую, дамскую – но совершенно лишнюю на ее крупной, ушастой, спокойно обходившейся вообще без шеи голове. – И, как в комнату войдете, не топайте там особо: мне в пять утра вставать, между прочим. Ты, Кира, пропуск-то не потеряла?

Но Кира все норовила остаться ночевать в родном доме, на каком-то историческом сундуке, где проспала всю жизнь – а мужу разложить посередине комнаты допотопную деревянную раскладушку:

- Мама, может, мы завтра в Смольный поедем, а сегодня уж и трамваи, наверное, не ходят... – умоляюще шептала она, прощально повиснув на шею у матери, словно уводимая в полон.

- Ты сама все решила, – сдержанно выдиралась та из отчаянных объятий. – Никто не неволил, что уж теперь-то... – и бросала непонятный, словно исполненный гнева взгляд на мявшего кепку в дверях зятя. – Ну, довольно, довольно... Последний трамвай тебя дожидаться не станет...

Трамвай и не дождался. То есть, если бы они побежали, крича и размахивая руками, как это сделала стайка свежеиспеченных выпускниц, белыми бабочками взлетевших в конечном итоге на заднюю площадку, то усталый седоусый вагоновожатый, словно сошедший с плаката, где с мудрой суровостью обличал беспечного «летуна», похожего на комара с портфелем («Хорошо – летаешь, где то сядешь?»), непременно помедлил бы на остановке, добродушно усмехаясь на «дело молодое». Но юные супруги дружно сделали вид, что до узкого гремящего и звенящего трамвайчика им нет ровно никакого дела – ни молодого, ни старого.

- Да-а, действительно не успели... – с деланым огорчением протянул Борис.

Жена его тоже облегченно выдохнула:

- Да, жалко... – и сразу оживленно прибавила: – А ты заметил, что когда едет трамвай, то это всегда как музыка? Ни у автобуса, ни у троллейбуса, ни, тем более, у грузовика такого нет. А трамвай – прямо музыкальная шкатулка на колесах. Тут тебе и звон, тут и деревянные ложки, и...

- Тебе надо было на учительницу не математики, а музыки идти, – улыбнулся «муж», к которому, как только выяснилось, что скоро попасть домой им заказано, вновь вернулась обычная уверенность «бывалого» дипломника из Техноложки. – Если этот красный гроб на колесах тебе музыкальной шкатулкой кажется...

- Как жаль, что ты не слышишь... – печально отозвалась Кира. – Впрочем, я тоже не всегда... Это бывает только когда во мне что-то такое обостряется... Не могу объяснить... Ты ведь не поверишь, если я скажу, что своя музыка есть даже в высшей математике... – (при мысли об этой заковыристой науке, Бориса, дважды пересдававшего ее на третьем курсе, слегка передернуло). – Вот, например, формулы... Тебе никогда не казалось, что они напоминают звезды? В смысле, когда вся черная доска в аудитории бывает исписана уравнениями, то, если

пришуриться, – это, как созвездия на звездном небе: так же притягивают и страшат немножечко...

- ...и примерно так же понятны, – в тон ей протянул Борис и улыбнулся: – Фантазерка ты все-таки у меня... – и добавил бодрости в голос: – Ну что – к Неве? Как раз тут и выйдем к Крузенштерну... – и он начал горячо, с подробностями, рассказывать Кире, как мальчишкой тайком бегал сюда купаться, потому что за памятником – самое глубокое место Невы у берега, так что, ныряя вниз головой, почти не рискуешь свернуть себе шею; а мелкое, наоборот, у Сфинксов – там раньше можно было купаться, даже матери с детьми, бывало, у ступеней плавали, но потом милиция гонять стала – то ли из-за того что утопленники все же были делом нередким, то ли Академия Художеств напротив, иностранцы смотрят – неловко...

Невозмутимый Крузенштерн вырос перед ними на фоне старой притопленной баржи – и на Бориса снова непредсказуемо накатило: - А что?! Сейчас, можно сказать, жарко. Эх, тряхну стариной!.. – и он решительно взялся за пуговицы пиджака, меж тем как в голове пронеслась неожиданная и, определенно, правильная мысль: «Вот она мою ногу и увидит заранее – при самых обычных обстоятельствах – ну, искупаться решил человек... Тогда *потом* не так страшно будет...». Поэтому напрасно новобрачная цеплялась за руки неуклонно раздевавшегося в первую брачную ночь супруга, взывая к нему: «С ума сошел! Не позволю!» – он остервенело-весело сорвал праздничную рубашку, запутался в преждевременно упавших брюках, чуть-чуть попрыгал на здоровой ноге, высвобождая пострадавшую – и, зажмурив глаза, быстро заковылял по траве большим неуклюжим карлой. На краю он, как смог, сильно и отчаянно оттолкнулся – и неловко ухнул топориком в забыто холодную воду великой терпеливой реки. Мощное ледяное течение жестко зацепило его за ребра, ослепило неожиданной темнотой, туго сдавило на миг, будто гигантский змей, останавливая сердце, – и вдруг разжалось и выплонуло на свет и воздух. Вернувшийся слух ухватил пронзительное, словно утиное кряканье: «Бор-ря! Бор-ря! Бор-ря!» – это надрывалась, стоя у самого края с подобранной юбкой, будто готовясь к прыжку, встревоженная Кирочка. Борис подтянулся на руках и уселся на травянистом обрыве:

- Ну что ты всё – «Боря, Боря»? Заладила. Уж и искупаться нельзя. И тебе советую. Очень освежает, между прочим... – страшное прошло, и теперь снова можно было говорить спокойно.

Они медленно дошли до Дворцового моста, обогнули Эрмитаж – надо же, еще и покрасить не успели, а бордовая краска уже слезает! – прошлись вокруг колонны по площади Урицкого. Борис сжал руку жены: - Помнишь?

Она загадочно-счастливо кивнула:

- Да. Там еще под аркой еловый лес сделали. И Волк с Красной Шапочкой ходили под руку – смешно, да? И еще ворона была – та, с сыром, помнишь? А я пригляделась, смотрю – а это не ворона, а ворон, потому что парень. И сыр у него был картонный...

Они вновь повернули к набережной.

- Почему это все люди такие праздничные сегодня? – оглядываясь кругом, спросила Кира. – Все девушки такие нарядные, парни в костюмах... И взрослых почти нет – одни милиционеры – и те какие-то веселые. А вон – слышишь? – поют!

Откуда-то, действительно, вполне стройно грянуло: «Широка страна моя родная, много в ней лесов полей и рек...». Супруги разом обернулись и увидели идущих под руки неровной шеренгой парней и девчонок – к ним на ходу присоединялись другие и подхватывали: «Я другой такой станы не знаю...».

- Где так вольно дышит человек! – хором выкрикнули, поравнявшись с ними, Кира с Борисом и помахали ребятам.

- Вспомнил! – Борис остановился и шлепнул себя по лбу. – Сегодня же у детей – выпускной! Еще девчонки на Васильевском за трамваем бежали! А ты уж, наверное, вообразила, что это в честь нас в городе праздник, да? Ну, признавайся – да? – он со смехом теребил ее. – А это всего лишь детский бал!

Он с таким удовольствием произнес это уничижительное «детей», что уже преднамеренно прибавил снисходительное «детский» вместо лояльного «школьный» – и стало все кругом легко и понятно: к нему это давно и окончательно не относится. Он теперь взрослый женатый человек – ну, прихрамывает немножко, какое это имеет значение! Он зимой защитит диплом и станет инженером, а жена его через год – учителем. Они станут честно трудиться, и вскоре государство выделит им хорошую собственную комнату, так что уже не надо будет прятаться за шкафом от мамы. И у них, конечно, родится здоровый крепкий сынишка, которого он будет водить за руку вдоль Невы, смотреть с ним на корабли, а еще года через три – кудрявая голубоглазая дочурка, и Кира станет повязывать ей на макушку пышный розовый бант...

Они перешли мост лейтенанта Шмидта, одобрительно глядя вперед и вверх на замершие в теплом небе аэростаты: это ведь тоже хорошо, что и в такую мирную ночь идут своим чередом военные ученья, это значит, что те, кто нужно, – не спят и несут свое вечное дежурство, охраняя воскресный покой трудового советского города.

Напротив Академии Художеств стоял с открытой дверью и опущенными стеклами казенный серый автобус – и туда весело запрыгивали один за другим ребята постарше – уже не школьники по виду, а студенты или молодые рабочие.

- Вы откуда и куда? – пританцовывая, крикнула им Кира.

- Из Москвы! – охотно отозвалась румяная девушка в белом беретике, бесшабашно сдвинутом на ухо. – На экскурсии здесь, белые ночи ваши смотрим! Сейчас – на Острова едем! Айда с нами!

- Айда! – преувеличенно бурно согласился Борис, хватая Кирочку за руку.

Несчастливая нога его давно уже отчетливо ныла от долгой ходьбы, в чем он закономерно предпочитал не признаваться, и отрадной показалась мысль протянуть страдалицу под чье-то сиденье и тайком помассировать. Ему это вполне удалось, когда, проезжая вдоль Невы, песню про нее с ходу как-то не вспомнили и запросто переключись на другую, не менее известную реку:

- Красавица народная, – гремела их «музыкальная шкатулка», – Как море, полноводная,/Как Родина, свободная,/Широка, глубока, сильна!.. – а Борис, не участвуя в самодеятельности, старательно растирал место давнего перелома.

На Островах они от шумных москвичей отбились – хотя и там гуляющих было хоть отбавляй. Искоса поглядывая на побледневшее личико жены, Борис вдруг понял, как же она устала за минувшие сутки: вся эта утренняя нервотрепка в Загсе, последующая суета со свадебным угощением, потом испытание бурным ужином, принудительным весельем... И, наконец, эта незапланированная прогулка – а все потому, что деваться молодоженам принципиально некуда, кроме как к матери за шкаф, – вроде бы, и у всех так, а только... Не по-людски как-то, вот что. Не сядешь, не поговоришь, не обнимешь...

- Давай на пляж... – тихо предложил он. – Хоть отдохнем немного, а там и трамваи пойдут... – поколебался и добавил: – До Смольного доберемся – мама уже на работу уйдет, никто не помешает... – все-таки запнулся, – выспаться...

Борис расстелил для Киры пиджак на холодном песке меж двух неизвестных кустов, а когда она осторожно прилегла, подsunул ей под голову свою кепку. Сам пристроился рядом, с локтем под щекой, поколебался – и нерешительно обнял обмякшую девушку:

- Ты подремли, я подежурю.

Она уютно поёрзала и тоже робко обхватила его за бок. Но подежурить Борису не удалось: беспомощно проваливаясь в бархатную бездну, он только успел услышать ее сонный шепот у своего лица:

- Какой счастливый день наступает... Вот стану я бабушкой, и спросят меня внуки... «Какой, бабуля, у тебя был самый счастливый день в жизни?»... А я им и скажу... Скажу: «Двадцать второе июня... Одна тысяча... девятьсот сорок первого года...».

2

Борис назывался теперь двумя безобидными по отдельности и страшными в своей неожиданной связке словами: «кухонный мужик». Как писалась эта странная должность в отделе кадров Смольного, он не запомнил, а неофициально звучала она, как ни крути, – оскорбительно, отдавая чем-то замшелое дореволюционным. Тесно спаянная команда «южной» столовой для «аппарата», по-семейному делившая военные тяготы, в начале ноября сразу приняла, как родного, единственного сына доброй Васильевны, по-прежнему трудившейся в противоположной «северной», заслужив эту привилегию без малого четвертьвековым беспорочным трудом. Ее миновали жестокие чистки тридцать пятого, безжалостно прошерстившие жировавшую обслугу, когда в расход пустили даже официанток, полотеров и уборщиц, обвиненных в том, что «могли слышать контрреволюционные разговоры», – нашлась на них и такая заковыристая статья. А Васильевну не тронули, что, по мнению чуткого местного племени служилого люда, парадоксально доказывало ее незамазанность доношением: недолго торжествовавших сексотов преспокойно расстреляли сразу после тех, на кого они недальновидно доносили.

Все это Борис знал давно, и, в целом, не особо такими подробностями интересовался. Довольно с него было и теплой квадратной комнаты, сытной хорошей еды, ласковой нетребовательной матери – все равно он должен был скоро стать итээрром, уважаемым инженером-конструктором, зажить другими, не приземленными идеалами... Так оно и случилось бы, если б не война.

«Если б не война... Если б не проклятое двадцать второе июня...» – остервенело отдирая специальным ножом толстую склизкую корку, налипшую внутри простоявшего весь день под паром котла, повторял про себя увечный «кухонный мужик» Боря, не взятый из-за хромоты даже в ополчение, куда прямо перед ним записали кривого парня, не приняв во внимание его неподвижный стеклянный глаз. «С одним глазом воевать еще лучше: когда целиться будет – прищуриваться не надо. А ты не то что в атаку побежать – тебя еще на марше самого, вдобавок к полной выкладке, на плечах нести придется», – так объяснил свой поступок пожилой лейтенант, подняв усталые, в частой сеточке красных прожилок глаза от длинного карандашного списка.

Борис, наконец, перевернул освобожденный котел, аккуратно вытряхнул на газету размякшую корку, собираясь нести ее в мусорный ящик.

- Ты чё, спятил? – рядом бесшумно возник пятнадцатилетний Валька, сынок раздатчицы тети Зины, тоже пристроенный мамой на подхват. – Это ж каша пшенная! На молоке! Кипяточком развести да вилкой помять – и все дела!

- Голодный ты, что ли? – удивился Борис.

В дополнение к общим продуктовым карточкам, превратившимся теперь в главные семейные ценности для подавляющего большинства ленинградцев, в Смольном выдали, каждому соответственно рангу, еще и свои, местные карточки на завтрак, обед и ужин. Тот, кто отдал обычные, «голодные», карточки кому-то из родни в городе, лишился за обедом мясного блюда и вынужден был есть пустой гарнир – чаще всего вермишель без подливы или сухую картошку. Но они-то с Валькой сегодня съели по говяжьему биточку и каши с маслом и хлебом от пуза!

А Вальке потом еще и суп почему-то не понравился, и он его красноармейцу из охраны отнес – а тот ему что-то в карман сунул... Да и матери их каждый день домой то мясо, то рыбу, то картошку приносят... А этот... Хотя, ведь расти, наверно, пареньку нужно...

- Тебя как ни корми – все не в коня корм. А в городе люди, говорят, даже кошек съели, – упрекнул он жадного пацаненка.

- Вот и я говорю – съели, – Валька по-свойски подхватил Бориса под руку, отвел чуть в сторонку и незаметно повертел головой туда-сюда. – А мать тут как-то на проспект Володарского к подруге своей ходила – так говорит, они там вообще на улицах мрут, честное слово. Обстрелы – это само собой, а больше от голода... Здесь у нас об этом говорить – сам знаешь. Только шепотом.

- Неужели прямо мрут? – усомнился Борис, «шепот», конечно слышавший не раз, но предпочитавший списывать его на бабьи «страсти». – Я-то сам в городе с осени не бывал – идти не к кому. Друзья все на фронте, жена...

- Да знаю я... – хитро подмигнул ушлый парнишка. – Соломенный ты наш вдовец, жену из армии ждешь... – он было похабно хихикнул, но Борис нахмурился:

- Но-но, ты давай не очень, а то ка-ак...

- Ой, испугал! – в притворном ужасе закрывшись локтем, Валька недалеко отскочил. – Да ты слушай меня, чудило, я дело говорю – как раз и бабе твоей хорошо выйдет. Корку-то – пшеничную там или вермишелевую – не выкидывай. В газете под бушлатом с собой уноси. А дома – по банкам, по банкам ее, родимую...

- Зачем? – опять изумился тугодумный Борис. – Хотя правильно: красноармейцы эти с командиром, что на кухне всегда дежурят, одним армейским пайком живут. Я видел, как ты суп им носил – молодец. Я тоже иногда свой отдаю. А вот если кашу эту им вроде приварка... Ловко придумал, хвалю за сообразительность!

Теперь уже Валька возрился на старшего товарища в полном недоумении – отсутствующие брови полезли вверх:

- Слушай, откуда ты к нам свалился такой правильный – хоть сейчас в ВКП(б)! Какие красноармейцы? Какой приварок? Паёк дают – и хватит с них! Я тебе про что толкую? Я тебе про ба... про жену твою говорю! Вот вернется она с фронта, а ты ей – подарок! Кольцо, скажем, золотое, или, там, серьги какие-нибудь...

- Зачем ей серьги, у нее и дырок-то в ушах нет, – все еще не понимал Борис.

- Да в ушах и не обязательно, главное, чтобы... Всё, понял, – он быстро поднял ладони в ответ на угрожающий жест Бориса. – Ну, горжетку тогда, как у Зойки-официантки. С лапами, глазами и зубами – видал?

- Не темни, говори прямо, – строго глянул «кухонный мужик».

- Прямо так прямо, – покладисто согласился Валька. – Литровая банка кашки такой на толкучке у Кузнечного на золотой перстенок тянет. А не то – на шевиотовый довоенный костюмчик с такими шкарами, что носы ботинок закрывают, – глядишь, и сам приоденешься. Верно говорю: сам туда раз сгонял, но одному страшно – видел, как блатные с бритвами по толпе шныряют. Вдвоем хочу. Один меняет, другой – прикрытые обеспечивает. Нагель не будем, больше одной банки на рыло отсюда все равно незаметно не вынести. Какая смена на выходе добрая и без толку

людей не шмонает – это я давно уже вычислил. А у нас с тобой у обоих – смена будет как раз вечерняя. Если не дрейфишь – так с утречка и прогуляемся. Ну, что – прояснилось?

Шевиотовый костюмчик с чужого плеча Бориса не прельстил – его собственный почти новенький бостоновый без дела пылился в шкафу с дважды памятного дня свадьбы. А вот колечко для Киры... Пусть хоть самое тонюсенькое, пусть хоть как проволочка... На свадьбу-то ведь и чулки шелковые ей сестры, помнится, вскладчину покупали... А он только раз пирожными угостил... Все думал – вот стану инженером, тогда уж... Но теперь она – бравый, наверное, сержант, а он тут незаменимый специалист... по обедам.

...Двадцать второго июня до Смольного они так и не добрались – до позднего утра младенчески проспали под кустами, пригреваемые нежарким еще солнышком, – и, пыльные, помятые, виновато побрели на Васильевский, на ходу вытряхивая из обуви колючий песок. Добравшись до Большого к полудню, увидели небольшую группу людей, что нетерпеливо стояли, обмахиваясь газетами и платками, под уличным репродуктором, испускавшим неблагозвучный треск. «Объявили, что будет передано важное правительственное сообщение, – вот и ждем. Только бы не карточки опять ввели...» – охотно поделился опасениями толстый дядька в очках, вытирая смешной пионерской панамкой обильный пот со свекольно-красного лица – и в этот момент громкоговоритель последний раз прочистил железное горло и торжественно разродился знакомым голосом Молотова:

- Граждане и гражданки...

В два часа дня они сидели рядышком на Кирином высоком обшарпанном сундуке, всю жизнь прослужившем ей скромной девичьей постелью, – матрас вчера еще был туго свернут тещей, и теперь, как наказанный, стоял в углу пустой жаркой комнаты, глядевшей в узкий двор на изнуренный серый тополь. Кира держала в руках только что извлеченную именно из прославленного сундука маленькую помятую бумажку с едва различимым машинописным текстом:

- Временное удостоверение Ворошиловского стрелка, – вполголоса читала она. – Дано настоящее товарищу Зуевой Ка Эн двадцать первого года рождения в том, что он сдал... сдала нормы Ворошиловского стрелка... ступени первой... двадцать восьмого ноября тридцать девятого года... Первое упражнение... сорок два... очка, второе упражнение... пять попаданий... Выдан значок за номером... сорок

четыре тысячи четыреста тридцать шесть... Подпись... Ох! – она вдруг уронила лицо в удостоверение, как в носовой платок. – Я ведь, когда сдавала, и подумать не могла, что пригодится... Куда теперь с этим – в военкомат, да? Или в институт?

- Ты что, какой военкомат! – испугался Борис, хватая ее за руку. – Думаешь, мы с этим выскочкой Гитлером без девушек не справимся?.. – и жестоко запнулся.

Кира залилась мучительной краской, видимо, тоже оценив это невольное страстное «мы» – и не решившись добить стиснувшего от унижения зубы мужа. Она тихо сползла с сундука, одернула как-то поникшее на ней за сутки голубое платье:

- Не знаю... Я что-то такое странное чувствую... Ты отвернись... Мне переодеться надо.

Заложив руки за спину, он горько смотрел на старый потрепанный тополь, доживающий свой честный век в ленинградском дворе, на грязный пух, облепивший его бурю усталую крону, и безуспешно пытался наскоро обдумать ту бессмысленную нелепицу, что назойливо свершалась кругом – без всякого его участия. Это он должен сейчас в толпе суровых друзей решительным шагом идти в военкомат, где, наверное, стоит уже длинная очередь таких же, как он, крепких и смелых защитников, никогда не ломавших мощные упругие ноги на несерьезных роликовых катках... А не... – он обернулся – не пухленькая, как булочка с сахарной пудрой, девушка в белом холстинковом платье-халатике и сияюще-белых от зубного порошка резиновых туфельках. Ни разу он не заметил на ее тоненьких пальчиках ни одного, даже самого скромненького колечка...

- Вы только не вздумайте все меня отговаривать, – новым, не звонким девичьим, а вполне взрослым голосом волевой женщины сказала она. – Потому что все равно ничего у вас не получится.

В следующий – и последний – раз он видел Киру у Смольного в конце августа, когда она соскочила к нему с откинутаго борта грузовика, ненадолго вырвавшись из казармы перед отправкой в часть. Уже вплотную подступила к Ленинграду осень – и вместе с ней неудержимо приближался враг. Молодая жена его выглядела похудевшей, будто ее грубо обстругали, и новенькая х/б гимнастерка, выданная еще в самом начале двухмесячных курсов, с которых гордые Ворошиловские стрелки выходили неопытными младшими сержантами-снайперами, нищенски висела на ней, перетянутая жестким армейским ремнем, – но в петлицах

скромно багровело по маленькому треугольнику. Все это выглядело бутафорски-неубедительно, словно перед ним стояла девчонка-старшеклассница, вздумавшая сыграть в школьном театре красноармейца, – не хватало, пожалуй, только гуталином наведенных усов... Поверить в то, что она едет воевать по-настоящему, было невозможно по определению – или просто это само сердце отвергало такую возможность?

- Мы с тобой здесь сейчас простимся – ты на вокзал вечером не приходи. Меня мама придет провожать и девочки. Они эвакуируются завтра со своим институтом, а маму школа не отпустила... – Кира на секунду схватилась за голову: – Слез будет! Представляешь, мама до сих пор отговаривает, будто сейчас что-то от меня еще зависит... И на тебя, между прочим, злится – якобы, должен был мне запретить, муж все-таки... Ты вот что – пригляди тут за ней немножко, мало ли что... Вдруг...

- Мы Ленинград не отдадим, – на сей раз нарочно напирая на это злосчастное «мы», отрезал Борис. – Тут тебе за нее волноваться нечего... А вообще – да, пригляжу, конечно, о чем разговор... – он помолчал. – Ты там это... не очень... Ты береги себя, слышишь? Я ведь ждать буду. И еще, сказать хотел... Раньше не получалось как-то, а теперь... В общем, я это... Люблю я тебя, понимаешь... По-настоящему.

- Да, и я. Я тоже – по-настоящему, – просто ответила она. Грузовик за ее спиной хрипло и настойчиво прогудел.

- Идти мне надо, – Кира обхватила Бориса руками за голову, притянула к себе, и он почувствовал этот последний поцелуй, как первый, словно все те, из прежней жизни, были несерьезными, не дававшим им никаких прав ни друг на друга, ни на любовь...

Борис, разумеется, знал – и от матери, регулярно навещавшей с контрабандными гостинцами школьную подругу где-то на Охте, и от других, не запертых в Смольном на казарменном положении, а лишь связанных подпиской о неразглашении работников – и про трамваи, похороненные в сугробах до весны, и про вечно тлеющие руины некогда густозаселенных домов, и про закутанных во что попало человеческих призраков с отрешенными лицами, равнодушно бредущих по узеньким тропинкам среди снеговых завалов... Он понимал, что пойдет по неузнаваемому, прифронтовому городу, совсем другому – сурово-трагическому, но высокому в своем страдании – и все же был ошеломлен и подавлен, пробираясь вслед за шустрым Валькой, ловко находившим

дорогу среди снегов, слежавшихся в нерастопляемые, казалось, глыбы, и огромных безмолвных развалин. Раньше он видел страдание только в фильмах и спектаклях – всегда сдержанно красивое, окрашенное героизмом допрашиваемых и расстреливаемых белыми революционеров или красноармейцев, непременно сохранявших на экране или сцене благородную бледность лица, огонь сверкающих презрением очей; а если и бежала какая-нибудь черная струйка крови – так обязательно сбоку, воровато, от виска по щеке, или пятном расплывалась по мощному непокоренному плечу. Теперь Борис был поражен уродством страдания, его подлым безобразием; тот самый *величественный* дух города, к которому он привык с рождения, дух официально провозглашенного «музея под открытым небом» – тот дух исчез безвозвратно, замененный другим, смутно ощущавшимся как *великий*.

- Всё, прищандыбали, и погода хорошая по дороге стояла – это я в том смысле, что под обстрел не угодили: так теперь в городе говорят, – обернувшись, доложил Валька, указывая вперед, на узкую улочку, где и правда у ограды высокой, в прошлом желтой церкви – без креста и с наглухо забитыми окнами – бесшумно колебалась черно-серая, как стая городских ворон, толпа.

«Действительно, – прошла отчего-то страшная мысль. – Ни одной вороны по дороге не видели... Ни голубя, ни даже воробушка...».

- Не зевай, – подтолкнул его остро оглядывавшийся Валька. – На старух старорежимных смотри, не на теток. Что стоящее – так это у них только. От народа в революцию по дырам попрятали, теперь вот вытаскивают. Потому что с карточкой иждивенческой и в магазин ходить нечего: сразу помирать ложись... Да шевели давай копытами своими, я пока вокрут погляжу, чтоб ничего такого...

Борис нерешительно побрел вдоль ограды, на каменном основании которой, очищенном от снега, на пожелтелых газетных листах разложены были нехитрые сокровища безвозрастных ленинградок, молча стоявших с иззелена-серыми лицами и глубокими провалами погасших глаз, очерченных зловеще темными кругами. Но одна из них вдруг встрепенулась при виде кого-то знакомого:

- Здравствуйте! И вы тоже здесь? А я – вот видите... Ну, как живете?

- И вам не хворать... Как живу? Да как трамвай четвертого номера... По Голодаю, по Голодаю – и на Волково... – ответил ей сиплый бесполоый голос и, к немалому удивлению, Борис услышал сбоку что-то вроде короткого и слабого всплеска смеха.

До него не сразу дошел нехитрый каламбур: ведь верно же, что четвертый трамвай ходил до войны с острова Голодай через весь город до Волкова кладбища, и тащился так нестерпимо долго, что веселые пассажиры (может, прямо в пути!) сложили про него вполне приличную частушку: «Долго шел четвертый номер, на площадке кто-то помер...».

- По-го-ло-да-ю... – шепотом недоуменно протянул Борис. – Ох ты, Господи! Они еще шутят тут!

Он заковылял быстрее, невнимательно разглядывая все эти почерневшие серебряные ложки, никому не нужные эмалевые рюмочки, нежные отрезки замороженного крепдешина – и вдруг в чьей-то на миг разжавшейся шерстяной варежке что-то блеснуло. Кольцо. Не очень тонкое, гладкое, вовсе без камня. Он знал – обручальное, такие надевали до Октября в церкви жениху и невесте. У его мамы тоже раньше такое было, потому что с покойным мужем, погибшим под революционным поездом еще до рождения первенца, ее соединил навеки в скромной пригородной церквушке красивый седокудрый священник в начале веселого восемнадцатого года. Мать то кольцо от греха унесла в Тогрсин – просто чтоб не заметил никто и с вопросами лишними не пристал.

- Что вы за него хотите? – робко спросил молодой человек высокую, неуловимо надменную старуху с уже прозрачным, как капля воска, лицом.

- Что дадут, – со странным равнодушием ответила женщина.

- Вот, у меня тут... – он торопливо распахнул бушлат, стеснительно показывая голубоватую банку, набитую плотно спрессованной пшениной коркой. – Вроде как каша... Пшениная...

- Хорошо, – и она протянула кольцо, бросив на него последний, исполненный непонятного горя взгляд.

- Не надо! – неожиданно для себя отвел ее руку Борис. – Так берите...

Мне не нужно... Что я – какой-нибудь... – Не глядя, он ткнул в ее сторону банку и, неловко наступив на короткую ногу, отчего его едва не мотнуло лбом об ограду, бросился прочь.

- Юноша! – каким-то образом она сумела догнать его и уже стояла рядом, быстро засовывая ему в рукавицу что-то маленькое и холодное; ее глаза словно прорезались на лице слабым сероватым светом: – Возьмите. Это не в обмен, это я вам просто... дарю. Все равно скоро... соседке достанется. Не хочу... А у вас, наверное, еще будет невеста...

- Я женат... – прошептал Борис и трудно сглотнул.

Между ними, юркий и верткий, как маленький ужик, возник вездесущий Валька, оттесняя его от женщины и радостно бормоча:

- Толкнул? Покажи! С почином тебя! Видишь, как просто? На той неделе опять наладимся. А я тоже не пустой... Хоть костюмчик и не выторговал, но клёши матросские, новые совсем, – смотри... – он взялся было за пуговицу своего ребячьего пальтукана на вате, но в ту же секунду у них под ногами отчетливо дрогнула земля, а в уши врезался парализующий вой сирен, взревевших разом со всех сторон.

Толпа словно покачнулась и сразу начала странно быстро редеть, хотя секунду назад люди еле передвигались. Растерянного Бориса кто-то больно толкнул в ребро: это Валька, успев мгновенно сориентироваться на местности, разворачивал его, глупо торчавшего посреди улицы, лицом в другую сторону – туда, где на стене дома были крупно намалевано неровное слово «Бомбоубежище», и тянулась от него влево жирная черная стрелка.

- Бежим! – успел крикнуть мальчишка – и тут позади них жажнуло. Оглушенный на миг Борис повалился ничком в бурый истоптанный снег – но земля вдруг оказалась ненадежной: она ходуном ходила под ним, будто хотела разверзнуться, сверху сыпалось что-то тяжелое, безболезненно и бесшумно ударяя его по спине, а потом глухую ватную мглу разорвало частыми округлыми ударами, словно небывалая гроза спустилась с небес на землю среди зимы: это снаряды тесно ложились на близкую площадь... Он ни о чем не думал, ничего не боялся, он был не он среди внезапно открывшегося ада, который, как оказалось, все это время спокойно существовал, невидимый, совсем рядом и вот теперь взял – и перешагнул неведомую границу...

Тишина обрушилась так же внезапно, как грохот. Это была относительная тишина – звуки разрывов постепенно удалялись куда-то назад, туда же, откуда пришли, словно откатывалась чудовищная, сокрушительная волна. Борис не трогался с места, охваченный невероятной, никогда не испытанной усталостью – такой, будто всю ночь ворочал упорные камни в грохочущем подземелье, выбрался наверх, упал – и теперь не мог пошевелиться. Каждая клетка мелко дрожала в нем, не было сил глубоко вздохнуть, повернуть голову, опереться на руки...

- Да нет, ничего, тут только двоих убило, – донесся до него, как из шахты, далекий человеческий голос. – А кто под оградой лежал, тех даже не ранило никого. – Голос приблизился и навис: – На проспект их, что ли, оттащить? Пусть полежат там на виду, может, заберут... Да погоди ты, посмотреть надо, вдруг у них карточки с собой. Ну-ка, помоги этого перевернуть...

Жесткие руки впились ему в плечо и бок, затрясли, потянули – Борис встрепенулся и открыл глаза: прямо перед ним скалился длиннозубый скелет в мятой барашковой шапке и круглых очках, отражавших двух крошечных черных человечков на мутном фоне.

- Ты чего, живой, что ли, парень? – вяло удивился скелет. – Ну, извиняй тогда. Ранен? Нет? Контужен, значит. Повезло. А вот малой, похоже, отмучился, – и он медленно указал очками куда-то вправо.

Борис кое-как повернулся всем корпусом, и сначала ему показалось, что он чего-то недопонял: лежал рядом с ним Валька как Валька, с обычным усмешливым прищуром смотрел в белое небо, и небо тоже смотрело ему в глаза, высветляя их и слегка туманя. Второй скелет, точно такой же, как первый, только без очков и в ушанке, слегка поддерживал мальчика под плечи, словно желая помочь ему подняться.

- Ему осколок прям под левую лопатку вошел. Во-от такой. Во-от настолько, – показал он желтыми косточками пальцев и стал неуклюже вставать с бордового снега.

Никто больше не обращал внимания на Бориса, и он так и остался сидеть рядом с постепенно застывающим Валькой, не чувствуя ни холода, ни страха, ни боли в своей неловко подвернутой злосчастной ноге.

Вновь по-соседству загрохотало железом – но негромко и неопасно: это подкатила дребезжащая полуторка, груженная кое-как сваленными бревнами. Открылась водительская дверца, высунулась очередная черная ушанка над острыми, туго обтянутыми скулами:

- Только один? – раздался зычный вопрос. – Ладно. Если б вмерз – ни за что бы не стали выколупывать. Но раз свежий, то возьмем.

Борис, не понимая, наклонил голову.

- Так помогай давай, расселся тут! – крикнули ему.

Из кабины с обеих сторон без спешки вылезли два одинаковых человека в ватных штанах и валенках, так же неторопливо отвалили задний борт грузовика – и почти опомнившийся Борис помог им погрузить в машину легкого, еще гибкого Вальку. Только тогда он заметил, что суковатые бревна в кузове – это вовсе не бревна, а мертвые люди, наваленные друг на друга, как мороженая рыба, горой вытряхнутая из ледника на прилавок. Очень близко он увидел улыбающееся женское лицо в мелких кристалликах снежной крупы, а потом не мог оторвать рук от борта машины, заметив, что Валькины глаза словно подернулись пленкой, превратившись в слепые бельма.

- Братишка? – с неожиданным сочувствием спросил один из мужчин и откровенно прибавил, понизив голос: – Может, есть чего на помин души?

- Есть, – Борис быстро расстегнул Валькин уже ледяной пальтукан и извлек из-за пазухи черный сверток. – Клеши матросские. Хочешь – сам носи, хочешь – выменяй что-нибудь, – кивнул на ужасный груз: – Куда вы их теперь?

- На Ваську, – ответили ему. – У Смоленского там пока складываем. Земля оттаяет – похоронят, говорят... Ну... Бывай.

Смутная мысль вдруг заколотилась, как второе сердце:

- На Ваську? Можно мне тоже?

Мужички равнодушно переглянулись, и один сказал:

- Только в кабине места нет, *с ними* поедешь, если не боишься.

Борис молча кивнул и тяжело закинул большую ногу в открытый кузов.

До войны Кира жила на девятнадцатой линии. А неясная поначалу мысль, теперь все ярче разговарываясь, была проста и невероятна: «А вдруг она вернулась?» – глухо стучало в нем, как безгласные попутчики друг о друга и о деревянные борта.

Выполнить обещание «приглядывать» за остающейся в полном одиночестве тещей, данное Кире в их последнюю скомканную встречу, Борису до сих пор не удавалось. Он смог навестить ее только однажды, еще до своего устройства на работу в Смольный (помнится, кончался октябрь, и умирающий клен за Кириным окном торопливо сбрасывал под хлестким ветром дырявую, как молью поеденную, грязно-желтую листву), – и нельзя сказать, чтобы ему был оказан уж очень теплый прием. Тогда он робко выложил на круглый стол, покрытый хоть и штопаной, но явно ценной старинной скатертью белую банку крабов «Чатка» из тех, что в конце первого военного лета можно было покупать Ленинграде безо всяких ограничений – словно раньше, благодаря очередному странному запрету, они лежали на каком-то таинственном складе и вдруг были разом выброшены в продажу. Мать Бориса запасла их тогда целый ящик, но сын ее даже от запаха всего «рыбного» упорно воротил нос еще с детства, и осенью тайком раздавал банки в подарок тем, кто пока так или иначе не покинул город. Теща, несколько осунувшаяся и потемневшая лицом, сдержанно поблагодарила за гостинец и поставила банку на старинный резной буфет, а разговор все не желал налаживаться. Нет, она тоже не получала письма от Киры... Да, девочки и бабушка здоровы, живут в Омске... Конечно, она сообщит,

если будут известия... Спасибо, ни в чем пока не нуждается...

Несомненно, война скоро кончится, и Кириочка вернется...

Борис заметил, что женщина украдкой бросает взгляды на буфет с красовавшейся банкой, и стал прощаться, усмехаясь про себя: вот сейчас он уйдет, а она сбросит всю свою гнилую интеллигентность, накинется на этих вонючих крабов и, пожалуй, банку зубами прокусит... Он задолго до свадьбы чувствовал, что теща активно не одобряет выбор своей дочери – именно из-за хромоты жениха. Боялась, что злостно придумал ее коварный зять свой оскольчатый перелом со смещением, и на самом деле – колченогий он от рождения, а, стало быть, дети его такими же родятся, если не хуже...

В последних числах ноября он порывался к ней снова, хотел отнести хлеба, что пока ненормированно лежал на столах в южном крыле, – но нарвался на строгий материнский выговор: «Тащить на Васильевский – чай, не ближний свет. Придешь к ней – а она эвакуировалась. Сейчас все они эвакуируются. И куда ты такой после этого денешься?».

Пройти метров восемьсот от Смоленского кладбища до знакомого дома оказалось нелегкой задачей. Прямой путь по линии преградила огромная воронка прямо посреди улицы, огороженная колючей проволокой (не досками: те давно бы унесли на дрова), с нацепленными по всему периметру объявлениями: «Осторожно! Неразорвавшаяся бомба!» – и пришлось искать проходные дворы. Борис помнил их достаточно ясно, ведь именно в них, во всех подряд, они целовались с Кириой весной теми самыми «ненастоящими» поцелуями. Но, уверенно свернув под первую же арку, почувствовал себя как на Марсе – только вот Аэлиты нигде не было. Снега во дворе стояли до окон второго этажа, тошнотворно воняло нечистотами, узкая натопанная тропинка, отвратительно желто-коричневая, вела словно в никуда и, дважды упав по дороге в мерзкий сугроб, Борис еле выбрался обратно к затаившейся под землей бомбе. Не желая более рисковать, он пошел в обход через Малый, мучительно пробирался среди сугробов, падал, кое-как подымался и, наконец, зайдя с другой стороны, полностью измочаленный, выкарабкался на финишную прямую. До него уже дошло со всей несомненностью, что мысль, внезапно посетившая его у груженной трупами полуторки, была такой же безумной, как и всё, происходившее с ним сегодня: ведь если бы Кириа вернулась – разве не побежала бы она сразу к нему? Но вот письмо от нее прийти могло. А что! Она ведь за «кольцом» воюет, написала, наверное, и матери, и мужу, а до него просто не дошло. Бывает ведь?

Сплошь и рядом! Он просто спросит и уйдет. Да, и еще отдаст теще свою

«общегородскую» карточку. Наплевать, что без нее он лишится в Смольном битка на второе – да и не лишится вовсе, там свои люди, всегда подкинут калеке кусочек, голодным не оставят. А домой – в опрятную комнату, где стоит круглый стол, покрытый нарядной клеенкой с гвоздичками, где уютно трещат в «голландке» осиновые полешки, выписные маме еще в конце лета, где в углу, за занавеской, есть старая чудная раковина, куда из медного крана шумно бежит теплая белая вода, – домой мама из своего «северного» тоже приносит поесть, у них и сейчас между рамами грамм двести сыру лежит, и тушеное мясо в кастрюлке... Только бы благополучно добраться – а то вон, опять где-то, кажется, бахает, да и нога разболелась с непривычки.

«Ну, вот и он, кажется...» – день уже незаметно подернулся первыми сумерками, когда Борис в изнеможении прислонился к стене Кирино дома, снял шапку и вытер вспотевшее лицо. Ближнее окно первого этажа было заколочено дырявой фанерой – и что-то невнятно тревожное почудилось в этом. Он тупо пригляделся к фанере: почему в дырку просвечивает не кромешная тьма, а яркая белизна, словно за ней – заснеженная улица, а не комната? Ответ еще не пришел, но сердце уже остановилось: только эта, фасадная стена и уцелела от старого питерского дома. И фанера случайно осталась лишь на нижнем этаже. Все остальное превратилось в невысокую гору грязного мусора, вперемешку с вездесущим снегом, который, казалось, действовал той зимой в Ленинграде заодно с врагом.

И вовек бы ему, быть может, не увидеть больше родного Смольного, не услышать добрых маминых упреков, да и просто не согреться бы уже никогда, если б в армейской полуторке, медленно ехавшей по памятной набережной, где всего полгода назад он с храбростью отчаянья нырнул в ледяную пучину у памятника Крузенштерну (теперь заваленного мешками от пьедестала до макушки), не нашелся добрый, махоркой пропахший пехотный старшина, что углядел из кабины тяжело хромающего парня, что обреченно брел вдоль фасада Горного института. Он, скорей всего, принял его за отвоевавшего свое фронтовика: - Эй, служивый! В ногах правды нет! Хочешь – полезай к бойцам в кузов!

А они уж и руки тянули, невесело балагурия на его счет. Борис от усталости и растущей боли даже не спросил, куда они направляются, но волшебным образом оказалось – на Охту. А там ведь только через мост перебраться как-нибудь... Лишь бы не обстрел...

...В столовую южного крыла он ввалился, ни жив, ни мертв, как сорок лет промывавшийся по пустыне еврей на Обетованную Землю, за полчаса до начала своей смены – легкой, ночной: только тихий огонь в печи поддерживать, чтобы тех несчастных «аппаратовцев», которым до утра неумные «секретари» не дают покоя, могли тут в перерыве чайком напоить с пирожком горяченьким. В кухне еле доковылял до плиты, прислонился к ее теплоте, будто маминому боку, прикрыл глаза, стал было думать, как рассказать о Вальке... И чуть не заснул на месте – а когда потрясли, с трудом приподнял веки. Трясла его тетка Вера с раздачи – не по вине блокады, а по жизни худая, как швабра, – трясла и шипела:

- Рехнулся, что ли – на кухню в уличном, да еще в валенках! Господи, совсем с ума походили! Хорошо, застоловой спать ушел, а то б ты кувыркотом отсюда сегодня же вылетел! – и вдруг осеклась, увидев его тяжелый отрешенный взгляд. – Случилось чего?.. Шапку давай, ватник тоже, уберу от греха... Сейчас халат тебе принесу, посиди тут покуда. Сделав несколько шагов прочь, она обернулась, глянула исподлобья, поджав губы:

- Горе у нас – не слыхал еще? Баба одна из той смены погибла. Увольнительная у ней сегодня была, к родне она в город бегала. Обстрел начался – и первым же снарядом... Прямо тут неподалеку, потому и знаем... Такие вот дела...

Она убежала и почти сразу вернулась с халатом на плече – а в руках принесла две дымящиеся тарелки:

- Кисель тебя, извини, не дождался. Биток вот ешь. Картошка, правда, сухая, подливку сегодня «аппарат» слопал... Зато супа зеленого полторы порции – и яичко тебе я туда порезала. Хлеба вон бери... Да не надо мне твоей карточки, мы и так споем. Сметану эту мамина твоя передала нам из «секретарской» – только сегодня, говорит, из Мельничного доставили. Наворачивай! Оголодал, небось... По бабам, что ли таскался? Шучу, не бойсь. А хоть бы и так – дело-то молодое, не все же в соломенных вдовцах ходить.

- Под обстрел я попал, тетя Вера, – пробормотал Борис с набитым ртом: голод, как-то позабытый в городе от переживаний, теперь просто бурлил в нем, требуя немедленного утоления.

- А-а, – протянула она. – Наверно, под тот же, что и Зинка... Не повезло бедолаге... Сынок у нее тут остался – Валька, вертлявый такой пацаненок, с тобой ведь он в смене? Значит, прибежит сейчас... Круглый сирота теперь – на отца еще в июле похоронка была. Сообщить бы ему о

матери – да как ребенку такое скажешь... – Вера рассеянно глянула на круглые часы, что висели прямо над ними на высокой стене, выложенной стерильным белым кафелем: – На десять минут опаздывает. В другой день так бы ему всыпала... А сегодня... Не знаешь, где носится? Не видал?

Борис медленно положил ложку на стол, справа от пустой тарелки, и кусок хлеба – по левую сторону. Коротко мотнул головой:

- Не знаю, – ответил. – Не видал.

3

Обручальное кольцо, подаренное старушкой, влезало ему только до второго сустава безымянного пальца. Борис изредка доставал его из дальнего угла обширного ящика в письменном столе и каждый раз примерял то на правую, то на левую руку, словно надеясь, что оно чудесным образом выросло и теперь возьмет – и наденется. Но это было Кирино кольцо. Оно ждало ее уже больше двух лет и все никак не могло дожидаться. Как и он до самого начала сорок четвертого не дождался ни собственноручного ее письма, ни хотя бы косвенной, недостоверной вести о ней.

Он уже не был в «южной» столовой презренным «кухонным мужиком», год назад получив неожиданное повышение до помощника повара – и под руководством степенной и правильной поварахи Варвары, гордо носившей, как корону, высоченный белый колпак, со странным азартом постигал премудрости правильного приготовления пищи. С начала года продуктовые ограничения у них почти исчезли – и Варвара вдохновенно изобретала новые, «невоенные» блюда, удивляя оживившийся «аппарат» подзабытыми в блокаду сложными соусами.

Как больной после комы, город понемногу опомнился, начал поднимать голову, неуверенно вдыхал полной грудью и вскоре даже принялся решительно чистить золотые свои перышки. Модно стало среди постоянных жителей-«смолян» посещать активно заработавшие театры – особенно имени Кирова. Впрочем, его предпочитали называть не в честь убиенного первого секретаря обкома («Не к ночи будь помянут», – шутили самые смелые), а по-свойски ласково – Мариинка.

Настал однажды день – не по-февральски солнечный, словно март ненадолго забежал вперед и лукаво заглянул в их широкие окна. Борис ловко, уже привычными движениями, потрошил одну за другой упитанные куриные тушки, только что поступившие из бесперебойно снабжавшего Смольный всю войну подсобного хозяйства в Мельничном

Ручье, и рассеянно слушал рассказ круглоглазой официантки Сонечки, приглашенной вчера одноруким, но бравым капитаном-летчиком в оперу:

- Слушай, ну, цены у них в буфете, доложу я тебе... Представляешь, одно яблочко – пятнадцать рублей, а плитка шоколаду – сто тридцать! А Коля мой мне целых три пирожных купил, каждое – пятьдесят рублей стоит! Сам бутерброд с колбасой съел – за двадцать пять... И конфеты...

- Борис, – перебила ее возбужденный стрекот раздатчица Марья Ивановна, – вас на вахте какая-то девушка спрашивает, военная.

Он впервые за многие годы забыл про свою короткую ногу и почти не сгибающееся колено. Обе ноги несли его по бесконечным коридорам, как равноправные, здоровые, дробный топот их заглушал удары сорвавшегося сердца. Пропуска при нем не оказалось, но на вахте Бориса знали и только кивнули – да и захоти они остановить пролетевшего мимо, как снаряд, повара в заломленном на затылок колпаке, вряд ли бы преуспели. Он выскочил на узкую улочку у служебного входа – и сразу увидел маленькую девушку в грязно-желтом армейском полушубке с сержантскими погонами, что ждала, притоптывая непропорционально большими валенками на веселом солнечном морозе. Она стояла в профиль, и опущенные «уши» форменной шапки не позволяли сразу увидеть лицо.

- Кира!.. – почти крикнул Борис со ступенек, но горло жестко перехватило.

Девушка быстро обернулась, оказавшись абсолютно незнакомой, черноглазой, смугло-румяной красавицей, и без улыбки направилась к нему:

- Вы ведь Борис? Здравствуйте. Я – Лиза. Вы ничего... обо мне не знаете?

Голос еще не вернулся, и он смог только отрешенно покачать головой. Румянец сошел с лица девушки – будто просто потух.

- Значит, не вышли... – прошептала она в сторону, и вдруг стало ясно, что это вовсе не юная девушка, а взрослая, много чего повидавшая женщина.

- Откуда?.. – хрипло вырвалось у Бориса.

Лиза помолчала с полминуты, кидая быстрые взгляды на трясшегося крупной дрожью молодого человека, и наконец, осторожно дотронулась до рукава его белого халата:

- Вы не замерзнете?

А он и не замечал, что стоит на морозе без теплой одежды, даже не понял, о чем она спрашивает, трудным оказалось только перевести дыхание:

- Вы воевали вместе? – спросил уже ровнее.

- Не успели, – криво усмехнулась она, – повоевать. Мы на сержантских курсах познакомились – еще здесь, в Ленинграде. А в эшелоне, когда на фронт везли, сговорились: если со мной что случится – она моих родных найдет, а если с ней... то я. Ну, моих-то родных... – ее руки в огромных брезентовых рукавицах отчетливо задрожали, но она справилась с собой. – Моих родных никто уже не найдет, а ее... На Васильевский я ходила, от дома только одна стена сохранилась... Тогда я – сюда, думала, может, вас разыщу. И точно...

- Да что вы тут мямлите! – вдруг грубо выкрикнул Борис. – Говорите уж сразу! Она погибла?!

Лиза не обиделась – только чуть сдвинула брови:

- Не знаю. До части так и не добрались – эшелон наш почти сразу разбомбили, и мы, кто уцелел, попали в окружение... Впрочем, тогда это немудрено было. Мне осколок угодил – вот сюда... – девушка ткнула рукавицей себе куда-то в бок. – Кира меня перевязывала на какой-то кочке, а кругом грохотало и свистело – это я еще хорошо помню, но уже, знаете... Я словно не там была, а из другого места смотрела... Потом Кира с девчонками – и бойцы еще какие-то к нам прибились – тащили меня на себе через лес по очереди. Дальше – отрывочно... На какой-то проселок выбрались – там грузовик с ранеными чинят. У кабины врачаха молодая плачет, а рядом – весь в бинтах лейтенант с пистолетом.

«Только раненых, – говорит, – возьму, остальные не поместятся. На полном ходу прорываться будем, может, в нас и не попадут. Проскочим – наше счастье, а нет – так ведь все равно хана». Когда поднимали меня в кузов, Кира рядом стояла и пыталась улыбаться сквозь слезы, кажется...

- Проскочили? – потрясенно спросил Борис.

- Как видите, – пожалала плечами Лиза. – Воевала я после госпиталя на Большой земле, так что выяснить что тут, как... Сами понимаете. Да и столько я уже за два года... Кроме Киры... – она на миг зажмурилась. – Здесь я не в отпуске – командировку у командования выбила. Идти пора. Дел еще невпроворот... – она качнулась было в сторону, но остановилась: – Слушайте, а как это – у вас жена «без вести», а вас из Смольного не выгоняют?

- Я не знал... – прошептал он. – И до начальства, наверное, не дошло еще...

- Теперь дойдет, не сомневайтесь, – вздохнула она. – Ну... приятно было позна... То есть... В общем, удачи вам, – она протянула крошечную жесткую руку, которую Борис автоматически пожал.

На кухню он не вернулся – там, наверное, подумали, что к Борису приехала жена, и готовились к большому празднику – а медленно прошел прямо в хозчасть, в свою золотую от неожиданного сегодняшнего солнца комнату. Двигаясь скупно и осторожно, словно боясь резким движением взвихрить в душе неведомую и страшную бурю, Борис сел за письменный стол и машинально достал из ящика кольцо. Ничего не изменилось на столе – все было точно так же, как он оставил утром. Так же сдержанно улыбалась ему Кира со своей единственной фотографии, которая от нее осталась, – зато художественной, с тщательной ретушью – такой, что девушка выглядела гораздо красивее, чем в жизни. Только если раньше Борису казалось, что снимок каким-то образом соединяет его с женой, будто готовый распахнуть дверь в тоннель, устремленный сквозь время и пространство, пусть длинный и узкий, но ведущий к ней, то теперь – он четко это понял! – эта дверь была захлопнута навеки. Но странное дело! Одновременно чувствовалось, что есть где-то и другой путь, более надежный, но который еще предстоит найти... Перед тем, как убрать кольцо, Борис снова примерил его на левый безымянный палец, и, как всегда тугое, оно сначала дошло только до второго суставчика. Но то ли немые его пальцы еще сохранили жир выпотрошенных недавно кур, то ли случайно он подтолкнул кольцо сильнее, чем обычно, – только вдруг, причинив короткую боль, оно быстро проскользнуло через сустав и дальше оказалось совершенно впору.

*4 апреля 2015 г.
Лазарева Суббота
Букино*

НАУМ ВИНАРСКИЙ

Глаза над маской

В операционном зале время для меня остановилось. Когда пришли первые проблески сознания, я увидел смотревшие на меня глаза, взывавшие к жизни. Остальная часть лица скрывалась под маской. В черно-бархатных глазах читался вопрос: «Ну, как?». Я взглядом вцепился в эти глаза. Они оказались единственной ниточкой, ухватившись за которую, приходил в сознание. Затем родилось желание поблагодарить эти добрые, наполненные состраданием глаза. Но пошевелить привязанными к кровати руками не мог. Я стал сжимать и разжимать кисть правой руки. Глаза уловили мой жест и гладкая женская рука, как спасательный круг, брошенный утопающему, оказалась в моей ладони.

Пожимая и отпуская теплую руку, я благодарил за возвращение к жизни, а ощутив мягкое ответное пожатие, окончательно убедился, какое это счастье, когда тебя понимают.

Видно, сознание меня покинуло, потому что, вновь очнувшись, увидел и услышал, что все те же черно-бархатные глаза и не менее приятный голос просили меня просыпаться. Я попробовал что-то сказать, но не смог издать ни единого звука, так как в горле находилась толстая гофрированная трубка аппарата искусственного дыхания. Она давила на небный язычок, не давая ему возможности двигаться.

– Больной, вы будете сами дышать? – взывали глаза и голос.

Я стал часто моргать, давая понять, что согласен, поскольку испытывал боль в горле.

– Нет, вы не дышите, вы засыпаете, – услышал я и отключился.

И так несколько раз тихий приглушенный голос боролся за мое пробуждение, пока самостоятельно не задышал. После этого гофрированную трубку вынули из горла, и я смог говорить.

За окнами спала ночь или глубокий вечер готовился ко сну. В палате тишина и спокойствие, лишь приборы над головами больных сигнальными огоньками, как звездочки на небе, перемигивались, делясь впечатлением о состоянии здоровья своих подопечных.

Стоило зашевелиться, как передо мной появлялись большие черные глаза с длинными ресницами.

В отличие от другого медперсонала, мелькавшего в белоснежных халатах или костюмах, на моей спасительнице прекрасно смотрелся брючный костюмчик темно-бордового цвета. Он еще больше

подчеркивал молодость и стройность хозяйки.

– Вы, наверное, ровесница моей внучке, – сказал я и добавил, – ей двадцать три года.

Мне казалось, что сознание вернулось ко мне полностью. Отсутствие боли в груди объяснял остаточным действием наркоза. Возможно, под его же действием уснул крепким сном.

Проснулся от утренних или дневных лучей солнца.

Дежурный медперсонал сменился. Увидеть при ярком свете хозяйку необыкновенно красивых черно-бархатных глаз в реанимационном отделении больше мне не пришлось.

Но вот однажды, спускаясь с женой по лестнице, чтобы посетить очередную лечебную процедуру, мы повстречались с обладательницей черно-бархатных глаз. Я удивился, когда жена с ней заговорила, как со старой знакомой. Видно, девушка спешила, поэтому поблагодарив ее, мы распрощались.

– Откуда ты знаешь эту сестричку? Она та самая, о которой я тебе говорил. У нее действительно симпатичные черно-бархатные глаза, – поглядывая на супругу, сказал я.

Наверное, в первый раз в жизни я так говорил о женщине, не боясь вызвать ревность у жены.

– Она не медсестра, а твой врач-реаниматолог, Лариса Васильевна, о которой ты прожужжал мне все уши. Я встретила с ней вскоре, как тебя из операционной перевезли в реанимационное отделение. Кстати, тебя так быстро везли на каталке четыре хирурга - гренадера, что я только успела скользнуть рукой по твоей щеке. Она оказалось холодной и воскового цвета. Сердце екнуло, но за каталкой шел анестезиолог, который меня тут же успокоил и сказал, что операция прошла успешно.

Когда врач вышла из реанимационного отделения к родственникам, я кинулась к ней с вопросом: «Доктор, мой муж пришел в себя?».

Ответ скороговоркой полетел на украинском языке.

– Да, нет, доктор, если он говорил, что мы с ним женаты всего двадцать три года, то он еще не в своем уме. У нас на следующий год будет сорокалетие совместной жизни, – устало отвечала я, после шести с половиной часов, ожидания конца операции.

– Та, ні. Він казав, що його онуці двадцять три роки, – медленно растолковала первоначальный ответ врач.

– Если так, то он уже пришел в сознание, – успокоилась я и

побежала в палату, чтобы принести тебе нарезанные киви и апельсины.

Прошло немало дней после операции, я вернулся в родной город, а черно-бархатные глаза не дают мне покоя.

Какая тонкая грань отделяет человека от небытия до счастья жизни, и как важно, чтобы возвращение встречали добрые, внимательные и заботливые глаза.

ЕФИМ ГАММЕР

Член израильских и международных Союзов писателей, журналистов, художников, в середине девяностых годов, согласно социологическому опросу журнала «Алеф», был признан самым популярным израильским писателем в русскоязычной Америке. Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 29 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике

и изобразительному искусству. Среди них – Бунинская, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте, 2010, «Левша» премия имени Н.С. Лескова – 2019, имени М.В. Исаковского «Связь поколений» – 2021, премия имени Марка Твена – 2022, «Бриллиантовый Дюк» – 2018 и 2019, международного конкурса «Поэтический атлас 2021», «Петербург. Возрождение мечты, 2003». Печатается в журналах России, США, Израйля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины «Литературный Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Наша улица» «Новый журнал», «Встречи», «Слово\Word», «Новый свет», «Наша улица», «Новый берег», «Эмигрантская лира».

КВАНТОВЫЙ ГИПНОЗ МЫСЛИ

Повесть альтернативной реальности
(Печатается с сокращением)

АЛЬТЕРНЕТ

После смертного приговора революционно настроенный заключенный погрузился с головой, пока она на плечах, в теорию квантовой физики. Из подотдела квантовой механики уяснил, что по диктуемому им закону для каждого выбора в жизни существует ещё тысяча разных выборов, которые могли бы сделать в иной реальности.

– Вот не повезло с судьями, – с горечью подумал приговорённый к смерти человек, – попали в нашу реальность.

И тут он услышал голос:

– Переметнись сам в иную реальность.

– А что? Почему бы не переметнуться, раз квантовая механика позволят?

– вновь подумал ради успокоения, и очнулся. Где? Не у подножия эшафота, а за рулем иномарки. Причём, в самый разгар иерусалимской зимы. Посмотрел за окно: мда, 25 декабря, а снега нет ни на один сугроб.

Тут ничего удивительного. Удивительно другое: точное по дате совпадение двух праздников. Христиане справляют Рождество, евреи – Хануку. О чем только не подумаешь при таком совпадении. Впрочем, за мыслью не угонишься, хотя можно и попробовать.

Попробуем? А почему бы и нет? Подключимся к Йосефу и попробуем.

«Мы привыкли к тому, что сюжет развития нашего мира как бы задан свыше, и идёт по написанному сценарию, никуда не сворачивая.

Основанием для подобных мыслей явились пророчества предков, либо наших современников, вроде Ванги. Ей виделось падение башен-близнецов, и сколько бы история ни вихляла после этих видений, башни рухнули, как по предписанию свыше. Но если мы представим, что провидцам даны для лицезрения видеопрогнозы будущего, а не реальные события, тогда всё разом станет на место. В древние времена, да и в дни сеансов ясновидения Ванги, компьютерная техника землян, в отличие от современной, не позволяла изображать на экране чуть ли не реальными зловещие прогнозы на будущее. Поэтому Тот, кто над нами, Тот, кто следит, чтобы мы не разрушили планету, и демонстрирует при помощи провидцев катаклизмы, которые грозят человечеству, если... Вот оно – главное! – представляющее собой всего-навсего коротенькое слово, вводящее нас в условно придаточное предложение. Если...

Ещё в Ветхом завете сказано, что нельзя с безоговорочной точностью предсказывать события, в особенности зловещие, необходимо подчёркивать: это случится, если... В почти неуловимом, как дыхание младенца, «если» намёк на исправление пророчеств. Стоит в настоящем времени тебе, человеку разумному, задуматься о последствиях сегодняшней деятельности, и ты исправишь будущее: этого наказания не последует.

Вдумайтесь в это «если», и представьте, что ждёт наш мир, если... Ведь достаточно, чтобы потепление прибавило всего четыре градуса, чтобы затопило весь мир. Вода в морях и океанах поднимется на 61 метр, и жди новый потоп, если...

Вот и подумайте».

– Если ты подумаешь, то остановишься! Красный свет!

И впрямь, светофор на выезде из Иерусалима, словно по уговору с Мирьям, переключился на красный свет, позабыв о жёлтом – предупредительном. Или не позабыл? Не проще ли прикинуть, что за размышлениями вслух ты на какое-то время отключился от реальности, и вот – на тебе, человек разумный! – оконфузился на глазах у жены. Но лучше так, чем нарываться на штраф.

– Лучше так... лучше так, – врубилось в голову, и опять непроизвольно вырвалось из мыслей не свободу.

– Заговариваешься? – сказала жена. – Говорила тебе. Перестань увлекаться роликами о пришельцах, они тебя...

– Пришельцы? – Йосеф глубоко затянулся сигаретой, и выпростал руку за окно, чтобы стряхнуть пепел.

– Ролики лишат ума, и приведут в психиатричку.

– Брось!

– Это ты брось!

– А-а, – он махнул рукой, и чуть было не задел боковое зеркало присосежившегося почти вплотную «Мерседеса» с тонированными стёклами окон. Оглянулся: кто пожаловал? Олигарх какой? Слишком редко доводилось встречаться на дорогах с таким дорогушим заморским гостем.

«Не иначе, как прокатный, – подумал Йосеф, разглядев на дверце знак фирмы «Хертц». – Живут же люди».

– Опять заговариваешься? – ввернула сзади Мирьям. – Помолчал бы, а то услышат.

– И что?

– Да ну тебя! Я бы с тобой в разведку не пошла, – пошутила Мирьям и внезапно вскрикнула от испуга. – Ой! Господи! Дети!

Йосеф тревожно посмотрел на жену: лицо белое, глаза – расширены, и дрожь в руке, направленной к трогающемуся с места «мерсу».

А оттуда:

– Мама! Мамочка!

– Лиля! Катя! – толчок в плечо. – Гони!

Йосеф и помчал.

Но разве угонишься за «мерсом»? Междугороднее шоссе – лети, как на сверхзвуковом. Сигналь – не сигналь, не остановится. Больно нужно ему, похитителю детей, срок мотать! Рванёт в два раза быстрее, и затеряется в потоке машин. Остаётся идти, как ищейка, по следу до самого его убежища, и уже там поговорить по-мужски, с проверкой зубов на прочность. Впрочем, против лома нет приёма. Глядишь, и пистолет

окажется у вражины: Израиль – у каждого второго личное оружие. Не правильное ли подключить полицию к выяснению отношений? А вот и патрульный форд: дожидается на обочине свиданки с нацеленным на лихачей радаром.

– Мира! Беги за помощью!

Секундная остановка, и вновь на газ. Но на глазах у полиции не разгонишься, соточка – предел. Другое дело, после поворота на Бейт-Шемеш. Тут вроде бы локаторами небо не занавесили. Можно прибавить. Но и «мерс» не лох, тоже прибавляет. Километр, другой. И – на тормоза! Вильнул в сторону, завлѣк на стоянку к разбросанным там и здесь коттеджам. Мотель? Оно и видно, мотель. Этаким причудливый, деревенского типа. Маленькие особнячки с палисадником, коровка в виде живого памятника природе пасѣтся на травке, куры подле неё квохчут. Рай земной по определению кибуцников – не хватает только Адама и Евы. Да и дерево познания добра и зла не помешало бы украшению библейского ландшафта.

Насчѣт добра Йосеф был в настоящий момент не в курсе, а что касается зла...

Хлопнув дверцей, он кинулся за водителем «мерса», и перехватил его у входа в коттедж. Занѣс кулак, развернул лицом к себе. И опешил.

– Папа! – девочки встревожено вцепились ему в пиджак. – Папа, не бей папу!

И впрямь. Как бить, когда столкнулся с самим собой. Один к одному: рост, причѣска, цвет глаз, родинка на виске. Отличие разве что в костюме: куртка вместо пиджака и брюки в полоску.

– Ты – кто?

Девочки:

– Спроси у своего папы.

– Брат? Близнец?

Девочки:

– Спроси у своей мамы.

– А мои дети – мои?

Девочки:

– У своей жены и спроси.

Детям, судя по всему, не в новинку такая путаница. Давятся от смеха, пальчиками балуют – длинный нос показывают.

– Папа дурит папу.

– Главное, чтобы не подрались.

– Мы не подерёмся, – заверил дочек незнакомец. – Объясню, кто есть кто, и он угомонится. Но прежде в дом.

В домашней обстановке, за чашечкой кофе, проще объясняться. Проще или не проще, но Йосефа как-то отпустило, обдувая ароматизированным холодком кондиционера. И он стал улавливать прежде незаметные различия в тембре голосов девочек. Лопочут складно, по-русски, но это и не удивительно: родились в России. Но почему нет в их словах текучести, привносимой в речь ивритом? Будто в школу не ходили. Или? Ходили. Но не в ту школу. Однако... и это совсем дико... даже не хочется думать.

– Не догадался?

Незнакомец щёлкнул пультом, включил телевизор с встроенным интернетом. Прогуглил имя и фамилию гостя.

– Зачем тебе это? – спросил Йосеф.

– Для сравнения, коллега.

– Не понял.

– Всеми свое время.

– И всё же...

На экране появился портрет Йосефа, под ним биографические данные. Родился... учился... работал... репатриировался в Израиль, где совместно с женой сменил имя на еврейский лад, чтобы соответствовать хотя бы в звуковом ряде праотцам. Она из Марии превратилась в Мирьям, он из Иосифа в Йосефа.

– Теперь понял?

– Причём здесь смена имён?

– Притом, что я по-прежнему Иосиф, а жена моя Мария. В этом всё наше различие.

– Ты – это я?

– Я – это ты. А между нами разделительный забор, проще говоря, право выбора. Божье наследие, между прочим.

– Право выбора?

– Именно.

– Выходит?

– Я – это ты, но из параллельного мира. В тот момент, как ты двинул в Израиль, я остался в России, вернее, в параллельном по отношению к тебе миру. Словом, и к той России, из которой ты уехал. Так что я тот, кем в настоящий момент являешься ты, если бы не сменил имя и не уехал в Израиль.

– Как же ты оказался здесь?

– Жена в больнице. На содержании. А детишек взял на променад, чтобы отошли от переживаний. Одна требует братика, а другая сестричку.

– Подожди со своими проблемами. Я спрашивал: как ты оказался здесь?

– Это не сложно. У нас продвинутые технологии. Всего одна флешка, и путешествуй без всякого.

– А таможня?

– Между мирами нет таможни.

– Мне к вам тоже можно?

– Сейчас только глазком. По альтернету. И не только к нам, а ко всем своим единокровным альтернетам. Потом... – немного замялся, но преодолел смущение и сказал: – Посмотрим на твоё поведение. Если без свиха, то научу, как путешествовать по разным мирам. И увидишь себя, ненаглядного: кем сегодня являешься в иной реальности, если бы...

– Условно придаточное?

– Оно самое. Да, впрочем, и вся наша жизнь условная. А на добавку и придаточная к условной реальности.

– Что-то сложно для понимания.

– А понимать и не требуется. Требуется действовать.

– Это как?

– Так! Вот тебе пульт, и нажимай кнопки. Шлёпай по цифиркам, раз, два, три и в дамках. Но на бронированную для меня нулёвку красного цвета не нажимай. Выключишься.

– А ты?

– Пойду девочек укладывать. Умаялись в дороге, пора отдохнуть. Неопределенность – странное чувство: вроде предоставлен сам себе, на столе пульт и жми на кнопки. Но ведь умом не постишь, куда выведёт та или иная кнопка. Легко сказать, когда ты специалист: «нажимай». Это все равно, что предложить броситься в омут.

Эх, где наше не пропало!?

Кнопка податливо ушла в панель, и на телеэкране возникла панорама Дамаска: кривые улочки, базар, железные ворота в подземное сооружение. Что это? Напоминает командный пункт. Чужие лица, чужая речь, чужая военная форма. Дальше – больше. Среди офицеров чужой армии Йосеф различил себя самого, и тоже с погонами на плечах.

«Какого я звания? Ага, майор! Но чего вдруг? А-а... после универа предложили идти по военной стези. Помнится, я тогда отказался. Выходит, не откажись, ходил бы сегодня в советниках у сирийцев и командовал... Да, а чем я команду?».

Йосеф прибавил громкости и услышал собственный приказ: «Пуск!»

Огненные всполохи. Металлическая сигара, оставляя за хвостом шлейф дыма, ушла в небо.

Сквозь помехи послышалось: «Запуск успешно завершён. Ракета легла за заданный курс».

Подумалось: «Заданный... Какой это, заданный? Куда заданный? Не на Израиль ли? Чёрт! Такая альтернатива нужна только моим врагам».

Йосефа передёрнуло. И чтобы избавиться от наваждения он надавил на следующую кнопку.

О, здесь восхитительная немота интима. Поцелуи, объятия, обнажёнка. С кем это он? Не иначе, как с Алёнкой. Эх, Алёнка, Алёнка, родная душа! Вместе учились, вместе собирались обустроить жизнь. Но... когда зашёл разговор об Израиле, пришлось расстаться.

«Родину не выбирают!», – сказала она.

И если бы он пошёл на поводу у Алёнки, то сегодня...

Йосеф задумчиво смотрел на свою первую любовь, испытывая чарующее томление. Казалось бы, захоти и переметнёшься в запредельную нирвану, в мир, полный любви и исполнения желаний. Но вдруг краем глаза приметил на стоянке полицейскую машину.

«Мирьям!» – ахнуло в нём. И инстинктивно, чтобы жена не застала его за просмотром сцен реальной измены с давней соперницей, выключил видик, нажав на кнопку с красной нулёвкой. «Попробуй объясни ей, что это не по-настоящему», – вспыхнуло в мозгу. А когда погасло, он обнаружил себя в незнакомой больнице, в палате рожениц, у кровати своей жены.

Но, нет, её звали не Мирьям. Её звали Мария, как до репатриации в Израиль. Она бережно прижимала к груди руки и, счастливо улыбаясь, говорила не умолкая.

– Оставили на сохранение. До родов. Когда? Ориентировочно вторая половина февраля.

– Мальчик, Мария?

– Мальчик, Иосиф! После двух девочек в самый кайф.

– А как назовём?

– Тут и думать нечего, если мы не в Израиле. Не зря же Андрей Белый написал: «Россия, Россия, Россия – Мессия грядущего дня». Знать бы ещё, когда этот день грядущий наступит.

– По моим интуитивным предсказаниям где-то в ближайшем будущем, когда дата выявит себя в сочетании многочисленных двоек.

– Ну-ну, получается вроде бы как 22. 2. 2022.

– В точку! Притом с мистическим намёком на 12 апостолов.

- Поясни.
- А сложи все эти двойки воедино. И вот тебе ровным счётом 12.
- Похоже, но это доморощенные предположения.
- Лучше всего, конечно, оказаться на месте не в момент появления Мессии. Кто его признает спервоначалу? А где-нибудь в середине года, когда всё уже по понятиям.
- Так что же тебя держит, Иосиф?

С ВОЙНЫ НИКТО НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ МЁРТВЫМ

1

Сознание сместилось, и он ощутил себя на больничной койке. И вспомнил, на днях вырезали ему желчный пузырь и порекомендовали: дальше коридора не выбирать маршрута для прогулок, так сказать, «на свежем воздухе». А дальше и не получается. Ноги самовольно не ходят даже ради «свежего воздуха», их надо подгонять волевым настроем. И соображать на троих – две ноги, одна голова – жизнь полна чудес, полнозвучна и многообразна, примет тебя и без желчного пузыря. Главное, не возбраняется принимать на грудь. Так доктора и пояснили, не дав окончательного разъяснения: что принимать на грудь. Должно быть, перед глазами у них маячила штанга. А у тебя? Понятно и без подсказок: дитя самолётного сервиса, бутылочного вида, украинского розлива, с горделивым названием «Шабо» и тремя коньячными звездочками на горлышке.

Кстати, не пора ли для прогулок подальше выбрать закоулок в коридоре, чтобы под моцион для аппетита и пригубить во спасение души дурманящий напиток недельной больничной выдержки? Мог бы и перед операцией хватануть, но остерёлся: как бы душок изо рта не отразился на хирургической хватке собственного сына. Да-да, сына Миши, на израильский лад Моше, который и привёз из очередной командировки сувенир-флакончик с притягательным зельем. Родись этот парень в доисторические времена, вывел бы снова евреев из египетского плена, а в наши то и дело ездил с гуманитарной помощью на Украину, осуществлял развертывание полевой медчасти в прифронтовой зоне, выводил раненых и увечных из критических ситуаций, когда жизнь и смерть равновесомы, и кто кого перетянет разве что в ангельских письменах прочтёшь. А там сказано: не поспеи Михаил, не архангел, ясное дело, а хирург, со своим скальпелем к разборкам живого и мёртвого, и пиши – пропало.

Пиши – не пиши, но умствовать надоело, хотя это доктору философии еврейского университета в Иерусалиме полезно при подготовке к лекциям и для повышения нержавеющей самообразования.

Выглянул из палаты и коридорной тропой – мимо одного, с палочкой для поддержки равновесия, мимо другого, осторожно кашляющего в кулак и настороженно поглядывающего по сторонам, мимо третьего, вернее, третьей, глубоко упрятанной в больничный халат мышинового цвета. И чтобы зря не привлекать подозрительного внимания коридорных попутчиков умыкнулся в уединенное место, обозначенное для ходячих пациентов двумя нолями, где дверь притвори, задвижкой щёлкни и благоухай себе виноградным ароматом сорокоградусной выдержки.

- Хорошо пошла! – подумал совсем не по-научному. Но что поделаешь? Мысли не прикажешь. А она родом не из Иерусалима, а из города, считай, побратима, если исходить из цифрового кода, выданного с рождения. Когда Санкт-Петербург отмечал 300-летие, Иерусалим вступал в 3000-й год пребывания на земле-матушке, и в знак какой-то мистической близости с российской Венецией украшал тротуары каменными львами, похожими на те, что на причале у Адмиралтейства. Мысли не прикажешь, а уж о творчестве и говорить не приходится. И если вспомнилось о Питере, то почему бы не вспомниться о замысловатых извивах истории и тех новых прочтениях прошлого, которое удастся сделать при помощи мистических представлений о магической силе цифр, заложенных Богом в мироздание? Недаром, в еврейском календаре каждая буква имеет свое числовое значение. И, допустим, год 1984 представлял собой слово Ташмад – уничтожение, при переводе на русский язык. Правда, тогда прокатило, третьей мировой войны не случилось. Однако так или иначе она мерещится на горизонте все последующие годы. Так что... Так, именно, так. Набросаем тезисы лекции и подумаем о том, как её лучше подать в университете, на курсе актуальной истории, посещаемом в основном студентами русскоязычного корня. И так...

2

РУССКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО АЛФАВИТА

Возьмем для примера самые коварные, прозванные тайными агентами хаоса цифры 6 и 8, сложим и результат 14 рассмотрим по-еврейски, но с русским пониманием происходящего в мире. Единица на иврите даёт

букву алеф, для нас – а, четыре – это далед, в переводе на язык родных осин – д. Соединим их и... Что в итоге? То самое о чём постоянно думаем с оторопью, поглощая текущие события. Да-да, в итоге при взаимодействии этих букв вырисовывается во всей своей красе – ад. Вспомним... Именно в 1968 году – обратите внимание на цифры 6 и 8 – при вступлении советских войск в Чехословакию и подавлении «Пражской весны» начался, по представлению западных историков и аналитиков, развал Советского Союза, этот ползучий ад, который малопомалу способен взять в огненное кольцо весь мир и вызвать третью мировую войну, проходящую, как и две первые под эгидой зловещего сочленения цифр, имя которому 68, иначе говоря – ад.

Не верите?

Что ж, глотнём раз-другой для вдохновения из сувенирной бутылочки и начнём мозговать, опираясь на предположении, что 6 и 8 легко преобразуется в 1 и 4, а буквенное значение являет собой ад.

ВЫСТРЕЛ В САРАЕВО

28 июня 1914 года с убийством австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево (Босния) мирная жизнь в Европе закончилась. Разразилась Первая мировая война, в которой приняли участие 38 стран. На фронт было отправлено 74 миллиона человек, из них 10 миллионов домой так и не вернулись – погибли в боях или умерли в госпиталях от ран. А вот автор рокового выстрела Гаврила Принцип, поставивший кровавую точку на мирном развитии земной истории, не был приговорён даже к смертной казни. По сербским законам его посчитали несовершеннолетним и приговорили к 20-летнему заключению, он умер в 1918 году в тюрьме от туберкулеза, на исходе порождённой им Первой мировой войны..

Начало Первой мировой войны: 28 07 1914

$28+07+19+14 = 68$

СОВПАДЕНИЕ ВО СПАСЕНИЕ

По радио прозвучало: «Польша угрожает Германии».

Фельдфебель Курт Мюллер выключил радио, взял винтовку и вышел из казармы во двор. Мишень с пограничного столба не снимали со вчерашнего дня. Так что нервную систему можно было утихомирить за пару минут. Стрельнул раз, стрельнул два, а после третьего выстрела услышал предсмертный вскрик у самой границы.

Вот попал как кур во щи, вернее, промахнулся, а еще правильнее, угодил в какого-то неосторожного пограничника, должно быть немецкого, который, небось, подглядывал за своим командиром.

Теперь пойдут разбирательства, допросы с пристрастием, а то и небо проклонется в клеточку, но...

Тут с шумом распахнулось над головой окно спальни, и жена встревоженным голосом сообщила:

– Война!

– Чего-чего?

– По радио передали – война! Мы атакуем Польшу!

Он с облегчением вздохнул, раз война, то долой всякие судебные разбирательства по поводу случайного убийства, одним погибшим больше, одним меньше – какая разница, на то и война.

И он передернул затвор, чтобы пальнуть на сей раз уже в небо, дабы обустроить себе салют во спасение свободы, а то и жизни.

Начало Второй мировой войны: 01 09 1939

01+09+19+39 = 68 КАК БЫ НЕ НАКЛИКАТЬ...

ЧАЙКИ, КРЫСЫ, ТАРАКАНЫ

1

Это случилось после того, как в Лохленде, международном городе альтернативной реальности его вместе с остальными психами вывели на улицу. Но не одних. С лозунгом на транспаранте: «сумасшедший тоже человек, слово "сумасшедший" читай с большой буквы».

При этом не сказано, как читать последующее за "сумасшедшим" слово "человек". С большой буквы, или так, как врублено в кумач, с маленькой?

Но не поспоришь.

Как требуют, так и читай. А не осилишь текст, тут тебе и выпадет момент истины. Впритирку с вопросом на засыпку.

– Прочитали? – спросил он, пытаясь наладить контакт с привлекательной женщиной.

Лета Бабец поёжилась под напором внезапного дознания, выбитая из глубинного раздумья на тему, какую помаду купить, чтобы оставаться неотразимой? Присмотрелась: перед ней форменный придурок в бушлате и бескозырке, но взгляд – наповал, хоть падай на тротуар.

– А что читать-то?

– То самое! Но с большой буквы. Готова?

– Уже бегу глазами.

- Спринтуй, да побыстрей!
 - Уже на финише..
 - Тогда выкладывай.
 - Чайки, крысы, тараканы.
 - Не по тому адресу бегаешь глазами. Это у меня на ленточке.
 - Так я и читаю по бескозырке. Но домислом не доберу, чтобы это такое обозначало в природе людей.
 - Да людей-то и нет. Вернее, не останется, как жахнут атомным гостинцем. Только чайки, крысы и тараканы. Радиация сей апокалипсис засвидетельствует
 - Я жить хочу.
 - И размножаться?
 - Если позволит природа.
 - Я тоже.
 - Так давай жить на двоих.
 - Кто тебя трахал в прошлый раз?
 - А что? – растерялась Лета Бабец.
 - У меня такое впечатление, что это был я.
 - О, мой милый!
 - Добавь для приварка: «нежный», и будем тесно знакомы до старости лет.
 - Я как раз при обналочке метрических данных буду Лета. Точь-в-точь по созвучию с предложением руки и сердца.
 - А я – небо в свидетели! – Стар.
- Чайки мимо летели, в лапках по золотой рыбке, в клюве по ангельской ноте. И с затуманенной выси лёгкой паутиной соскользнула на плечи влюбленных мелодия с песенным содержанием.

*На воде вода.
Во дворе трава.
Если вам сюда,
Приготовь слова.
Говори – «бонжур».
Говори – «мерси».
И со вкусом жуй,
И ещё проси.*

– А что на добавку? – поинтересовалась Лета, полностью, до самых потайных тонкостей организма, заинтригованная происходящим в живой реальности, похожей на сон.

– Поход!

– Куда!

– К чайкам, крысам, тараканам.

– Зачем?

– Не сечёшь? Проверка на прочность. Надо до ядерного катаклизма увериться, насколько они готовы сменить на посту наше с тобой человечество.

– Мудрое решение.

– Не дураками задумано и подписано.

– А кем, если не секрет?

– Сумасшедшими. Но не простыми.

– С большой буквы?

– Именно.

– И как проверять будем?

– Не твоя забота.

– Но всё же... поделись.

– Чего делиться? Полюбопытствуй.

Стар вынул из кармана рогатку, вложил острый камушек и пульнул по чайкам. Чайки тут же наказали его за посягательство на небо. И отстрелялись помётом.

Стар утёрся, и довольно провозгласил:

– Что и следовало доказать!

– Наделали со страху?

– Наоборот, постояли за себя! Им не только радиация не страшна, но и люди. Доказано и подписано...

– Подкакано, а не подписано. Прошу извинить за поправку.

– Другой бы, – Стар показал кулак, – но где живёт правда, там не ночует ложь.

– Ты уже собрался на ночлег?

– А ты приглашаешь?

– Разве что, теперь тебе крысы понадобятся для проверки на живучесть.

А у меня их на чердаке, за дверью...

– Соблазняешь?

– Больше ведь нечем.

– А тараканы?

– Тараканы по другому адресу.

- Записываю.
- Туда я не ходок по нынешним временам.
- Ядовитые? Кусаются?
- Они не ядовитые. Это мой бывший мужинёк – ядовитый. Год назад я его отпустила, следом за импотенцией, а слюну ядовитую так и не вытерла с его губ. Так и брызжет по сей день.
- Мне слюна его без вреда.
- А у него от переизбытка слюны случится самоотравление.
- Причина?
- Если от меня явишься за оберегаемыми им тараканами, будет лишний раз переживать.
- Чего так?
- Да так! От зависти.
- Чему завидовать-то? Подсоби хоть с намёком.
- В открытку стесняюсь. А вот если метафорически, в стихах и в рифму мужскую и женскую, а?
- Валяй!
- *Он свысока смотрел на член,
Умом пытаюсь осознать
Ту связь недавних перемен,
Когда был раб, а член был князь.*

*Теперь, хотя не стар он внешне,
И немощи не сдался в плен,
Идёт себе сквозь жизнь поспешно,
А член не хочет встать с колен.*

– Не Эс-се-сер! – вполне разумно уточнил выходец из сумасшедшего дома. – Но пусть не кусится. Меня не член его интересует, а тараканы.

2

Крысиная королева Марго Орлиный Хвост страдала от последствий незапланированной беременности.

Крысята ползали вокруг, пищали: «Мама, дай сиську!»

Марго отгоняла их гневным взглядом и строила планы на будущее.

Понятно, в уме. Строить что-то на чердаке, пока рядом за дверью проживает Лета Бабец, ответственная квартиросъемщица и явная, если судить по повадкам, противница крысиного образа жизни, она не имела права.

«Но ничего, – думала с надеждой на успех, – будет и на нашем чердаке праздник, когда – бах-бах, тарарах! – шарахнут по человеческой гордыне атомной провозвестницей новой эпохи – оперенье птичье, зубастость крысиная, всепролазность тараканья». И косилась на загрызанную с голодухи в усмерть книгу с вкусным типографским шрифтом «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЯДЕРНОГО САМОУНИЧТОЖЕНИЯ».

«Мы свой, мы новый мир построим. Кто был никем, тот ВСТАВИТ всем, – сочинялось по наитию, в память о другой книге с безволосым лицом на обложке, перебравшуюся из чулана прямым ей в желудок. – Вот пишут-пишут, не ленятся: человек человеку – друг, товарищ и брат. Но без указания, что за брат? Брат старший? Кто такой, почему не знаю? Брат – меньший? Ну, так и скажи в подстрочку, по имени животного, четвероногого, хвостатого, быстроходящего, когда из муторной норы вылезит для прогулок, чтоб подыскать подальше закоулок. Но нет, стесняются себя уравнивать с братьями меньшими, хотя всему миру талдычат уже какой век подряд, что произошли от обезьяны. Почему бы не добавить, что они и крысиного племени отростки? Да ладно, думают только о себе. Пишут-пишут и думают. Вот вставим мы в Программу строителей коммунизма, что через десять лет, это, почитай, в 1970 году, станут бесплатными поездки на трамвае. А какой крысе это надо? Да и где простой люд найдёт трамвай у себя в колхозе, чтобы поездить на дармовщине следом за сенокосилкой по урожайному полю? Думают-думают, пишут-пишут. А все это с трудом переваривается».

И крыса Марго Орлиный Хвост с болезненным хрипом повернулась на другой бочок, едва сдерживаясь от приступов рвоты.

Чем бы унять себя? Но тревожные мысли о переустройстве общества не покидали сознание и с назойливой дотошностью по прямому кишечному тракту доставали прямо до мозга. Как бы их успешно переварить? Но к слову «успешно» прикипало другое слово «пятилетка», и почему-то в голове крутилось – не пылилась газетная фраза, типа, «пятилетка успешно завершена, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». И следом натекала кипящей струёй первая заповедь из Морального кодекса: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма».

Пишут-пишут. А где она – социалистическая родина и вкупе с ней страны социализма? Кого любить ныне? Э, нет, мы пойдём другим путём. И любить будем, и рожать будем. А что крысятами заполним мир, так это миру не в тягость, а на потребу. Главное правило для нашего мира, сформулированное человеком гласит: «сам погибай, а товарища

выручай». В переводе на язык сегодняшних реалий это значит, что весь мир превратится в аномальную зону, пораженную радиацией, а крысы, которым радиация только на пользу, выживут и размножатся, и при каждом последующем поколении будут увеличиваться в размерах чуть ли не до динозавров. Кстати, по этому поводу и стихи заблаговременно написаны. Дай бог памяти, вернее помоги мне, пока книжка не переварена, дорогой мой желудок. Ага! Вот они!

Пунктирное стечение минут.

Свет из-под свай – в тоску и стужу.

*А жизнь идет. И западает в душу,
что при подсчете каждый третий – Брут.*

Календари все врут.

Перенесли мы прошлое на завтра.

*Еще нам ждать прихода динозавров,
и вызова на первобытный суд.*

3

Чайка летела-летела и на зов стихов прилетела. Золотую рыбку под видом гонорара сбросила в чердачное окно. И услышала под рефрен детских писклявых голосков «Мама, дай сиську!» хруст рыбьих косточек. «Хруп-хруп. Храп-храп».

– Вкусно?

– Давай ещё!

– Больше нет. Не наловила покуда.

– Так слетай за добавкой. Летать – не ходить, ноги не ломать. Маши себе крыльями и пари.

– Проблемы нет. Но почему без «спасибо», а как бы по приказу?

– Закон радиации.

– Кто написал?

– Ньютон!

– Откуда знаешь?

– Из желудка. Пока переваривался, успел разгласить.

– А яблоком тебя не стукнуло ненароком по голове?

– Это ещё почему?

– Потому что именно яблоко подсказало Ньютону свой закон насчёт всемирного тяготения, но отнюдь не радиация. Тогда её и в помине не было.

- Образованная, будто Птица-Счастья! Как тебя, кстати, звать по анкетным данным, на случай криминалистического дознания?
- Ка-ко-го?
- Криминалистического. За незаконный лов и контрабанду золотого речного запаса
- Чайка Выручайка. Но злые умыслы мне не приписывай, иначе голодной останешься.
- А я крыса королевских кровей.
- Марго?
- Точно, Марго Орлиный Хвост. Наслышана?
- Тебя и ишу. Пора соображать на троих, как планету делить будем. случись атомная катастрофа.
- А кто на третьего?
- Тараканы.
- Хм-хм... Пролазы, везде свой нос суют.
- Не суди, и судим не будешь.
- Оно понятно. Тебе тем более, когда небо твой природный удел. И без всякого спора по разделу имущества. Кто на него позарится из сухопутной братии? Сказано ведь: «Рождённый ползать, летать не может». Цитата из «Песни о соколе» Максима Горького, всю ночь переваривалась, но замедленно. Видать, полагала, что пригодится. И не ошиблась.
- Ну и желудок-грамотей! А что там у тебя в желудке про тараканов?
- Про тараканов должно быть сказано в твоём желудке, птица ты моя небесная.
- Не понимаю.
- А что тебе понимать? Твой желудок это дело сам понимает.
- Каким образом?
- Пищеварительным? Стоит тебе встретить таракана, желудок тебе и подскажет.
- Чего?
- Самый благородный поступок в жизни. Изнутри воздействует на клюв, и «ам-ам – вкусно нам».
- Да ты что? Нас ведь всего останется трое на земле. Ты, я да тараканы.
- А без тараканов лучше! Они везде лезут, нос свой суют. Это же прирожденные агенты сыскного ведомства. Не успеешь переварить какую-нибудь цитату из запрещенной для самообразования книги, как окажешься в кутузке. И с тараканами в голове, чтобы туда не закралась какая-нибудь крамольная мысль.

– Так ты считаешь?

– А то! Ты на небе, я на земле. И повелевай миром, плодись и размножайся, как сказал господь.

– Тоже цитата из непереварённых?

– Она на стене написана, чтобы ели её глазами, а не переваривали, сидя на горшке.

– Дай и мне посмотреть?

– Залетай!

Чайка впорхнула на чердак. И стараясь не наступить на голодных крысят, просящих у мамки сиську, направилась к стене с красочной надписью, сделанной помадой. Однако, уже на третьем шаге ощутила, что радушное гостеприимство перерастает в свою противоположность. Какую? Об этом чайка догадалась бы на четвёртом шаге, но вместо догадки её догнала эпитафия в образе и подобии ещё одной цитаты из чревоущательной утробы крысы: «А до смерти четыре шага».

4

Кеш, старший кочегар-отопитель сумасшедшего дома, изгонял тараканов из ядерного реактора. Работа рутинная. Но прибыльная. За каждого пойманного таракана ему платили поштучно, с прибавкой в инвалюте из-за вредного производства.

Куда шли отловленные тараканы, заказчики не докладывали. Но при наличии развитого дедуктивно-аналитического мышления он догадывался. На подсадку к инакомыслящим и вообще вредным для народа членам общества.

Чем же ценны были эти поднадзорные твари, что их нужно было подсаживать в квартиры опасных в словоблудии людей?

Радиоактивностью. Они помаленьку излучали смертоносную энергию, и поражали лучевой болезнью обитателей вредных квартир, на досуге промышляющих слухами о зомбировании сознания, искажённой в телеящике реальности и другими порочными наклонностями.

Что за порочные наклонности – тараканы не знали. Имена сильных мира сего – не держали в памяти. Но кого отравляли, с тем лично знакомились, заползая им под одеяло, или в тапки, когда не в носки и кальсоны.

Их представление о мире хозяев этих обиходных предметов было соответствующее, со знаком минус. Проще говоря, самое подходящее, чтобы поскорее сменить диктат двуногих прямоходящих по струнке

прямого подчинения. И... да-да, назначить себя во главе земного правительства.

По тараканьей логике, что хорошего следует ожидать от человека, если он изобрел пылесос, щётку и веник, чтобы подбирать крошки с пола? А всякие лекарственные препараты? Это на их языке – препараты лекарственные, а для тараканов от них – форменная погибель. Ну, а про дуст и всякие ядохимикаты и говорить не приходится. Потому что от них умираешь прежде, чем раскроешь рот. И что? Жалеть после этого человека? Даже при желании, жалеть не получается. Ведь не тараканы ему, а он сам себе изобрел погибельную радиацию. Скажете, не он изобрёл? Пусть не изобрёл, но открыл. Сути это не меняет. Что открыл, то и закрой – не твоё – не трогай. Ан нет! Захотелось попробовать, вот и добаловался в играх с огнём. Говорят, бабахнет со дня на день, потому и учредили День открытых дверей, дабы сумасшедшие переждали его на свежем воздухе. Авось свежий воздух перевесит по целительным свойствам радиацию. Однако – умы! Пятёрка на экзамене по физике. Эйнштейн посмеялся бы над ними. Но и его уморили. Вернее, не самого человека, а его мозг. Разрезали мозг на тонкие пластины и хранят при минусовой температуре, чтобы не заплесневел, до сего дня – изучают, будто невидаль там какая. А никакой невидали! Видели мы и такие мозги. Не зря же говорят о нас, что водимся в голове. Видели и установили: нет разновидности мозгов, есть разновидности тараканов в этих мозгах. Различают их по скорости передвижения на открытом и закрытом пространстве. На открытом пространстве, это нам известно по тараканьим бегам, они не особенно отличаются. Бегут себе по прямой: кто быстрее, тому золотая коробочка от спичек в значении приза. А кто ловчей, тот мастер передвижения зигзагом в закрытом пространстве. Каком, спросите? В голове, несомненно. Вот такие и схватывает мысль человечью под уздцы и приводят её к победному финишу, знаменуя открытие. Попова – к радио. Эдисона – к фонографу. Эйнштейна – к теории относительности. Оппенгеймера – к атомной бомбе. Каждому по заслугам – воз и маленькая тележка почестей. А тараканам? Вот она неблагодарность людская, себе – всё, а тараканам – пылесос, щётка и веник, чтобы не ползали под ногами, не мешали думать. Но как им думать, если голова пустая, не обжитая тараканами? То-то и оно, звенит как колокол, собирает на вече окрестных тараканов. Набегут, покопошатся в мозгах, и пожалуйте – вот вам телевизор, интернет, видео. А не набегут, оставайтесь с каменным зубилом и высекайте искру кресалом. Стук-стук, трах-трах, ах-х-х...

Кто гостям не рад? Кеш. А почему? Потому что он рад посыльным.

– Доставку таракана заказывали? – обратился к нему молодой человек в камуфляжной форме, когда, не постучав, спустился в кочегарку.

– Свеженький?

– Только-только назначенный. Но в курсе текущих событий, И их секретного содержания. Ксиву смотреть будете?

– Мне приятнее на американских президентов.

– И мне. Так что демонстрируйте. И разбежимся.

– Оплата по перечислению.

– Не доверяете?

– Доверяю, но проверяю через банк.

– Ага. Враг...

– Подслушивает.

– По нынешним временам и подсматривает. У вас тут, часом, скрытая камера давно установлена?

– Да с появления первых образцов. Контингент у нас ненадёжный. Сумасшедшего расплода. Всякое брякнуть могут.

– Нецензурное?

– Хуже. Несусветное!

– Кто?

– Адрес на спичечном коробке.

– Честь имею!

– И я.

Тут Кеш солгал без зазрения совести. Какая к чёрту честь, если он сопроводил посыльного с насквозь радиоактивным тараканом на квартиру недавней жены, чтобы она поскорей заразилась и отбросила коньки.

Но что не сделаешь, когда исподволь понукаем импотенцией и её неразлучной подругой – ревностью?

Крыса Марго Орлиный Хвост, ворочаясь с боку на бок, переваривала малосъедобные строки Чуковского – «Таракан, таракан, Тараканище. Он рычит и кричит, и усами шевелит».

От усов ей стало щекотно в желудке, и она впервые за весь день рассмеялась: «Ой, не могу». Но когда дошла до тараканьих угроз, типа,

«я вас мигом проглочу», призадумалась. «Дели с таким власть на двоих. Предаст в самый неподходящий момент. А какой он, неподходящий? Понятно и без наводки, роды».

Тут крысята и зашевелились в животике, а следом за ними по телепатическому призыву и те, что на дощатом полу.

«Мамка, сиську давай».

А как её дашь, когда молока ни капли? Книжная учёность не идёт впрок для повышения простой крысиной жизнедеятельности, молока не вырабатывает. А рыбе да птичье мясо, пока ещё не прибавили жизнедеятельности организму, не пробили засохшие молочные протоки. Нужно добавить на один зубок, на другой, но где возьмёшь дополнительные калории, когда не до охоты по причине вынужденной малоподвижности? Правда, тут под бочком, за дверью в спальню, есть в натуре мясо. Но человеческое, по прозванию Лета и Стар. Заявились на ночь глядя, и бух в кровать, чтобы не просыхать от страсти до утра. Пальчики им отгрызть – плёвое дело, но кодексом крысиной чести возбраняется. После смерти – да, кусай в охотку, при жизни – нет-нет! Иначе чем они будут указы подписывать об охране окружающей среды и спасении исчезающих видов животного населения? Получается, убережешь человечьи пальчики, принесёшь неоспоримую пользу всему животному миру. Хотя зачем животному миру такая польза? Всё одно, вымрет в ближайшие сроки от радиации, как шарахнет силовая станция в сумасшедшем доме и напаяет всех радиацией до упора. Но это когда ещё будет. А вот капельку радиации не помешало бы и сейчас вкусить. По последнему слову из учебника физики, тому самому, последнему, что переваривается с пользой для самообразования в желудке, основательно доходит до ума, что радиация придаёт сил, позволяет с лёгкостью увеличиваться в размерах и плодиться в рекордные сроки. Но не каждому встречному-поперечному. А избранным. То-то и оно, избранным! Кого же мы избрали? Кстати, не мы, а сама радиация, неотразимая дочурка атомной бомбы. Кого надо, того и избрали. Крысу Марго, избрали!!!

– Не только тебя! А то возгордилась, и ревёшь, как белуга, не даёшь людям спать по соседству, – послышался из-под двери скрипучий, как сама дверь, голосок.

– Кто такой будешь? – крыса близоруко уставилась на незваного гостя. Из желудка донеслась подсказка: Он рычит и кричит, и усами шевелит: «Погодите, не спешите, я вас мигом проглочу! Проглочу, проглочу, не помилую».

- Официально я инкогнито. А неофициально – агент по распространению радиации.
- Какого рожна припёрся к нам?
- К людям, чтобы покопаться в их нижнем белье.
- И что там нашёл? Блох?
- Глупости! Не нашёл, а привнёс.
- От тебя дождёшься!
- Правильнее сказать, привнёс то, что не ждали. Радиацией напитал их трусики и кальсоны.
- Хорошее слово – «напитал». Думаю, придаст силы при переваривании. А ведь ещё не скушано, хотя должно присутствовать в учебнике физики про ядерный реактор.
- Учебников не читал. Я практик, обхожусь без учёных степеней. Вышел из недр...
- Народа?
- Какого народа? Ядерного реактора! Так что – проверено на себе: радиация отнюдь не убийственная штука!
- Когда ты таракан?
- А ты – крыса.
- У меня имя собственное есть, голопуз ты пристеночный.
- Извиняюсь, Марго.
- Плюс Орлиный Хвост.
- Ладно, будет тебе и хвост на добавку. Но сначала давай по делу.
- Выкладывай.
- К тебе, крыса Марго Орлиный Хвост, я пришёл, чтобы потолковать о правильном разделении власти после умиротворения человечества.
- Не умиротворения, дуралей! А если по-книжному, уморению смертельной дозой радиации.
- Поправку принимаю.
- Выкладывай дальше. Или у тебя докладная на журнальном уровне с неаппетитной сноской «продолжение в следующем номере»?
- Мы без продолжений. Мы с предложениями. Власть делится пополам, как сказано было публике после отстранения Хрущева в Советском Союзе. Половина Брежневу, вторая Косыгину.
- По-научному, на паритетных началах. Архивные подшивки газет до сих пор перевариваю. Очень уж противная на вкус эта серая бумага, почти несъедобная.
- Поэтому употреблялась несознательным населением на подтирку...
- Не выражаться тут, в присутствии подрастающего крысиного племени!

Упомянутое племя тут же закопошилось в претензиях к старшему поколению.

«Мамка, сиську хотим».

– Голодные! – сочувственно заметил таракан.

– Не кормленные второй уже день почитай. Пресса им не по зубам. Молоко у меня забастовало, ни капли наружу. Научная и философская литература не способствуют.

– Властью могу поделиться.

– Властью сыт не будешь. В особенности, когда один правитель-повелитель весь из себя радиоактивен и приспособлен на все сто к новой жизни...

– Это обо мне?

– О ком ещё? – крыса Марго Орлиный Хвост печально вздохнула. – А другой правитель-повелитель в любой момент может очокуриться.

– Это о себе?

– О ком ещё? – второй раз вздохнула с прежней печалью крыса Марго Орлиный Хвост.

– Что ж, дело поправимое. Человеков наплатил радиацией. Подпитаю и тебя до кондиции, чтобы – выложить прямой путь к бессмертию.

Крыса Марго Орлиный Хвост откликнулась по-книжному, будто вместе со стихами прикормила и поэтическое вдохновение.

– Ну, питай меня, питай, хоть до крови, хоть до боли. Не в ладу с холодной волей ожидающий нас рай! – и при первой подпитке мигом проглотила доверчивого таракана, блаженно зажмурилась, ощущая, как по телу разбегается спасительная радиация, наполняя молочные железы живительной влагой.

Прежде невыносимо горькое по восприятию «Мамка, сиську давай» теперь зазвучало в ушах целебной музыкой.

– Детки! – только и молвила счастливая крыса и раскрыла объятя.

А за дверью соседи человеческого обличия, потревоженные возбужденным писком мелких грызунов, заворочались спросонья.

– Опять эти крысы спать не дают.

– Не бойсь, Лета, завтра кошку приведу из нашего сумасшедшего дома, и найдём на них управу.

– Скорей бы завтра!

– Не спеши, у нас и сегодня не кончилось. Иди ко мне!

Луна напоследок посмотрела на них в открытое окно и стыдливо укрылась туманным облаком, чтобы лишний раз не убеждаться в том, что мужчины в момент сексуального возбуждения зачастую раздают

совершенно неисполнимые обещания. В данный момент о завтрашнем появлении в этой квартире кошки. Какая кошка? Какое завтра? Завтра и сам благодетель окажется уже в совсем иной реальности, подвластной разве что квантовым законам.

ДИНА ИЗМАЙЛОВА

г. Владивосток

Родилась 01.03.1980. Публиковалась в журналах «Дальний Восток», «Новая литература», «Топос», «Гостиная», «Точка зрения», «Литерра», «Причал» и др. Автор книг: «А из пуза — карапузы» (Владивосток, 2008 г.), «Все, что над землей — небо» (Москва, 2022 г.). Член Союза писателей XXI века.

НАДЮХА

Надежда клыкаста и улыбиستا, облезла и юна. В глазах её - шальная радость беззаботности, зубы чешутся в неприкаянном желании попробовать этот мир на вкус. Она познает действительность языком и зубами, она слюнявит и покусывает каждого, кто попадает в зону её внимания. Таких немало. С тех пор как старшина откопал её среди обломков обрушившегося дома и она в страхе и беспомощной ярости повисла на его рукаве визжащим дрожащим комочком зубастого недоумения, прошло уже немало времени. Прошла целая жизнь, много жизней и несметное количество смертей - четыре раскрошившихся на оскольчатые мгновения месяца непрекращающейся войны. Собака на войне - не роскошь. Не игрушка, не забава. Собака на войне - данность, собака на войне - дар. Собака на войне утешение. Собака на войне - Надюха.

Старшина вытряхнул её из мешка и она залилась отчаянным визгливым лаем на потеху солдатам. Мало кто избежал искушения ткнуть в неё затухающей сигаретой, пнуть её под тощий вертлявый зад облезлым кончиком сапога. Она старательно уворачивалась от каждого, глядя смиренно и озлобленно, пока, наконец, повар с позывным «Старик» не сгреб её к себе большой красновато-черной рукой. «Ну всё, харэ. Поразвлекались и хватит. Теперь жизнь жить будем. Вместе. Не троньте её. Наша». «Да, она ж срёт везде» - попытался возразить кто-то. «Срёт и срёт - усмехнулся Старик - от нас всех вони побольше будет. Не нам на собачье говно пенять».

С тех пор Надюха стала мохнатой душой роты. Она провожала ребят на смерть, облизывая и покусывая каждого напоследок. Они вглядывались в её глаза, привычно виноватящиеся, безоглядно принимающие всякого в его смятении и тоске. Те, кто помоложе, затевали с ней игрища - катались по земле. Собака добродушно потягивала и порывивала, впиваясь зубами в одежду, иной раз, забывшись, в неосторожности прокусывала живую плоть, тут же реагирующую чрезмерно бурно: «Ах ты сука, Надюха, больно же!». И она притихала враз, преданно прижимаясь к человеку, жалостливо поскуливая и нежно касаясь языком его лица. Притихал и человек, пальцами погрузившись в собачью шерсть, наслаждаясь последними минутами покоя. Земля казалась обманчиво нерушимой, небо ловушкой синело над головой, собака мирно посапывала под боком.

«Ах ты сука, Надюха, какая же ты сука, Надюха, безмозглая давалка, шалава всея Руси» - псина проходила через множество рук, воняющих табаком, а потом долго бежала за машиной, начиненной ещё живыми телами. Отстав, возвращалась к дому и долго ждала, неприкаянно слоняясь по окрестностям. Возвращались не все - тех, кто ещё мог шевелиться и стонать, перемещали в помещение, остальных, навсегда безмолвных, складировали под навес. Надюха бродила вокруг двухсотых, недоуменно урча, пытаясь примоститься среди обездвиженных тел, но, испуганная веющим от них смрадом и холодом, удирала к выжившим. Здесь можно было покуролесить, перепрыгивая с кровати на кровать, шаловливо поматывая хвостом, скаля зубы, болтая языком. Шалая и дурная, ласковая и назойливая, теплая и костлявая - она способна была достать любого. Постепенно с раненых спадало оцепенение, серые лица искажались гримасами улыбки или раздражения, комната наполнялась отборными матюками и сальными шуточками - мужики возвращались к жизни. Надюха, как обычно, была проводником. Ежеутренне Старик выходил кормить котов. Собака неслась впереди него, врзалась в толпу невозмутимо-лупоглазых пушистиков. Те с презрительным шипением лениво расползались по сторонам, образуя круг. В центр круга Старик сваливал остатки еды, сверху щедро присыпал консервами. Еды оставалось много, горы еды, рассчитанной на огромное количество людей, более не нуждающихся в пище. Убывали люди, прибывали звери, умножались звери, воцарялись, расслаблялись, упрочнялись на земле звери. Оглушительно верещали птицы в ожидании своей очереди трапезничать, сытая Надюха мостила морду свою на колени Старика, который затягивался травкой, рассеянно

глядя вверх дерев, распушающих листву, торжествующе сияющую на весеннем солнце.

- Дай курнуть - Ванька Дровосек появился бесшумно, застав врасплох.

- Твою мать, ты чего подкрался? - ругнулся повар в ответ, и собака вздрогнула, пугливо взглянув на подошедшего, но тут же приветливо вильнула хвостом и опустила голову, снова погрузившись в блаженную полудрему. Только чуткие уши нервно подрагивали на ветру.

- Я не подкрадывался - Дровосек присел рядом на траву и взял протянутый ему косяк - просто глухой ты, ни черта не слышишь. Как на передок пойдешь?

- Громче. Не слышу.

- Вот-вот. А дроны слышать надо.

- Не, хорошо, что не слышу. Надька вон за меня слышит. Ещё бы не видеть.

- Зачем это всё? Вот что не даёт покоя. Сжѐг сейчас письма детские. Не надо, чтоб они оставались, вдруг не вернемся. Там три мешка было - рисунки, и подписи - «Нашим героям», «Героям нашей страны». Ты чувствуешь себя героем, Старик?

Старик молчал, вглядываясь в усталое прорезанное глубокими морщинами лицо товарища. Ему самому была дарована передышка - по глухоте, по возрасту. Он знал, что ему крупно повезло, он не понимал, за что такая милость. Ванѐк же не вылезал с передка. Старик думал, что все эти пацаны просто жертвы, мученики, изо дня в день восходящие на Голгофу без права на оправдание, без какого-либо шанса вознестись на небеса или заслужить прощение, с единственным правом при любом раскладе быть втоптаным в грязь и боль. Их поманили куском сыра – деньгами, славой, романтическими мечтами о подвигах - они угодили в западню, из которой выбраться теперь можно ценой либо своей, либо чужой жизни. В спину им смотрит дуло автомата любящей родины-матери, в лицо – дуло чужой озверевшей от страха и гнева родительницы, остервенело защищающей своих дитѐнышей. Любое неосторожное движение – вбок, взад, ввысь, вперѐд – оборачивается чернотой бездны под ногами. Выхода нет. В утешение остался лишь дурманящий дым, слегка примиряющий с реальностью, укутывающий в смирительную рубашку безысходности.

Кошки устали есть и развалились на солнце, равнодушно щуря глаза на остатки тушенки. Старик ощутил, как тошнота, подкатила к глотке. В запахе еды он явственно различил смрад гниющего мяса. Снова мелькнуло воспоминание, как там на передке он присаживался на

двухсотого, чтобы вскрыть консервную банку. Там просто не на что присесть больше, а они не ропшут, не шевелятся. Эти двухсотые тихи и безучастны, пустыми глазницами они упираются в землю или небо – небо и земля едины для них навсегда, да и для него уже тоже, наверное. Вначале он ещё выбирал, предпочитал сидеть на тех, чьи лица обращены вниз, но скоро это стало совсем безразлично. Слишком много мертвецов вокруг, намного больше, чем живых, да и у тех немногих, кто ещё двигается на автомате, на почерневших лицах проступает смерть.

- Что старшина говорит? Когда выходим? - крикнул ему в ухо Дровосек, докурив косяк. Голова его приятно кружилась, пространство пульсировало, то расширяясь, то сжимаясь вокруг его черепа, который словно расплавлялся в сиюминутном сытом покое.

- Дня через три, наверно. Есть ещё немного времени.

- Хочу полазить, поискать Инвалида, пока не вышли.

- Искали уже. Нет нигде. Видимо, разметало по земле.

- Всё равно поищу. Хоть по кускам притащить. Хоть частично. Погано, если он вот так бесследно сгинет. Ни денег, ни памяти.

- Надюху возьми. Она чует мины, дроны. Выведет, если что.

- А если нет?

- Нет - значит нет. Зачем об этом думать? Здесь бессмысленно думать.

Иди за Надюхой и всё.

Собака вздохнула и, переместившись поближе к Дровосеку, сунула в его руку мокрый холодный нос. Глаза её, проказливые и покорные, глядели снизу вверх с детской бесхитростной жадностью нравиться каждому, любить любого, кто обратит на неё взор. Она излучала готовность в любой момент подскочить и побежать за тем, кто призовет. Просто свистни, и вот она, слюнявая и зубастая беспородная сучка Надюха мчится со всех ног впереди тебя. А ты тащишься за ней, боясь упустить из вида её реющий поверх земли облезлый хвост. Облезлый хвост, ставший путеводной звездой, единственным ориентиром в этом царстве хаоса и боли.

ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА

Родилась в Харькове в семье преподавателей английского языка. Доктор медицины. В 2001 г. эмигрировала в Германию. Член Врачебной палаты Нижней Саксонии. Изданы четыре сборника стихов: «Ковчег и качели» (2001 г.), «Чужой город» (2002 г.), «Волкополье» (2006 г.), «Разговор со звездой» (2011 г.). Публикации в журналах «Этажи», «Новый журнал», «Новый свет»,

«Лава», «Новый континент», «Веси», «Сетевая словесность», «Дальний Восток», «Дегуста» и др. Стихи включены в международные сборники и альманахи «Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Графит», «Время Выбора», «Артелен», «Звезда Рождества», «Ассоль», «Сто слов», «Редкая птица» и др., регулярно появляются на различных литературных сайтах. Член Харьковского Клуба песенной поэзии им. Ю. Выбора. На стихи Эмилии написано более двухсот песен, вошедших в состав более тридцати песенных дисков, создано множество видеоклипов. Лауреат, дипломант и финалист международных литературных конкурсов «Эмигрантская лира», «Русский Гофман», «ПТИЦА», «Пятая стихия», «Созвездие духа», «Звезда Рождества», «Редкая птица», «Есть только музыка одна», «Человек, судьба, эпоха», «Грани мастерства» и проч.

НЕЛЕЧКА

1
Во время схваток Поле Коскиной казалось, что красная боль в ней встаёт на дыбы, как взбесившаяся лошадь. Но она всё время помнила, что там, внутри этого раскалённого ужаса, находится дитя — наверное, тоже очень страдающее — и, как только немножко отпускало, просила беззвучно: «Давай потерпим! Это же не навсегда так, это скоро закончится. У всех заканчивается — и у нас с тобой тоже закончится. Всё будет хорошо. Давай потерпим немножко». Живот притихал на некоторое время, а потом снова затевал своё мучительное занятие. Когда боль из красной стала чёрной, Полю поволокли на стол. Акушерка Нюра Зиновьевна орала на и без того орущую роженицу, угрожала неумелой дуре ножницами, щипцами и прочими страшными железками,

но это мало помогало делу. Наконец, скорее вопреки, чем благодаря действиям разгневанной повитухи младенец вылетел на свет божий и жалобно хныкнул. А потом замолчали все — и молоденькой мамочке стало вдруг почему-то очень страшно. Нюра глянула на неё как-то странно, искоса, и глухо спросила из-под медицинской маски: «Ты что, пила, курила, наркоту нюхала?» Женщина изумлённо покачала головой: «Нет, никогда в жизни...»

«А муж твой не алкоголик, случайно?»

«Нет, он вообще не пьёт. Ничего и никогда. У него аллергия на алкоголь. Почему такие вопросы?»

«Ну, в общем, так... Ребенка тебе видеть не надо. Больной он. Мы его заберем. А ты через год другого себе родишь. Поняла? А на этого отказ напишешь».

Поля очень тихо сказала: «Покажите мне моего больного ребенка. Прямо сейчас. И никуда не забирайте. Это мой ребенок».

«Не надо это тебе. Молодая, еще десяток родишь. А калеку государство на воспитание возьмет. Слушай, что тебе говорят, не умничай!»

«Покажите мне ребенка! Что с ним? Я хочу его увидеть!»

Акушерка обозлилась: «Ну, что за дура! К ней по-человечески, а она еще выкаблучивает! Я ж тебе добра желаю! Глянешь на урода — потом всю жизнь будет перед глазами стоять!»

«Это моё дело. Покажите ребенка! Немедленно!»

«Ладно! На вот, гляди, кого ты на свет произвела! Но потом не говори, что я тебя не предупреждала!»

Где-то внизу, между Полиных ног звякнули и клацнули инструменты, и внезапно прямо чуть ли не перед её лицом взвился в воздух младенец с зажимом на пуповине. Девочка... Нюра Зиновьевна держала её за одну ножку, вниз головой.

«На, любуйся на сокровище, раз захотела! Но учти, что кормить тебе девку не принесут. Можешь прямо сейчас отказ писать!»

Но родильница уже не слушала. Она смотрела на плоское, сине-красное личико с раскосыми глазками и ротиком, как у обиженной рыбки, из которого торчал толстый язычок. Да. На биофаке про такое рассказывали. И у десятилетней Зины из соседнего подъезда тоже такое лицо было. Неправильно разошлись хромосомы при делении родительских клеток. Алкоголь и иные грехи ни при чём. Так что зря Нюра свои вопросы выстреливала. «Синдром Дауна» — кажется, Поля произнесла это вслух.

Акушерка немедленно отреагировала: «Ну, поняла? Да? Молодец, грамотная! Теперь сама видишь, почему тебе этот ребенок не нужен. А всем скажешь: умер в родах. Всё, я уношу!»

Полина, неожиданно для себя самой, ответила очень громко и жёстко: «Дядя моего мужа — главный прокурор области! Если Вы сию секунду не отдадите мне мою дочь, я гарантирую Вам большие неприятности, вплоть до уголовного дела. Положите девочку рядом со мной и перевяжите пуповину, как положено! Вы меня поняли?»

Даже медицинская маска не могла скрыть, как Нюрина челюсть откинулась вниз, потом вернулась на место. Тётка сразу заговорила елейным тоном: «Женщина, миленькая, я же Вам добра хочу! Что же с большим ребенком всю жизнь маяться-то? Но раз Вы так хотите, то пожалуйста! Вы бы с мужем сначала посоветовались. И с его дядей. И с нашими врачами».

Девочка грудь брала вяло, но всё же немножко молока высасывала и вес, пусть очень медленно, но набирала. Глеб (никакого дяди-прокурора сроду не имевший) прорвался к жене и, упрямо нахмутив лоб, бухнул с порога: «Что с ребёнком? Мне сказали, что ты собираешься от него отказаться! Не хочешь забирать — как хочешь, но я свою дочь никому не отдам!» Полина вытаращилась на супруга: «Ты что, с ума сошёл? Как это — хочу отказаться? Кто тебе такой ерунды наговорил?»

Муж сбавил тон: «Вышла врач, сказала, что у нас родился ребенок с болезнью Дауна, письменный отказ от дочери готов, и ты его сегодня будешь подписывать. А потом и мне на подпись дадут».

Поля медленно произнесла: «Вот что, Глеб... Надо отсюда уходить... А то они и правда у нас Нелечку отнимут... Да, я тебя не спросила... Ты не возражаешь, если мы нашу девочку Нелей назовем? Давай сейчас зови врача, будем воевать! Кстати, я сказала, что у тебя дядя — главный прокурор области. Так оно надёжней!»

Поднялся жуткий шум, прибежали врачи, заведением, главврач... Страшали, предупреждали «серьёзно», потом «категорически», потом строго указывали на ответственность и безответственность. В итоге через несколько часов, после подписания кучи всевозможных нудных бумаг и выслушивания суровых приговоров, выговоров и нотаций, Поля и Глеб уволокли малышку из роддома и привезли домой.

В коридор вышли Глебовы родители: Луиза Лукинична и Андрей Ильич. Они с порога накинулись на сына и невестку: «Вы, ребята, сбрендили, что ли? Зачем вы эту даунку домой притащили? Дебилку хотите растить?»

Зачем такое позорище в доме? Будет тут слюни пускать и мычать, вон, как Зинка из соседнего подъезда! Вам же врачи дело говорили! Надо было оставить в роддоме — и дело с концом!»

Глеб спокойно сказал: «Наша дочь будет жить здесь. Её зовут Неля. Если разговоры об отказе будут продолжаться, мы потребуем размена квартиры. Вопросы есть?» — и не дожидаясь ответа, понёс ребёнка в комнату.

На следующий день пришла участковая врач-педиатр Анна Витольдовна. Молодые мама и папа приготовились к очередной битве, но докторша внимательно осмотрела Нелечку, фундаментально уселась за стол и велела: «Берите тетрадку и записывайте всё, что я скажу. С ребенком надо работать уже сейчас. Чем раньше начнём, тем больше толку будет». Так у семьи Коскиных появился союзник и дельный советчик.

Наставления докторши приносили пользу малышке. Происходили воистину грандиозные события: потянулась к яркой игрушке, удержала в ладошке погремушку, подвигала вялыми ножками... Однажды Глеб, вернувшись с работы, заглянул в комнату, где они жили всем своим маленьким семейством. Пятимесячная дочка лежала на животике в кроватке и вдруг — впервые! — подняла голову с редкими, как у облетающего одуванчика, волосёнками, зафиксировала взгляд на вошедшем и — о, чудо! — растянула губки в улыбке! Счастливый папа подхватил дитя на руки и целовал, целовал в пузико, в слабые ладошки и стопочки — а девочка всё улыбалась...

К году Нелечка научилась садиться, к полутора — становилась на ножки в кроватке. При этом она нараспев тянула долгое «ы-ы-ы...» и, заведя родные лица, начинала махать головой, как жеребёнок.

Поля — выпускница биофака — устроилась на полставки референтом в научный центр с уговором, что она будет работать только до полудня. Глеб как программист договорился с начальством, что будет выполнять задания частично дома, а в основном работать во второй половине дня. Зная о диагнозе Нелечки, руководство охотно шло ребятам навстречу, и девочка всё время находилась под присмотром одного из родителей.

2

Пока в одной комнате робко пританцовывала надежда, две остальные комнаты обживало холодное недовольство. Дедушка и бабушка никогда не заглядывали к внучке и упорно делали вид, что её вообще не существует. Они брезгливо морщились, если случайно сталкивались в коридоре с Нелечкой, сидящей на руках у мамы или папы, с гримасой

отвращения глядели на развешанные в ванной после стирки ползунки и распашонки. Малышку дважды в день ставили под душ. После этого Луиза не могла без содрогания прикоснуться к ванной и долго её мыла, дезинфицировала, снова мыла, как будто там побывал, по меньшей мере, чумной больной. Ребёнок напоминал ей какое-то гадкое земноводное. Однажды дитя случайно задело ладошкой щёку бабушки, проходившей мимо, та вскрикнула от неожиданности и помчалась умываться. Глеб и Поля наблюдали за всеми этими реакциями, но никак не комментировали.

Иногда приходившие старинные друзья Коскиных-старших кивали в сторону комнаты, где находилась девочка, и шёпотом спрашивали: «Ну, что? Ничего нового?» Супруги безнадежно махали руками и тоже почти беззвучно отвечали: «Наши идиоты вокруг этой дебилки такие танцы танцуют, такие хороводы водят, что уму непостижимо! Возьтятся с ней с утра до ночи, книжки вслух читают, песни поют, пластинки ставят! В бассейн её таскают! Они скоро сами дебилами станут! Вот честно! Позорище!» Гости сочувственно вздыхали и понимающе закатывали глаза.

Луизе Лукиничне казалось, что все соседи, все сотрудники непрестанно сплетничают у неё за спиной и обсуждают «позорище»: внучку с болезнью Дауна. Это лишало её сна и покоя, занимало все мысли. Надежда, что девочка долго не проживёт, становилась всё слабее, по мере того как ребёнок потихоньку рос. Когда появлялась Анна Витольдовна с очередным визитом, Луиза подслушивала под дверь: вдруг прозвучит какой-нибудь грозный диагноз или неутешительный прогноз. Но оттуда доносился бодрый голос врача: «Молодец, Нелечка! Ты наша умница! Ты замечательная девочка! Давай потанцуем на ножках! В-о-от! Отлично!»

Андрей Ильич, и прежде нередко являвшийся домой ближе к полуночи, со следами помады на вороте рубашки или длинным блондинистым волосом на пиджаке, теперь вообще вечерами дома не бывал. Начальничек фирмы с неплохим доходом, приличной машинкой и просторной квартиркой старался свою личную жизнь обустроить со всеми удобствами, включавшими утеху любви, чаще всего в обществе молодых секретарш. Требования к пассиям были стандартными: ласковое содержание и выдающиеся формы; окрас предпочтительно светлый; претензии на блага минимальные. Пребывание в «должности» завершалось обычно хорошенькой шубкой, милым колечком и отличной

«служебной рекомендацией» для последующего «трудоустройства». Поиск новой «сотрудницы» обычно завершался быстро и успешно. Луиза Лукинична была очень даже в курсе «милых забав» мужа, но не решалась устраивать ему скандалы, опасаясь, что тот махнёт рукой на супругу, утратившую былую презентабельность, и переселится к какой-нибудь очередной красотке. А герой-любовник, вваливаясь в дом в лёгком подпитии и отличном настроении, вещал жене: «Я должен был немного расслабиться! В доме невозможно находиться! Я не выдерживаю нашу атмосферу!» — и саркастически напирал на букву «э». Луиза опускала глаза и странным образом чувствовала себя виноватой. А ночами мучительно искала выход из положения. Разменять отличную квартиру с высокими потолками, модно обставленной гостиной, просторной кухней, да еще и в центре города — ну, нет! Этого от неё молодые придурки не дождутся! Ребёнок (она даже в мыслях не называла внучку по имени) — вот главная проблема! Как там «вождь всех времён и народов» говорил когда-то? — «Нет человека — нет проблемы!» Но проблема существовала и, похоже, никуда исчезать не собиралась. С этим надо было что-то делать.

А в маленькой комнате находились всё новые поводы для радости: первые шажочки с поддержкой, первые «ладушки», невнятное «м-мы...» при появлении мамы или папы... На прогулках Нелечка, сидя в коляске, улыбалась всем, кого видела: детям, взрослым, собакам на поводках — и приветствовала каждого восторженным «ы-ы-ы-ы!» Редко кто не одаривал её ответной улыбкой! Даже собаки — и те весело взвизгивали и пытались лизнуть девчущку.

Однажды, когда субботний день уже клонился к вечеру, Глеб и Поля гуляли с малышкой в лесопосадке на окраине города. Анна Витольдовна рекомендовала лесной воздух для прогулок, а её предписания выполнялись неукоснительно. Внезапно откуда-то из-под густых кустов раздался слабый писк, скорее, тихий плач. Ребята начали шарить под ветками, раздвинули их и увидели среди травы тощего, грязного щенка, а рядом замурзанного котёнка, тоже очень худого, со свалившейся шерсткой неопределённого цвета. Оба детёныша, видимо, были кем-то выброшены, причём довольно давно, поскольку совершенно обессилели и даже не делали попыток убежать. Они лежали и жаловались тоненько и безнадежно. Глеб завернул бедолаг в свою куртку и велел Поле их нести, а сам повёз коляску с дочкой.

Дома найдёнышей отмыли, просушили, напоили и покормили. Каждый малыш получил свою тёплую подстилку, а сверху еще и импровизированное одеяльце из старых одежек. Новые хозяева разместили их рядом с диваном, на котором сами спали, и всю ночь то и дело подсказывали то дать водички, то напоить молочком изголодавшихся зверёнышей. Наутро пёсик уже смог пошатываясь встать и пройти несколько шагов. Степень его кудлатости и вислоухости позволяли предположить наличие аристократических пуделей в родословной, очень сильно подвергшейся влиянию дворовых простолудинов! Собачье дитя было серебристо-серым, с мордахой, покрытой завитками. Уже проснувшись Нелечка увидела нового жильца и вдруг чётко сказала: «Лу-ла!» И снова повторила нараспев: «Лу-у-ла...» Это было первое слово в её жизни. Она протянула к щенку ручки. Поля взяла пёсика на руки и поднесла ближе к малышке. Та изумлённо взвизгнула и прижала кудлатое создание к себе. Создание лизнуло её в щёку, потом в нос. Оба радостно заверещали. Разбуженный котёнок — пушистый абрикосовый комочек — выпростал сонную мордашку из тряпок и вопросительно мяукнул. Поля недолго думая подхватила и его, и усадила рядом с Нелечкой. И снова последовал восторженный вопль, на этот раз: «Му-у-ма!» Вся эта кутерьма потревожила крепко спавшего Глеба. Он открыл глаза и ошарашенно слушал дочкины кличи: «Лу-ла! Му-ма!» Завтраком малышей кормили в четыре руки, по очереди поднося еду в три голодных открытых рта. Потом всем неожиданно разросшимся семейством решили ехать в ветеринарную клинику, работавшую по выходным. Нелечка восседала в коляске, а котёнок со щенком путешествовали за пазухой у Глеба.

Оба пушистых ребёнка оказались здоровенькими, но изрядно отошавшими и ослабевшими девочками, так что озвученные маленькой хозяйкой имена пришлись кстати. После всех профилактических процедур честная компания отправилась домой. По дороге были куплены лотки и все прочие предметы кошачьего и собачьего быта.

Коскины-старшие по случаю воскресенья совместно просматривали в гостиной телевизор, но, услышав повизгивание и писк, выскочили в коридор. Лула и Мума радостно приветствовали их в два голоса, а Нелечка пела своё радостное «ы-ы-ы». Бабушка и дедушка не отказали себе в удовольствии высказать то, что они думают обо всех без исключения вошедших, и потребовали незамедлительно вышвырнуть «этот мерзкий ужас» на помойку. Ответом была закрытая перед носом дверь в комнату младшего поколения и поворот ключа в замке.

«Мерзкий ужас» быстренько сообразил, что от страшных, злобно лающих тётки и дядьки надо держаться как можно дальше, и зверики в дальнейшем покидали свои «апартаменты» только сидя на руках у молодых хозяев. А те в ответ на все громы и молнии родителей хранили непробиваемое железобетонное молчание.

Луиза Лукинична однажды прискакала домой в отличном настроении. Молодёжь была на прогулке. Андрей Ильич как раз поменял секретаршу, и новенькая ещё не успела приступить к выполнению своих «обязанностей». Поэтому начальник пребывал дома в трезвом состоянии и меланхолическом настроении. Жена тщательно проверила все комнаты, убедилась, что в квартире, кроме их двоих, никого нет, и возбужденно сообщила: «Андрей, я придумала, как нам избавиться от этой маленькой жабы! Вот, гляди, у меня есть две горящих путёвки к морю, в пансионат, с трёхразовым питанием. Присутствие детей там исключается. Предложим нашему идиоту-сыну съездить со своей дурой-женой на курорт, а девочку оставить на наше попечение. Но они должны дать нам разрешение на временное опекунство. Пока эти придурки будут в море плескаться, мы отвезем их сокровище в дом для детей-инвалидов, находящийся за триста километров отсюда, и там оставим, при этом скажем, что родители издеваются над больным ребёнком, не заботятся о нём и всё такое прочее. Я уже всё разузнала у знакомого нотариуса, он подготовил нужные бумаги, так что можно будет это дело очень быстро проверить. А когда маманя и папаня возвратятся в родные края, будет уже поздно. Пусть потом ездят и доказывают, что они обожают свою debilку и носятся с ней, как дурень со ступой! Впрочем, они дурни и есть!»

Коскин задумался, потом протянул: «Ну-у, план, конечно, неплох-о-ой... Но вдруг Глеб и Полина не согласятся подписать документ о временном опекунстве? Без этой бумаги у нас не будет никаких полномочий на отправку Нельки в дом инвалидов».

Луиза азартно возразила: «Слушай, они идиоты, но не до такой же степени, чтобы отказаться от трёхнедельного отдыха на море! Что Полька, что Глеб — оба бледные, замотанные, вечно усталые! А тут появляется такая шикарная возможность позагорать на песочке, поплескаться в волнах! Да поедут они! Как миленькие поедут! И подпишут всё, что требуется, вот увидишь!»

Через пару часов молодое семейство, включая котёнка и щенка, появилось дома и привычно закрылось в своей комнате. Но уже через минуту к ним в дверь постучали. На пороге стояли родители и держали в руках какие-то бумаги. На вопрос Глеба, в чём дело, Луиза затараторила: «Вы, ребята, совсем отстранили нас от забот о внучке! Это нехорошо, дети! Мы ведь бабушка и дедушка! Ребёнок болен, требует особого ухода и внимания, а вы всё берете на себя и совсем уже выбились из сил! Мы ведь не слепые, всё видим! Короче говоря, мы оплачиваем вам трёхнедельное пребывание в пансионате у моря. Питание включено в стоимость путёвки. Проезд в оба конца тоже оплатим. Так что собирайте чемоданы. За девочку не волнуйтесь, будем за ней ухаживать не хуже вас, можете не сомневаться! Вот ваши путёвки, держите! Билеты на самолёт заказаны. Единственное, что от вас требуется — это подписать разрешение на временное опекунство, пока вас не будет. Мало ли что... Например, заболит ребенок или еще какие-то проблемы возникнут. Поэтому нам нужны хотя бы минимальные официальные полномочия. Документ я тоже подготовила. Видите, вы всё нас ругаете — и зря! Мы же вам не враги! Всё сделано. Всё предусмотрено. Ставьте вот здесь подпись, забирайте путёвки — и вперед!» Андрей Ильич стоял за спиной жены и время от времени с доброй отеческой улыбкой поддакивал и согласно кивал.

Молодые переглянулись, потом взяли в руки разрешение на опекунство и стали внимательно читать. Завершив ознакомление с документом, они снова молча обменялись взглядами. Глеб одним махом разодрал все скрепленные листы пополам и затем начал их рвать на мелкие кусочки. Возмущенная мать подлетела к нему с воплем: «Ты с ума сошёл! Что ты делаешь? Это же документ! Без него не видать вам моря, как своих ушей!» Для пущей убедительности она покрутила путёвками у сына перед носом.

Поля ровным тоном прокомментировала: «Луиза Лукинична, вы напрасно затратили столько времени и сил! Такие вопросы надо сначала с нами согласовывать, а потом уже путёвки и билеты заказывать. Мы без Нелечки не поедem ни к морю, ни куда бы то ни было. Никаких разрешений на опекунство мы никому не дадим. Это наш ребёнок, и только мы несем за него ответственность и принимаем решения. Надеюсь, я понятно излагаю. Теперь далее. Мы через три дня уезжаем втроем, точнее, впятером, вместе с животными, в деревню, к двоюродной сестре моей матери, и там проведем наш отпуск. Свежий воздух, природа, деревенские продукты питания — это как раз то, что советует

наш детский доктор. А по путёвкам вы можете съездить вместе с Андреем Ильичом, так что они не пропадут, да и билеты уже есть. В общем, желаем приятного отдыха у моря!»

Свекровь побагровела и тяжело дышала. Потом выдавила: «Ну, как знаете! К вам с добром, а вы себя вот так по-свински ведёте! Просто безобразия!» Потом повернулась к мужу: «Путевки и билеты придется сдавать, меня начальство сейчас ни за что не отпустит с работы, у нас трое сотрудников как раз ушли в отпуск». Он аккуратно взял путёвки у жены из рук и умиротворяюще объявил: «Не надо ничего сдавать, мы с товарищем по работе съездим вдвоем. Что ж такому добру зря пропадать-то! А ты осенью себе другую путевку возьмешь... Как раз в бархатный сезон! Это просто роскошно — в сентябре к морю! Сейчас там жара жуткая, ты же её плохо переносишь! Так что всё к лучшему!» Потом повернулся к сыну и невестке: «Зря вы так, ребята! Хорошее дело вам предлагали, а вы вон какое кино устроили... Нельзя так с родителями...» — и вышел из комнаты. За ним последовала возмущённая Луиза, отлично представлявшая себе типичного «товарища по работе»: платиновые волосы, пухлые от силикона капризные губки, выдающий бюст, вихляющийся таз и... Ну, и всё остальное в комплекте.

3

Фельдшерица Зоя Павловна, «Пална», как её звали сельчане, вышла на пенсию по возрасту и более чем солидной выслуге лет. Мужа она похоронила тремя годами раньше. Двое сыновей обретались в иных краях: старший женился на полячке и проживал с ней и тремя детьми у серо-синего, холодного Балтийского моря; младший — безнадежно холостой и бездетный — работал коком на судах дальнего плавания, порт приписки — Варна. Оба иногда наезжали вместе или порознь, но чаще слали открыточки или бандерольки: заморские шали, полупрозрачные платочки с нарисованной Эйфелевой башней или Биг-Беном и прочие крайне необходимые на селе заморские чудеса. Мать аккуратно складывала подарки на полку шифоньера и шла заниматься хозяйством. Оно состояло из коровы Моти, овчарки Жеки, кота Баяна и петуха Лёвы. Куриный вождь отличался воинственным нравом, бился за свои права отчаянно и бескомпромиссно и периодически нападал на дачников, наезжавших летом в посёлок. Один интеллигентный отдыхающий, отбиваясь от орущего и клюющегося бандита, воскликнул: «Это не петух! Это лев какой-то!» Так и приклеилась к петуху кликуха «Лёва»!

Кот был натурой созерцательной, но при случае мог от души врезать по морде какому-нибудь обидчику. Жека — существо общительное и добродушное — любила улыбаться прохожим, обнажая здоровенные острые клыки, и искренне изумлялась, что её стремление обняться с первым встречным не находит ответного отклика. Что касается Моти, то она была девушкой исключительно серьёзной и концентрировалась на рабочих задачах: поедать корма и наполнять вымя. На мир бурёнка взирала снисходительно: мол, что с него возьмёшь! Вот давали бы все молоко — так оно, глядишь, и жизнь была бы лучше!

Немногочисленная родня Палны по разным причинам уже перешла в мир иной. Жива была лишь двоюродная сестра Люсьена. Она именовала себя «кузиной» и демонстрировала при каждом удобном случае свою «одухотворённость»: прыскалась французскими духами, говорила «пардон» и запредельно закатывала глаза, пересказывая очередной телесериал. Первый муж, обычный приземлённый механик, не оценил высоких порывов супруги и сбежал на восьмом году брака, оставив дочку-первоклассницу Полину. Алименты приходили исправно, но иных видов заботы о ребёнке со стороны родителя не наблюдалось. Люсьена скучала недолго, ломанулась на курорт, там подцепила немолодого убежденного холостяка-бухгалтера и так запудрила ему мозги своей неземной натурой, что тот и сам не понял, как вышел из загса под марш Мендельсона. Драгоценная супруга вместе с ребёнком переехала к новому главе семейства, обитавшему в далёких краях, в захолустном райцентре, и жизнь потекла в нужном направлении: работа, ужин, телевизор, пиво, футбол, болтовня по телефону, цветные журналы про кино... Поля забивалась в тёмные углы квартиры и, заткнув уши, учила уроки или читала книги, взятые у одноклассников или в библиотеке. Когда становилось совсем невмоготу, она шла в парк и бродила по аллеям, раскрашенным по сезону в белый, зеленый или желтый цвет. По крайней мере, там была тишина, и никто не мешал думать.

Прекрасно окончив школу, Полина немедленно сбежала из дому и поступила в университет в бывшем родном городе. Она иногда садилась в электричку и приезжала в гости на село к двоюродной тётке Зое, помнившей племяшку ещё с бантиками в косичках. Фельдшерница подкармливала тощую студентку, жившую на стипендию, нагружала её с собой полные сумки добротных деревенских харчей, а то и денежку подкидывала. На пятом курсе Полина собралась замуж. Приглашённая

на свадьбу тётка умудрилась накануне торжества подвернуть в сарае ногу и на празднестве не присутствовала. Позже племянница прислала открытку и сообщила о получении диплома биолога и о наступлении беременности. Затем было долгое молчание. Пална встревожилась и решила было ехать в город и проведать родственницу. Но тут пришло коротенькое письмо от Поли: родила девочку, назвали Нелечкой, грудь берёт, молоко есть, муж Глеб хорошо помогает по хозяйству. Зоя просила прислать фотографию младенца, но ни одного снимка так и не получила. Племянница писала редко и скупо. Тётка пожимала плечами и грустно вздыхала: знать, больше не нужна родня...

Прошло два года, и однажды июньским утром в калитку вошла Полина. Она выглядела усталой, осунувшейся и странно постаревшей, несмотря на молодость. Гостью сначала крепко обняла Зоя, потом от всей души облобызала Жека. Баян нежно тёрся о ноги, а Лёва важно расхаживал вокруг и гордо озирался по сторонам: вот, глядите, кто к нам пожаловал! Родственницы долго сидели за столом, и тётка с глазами на мокром месте слушала рассказ Поли о больном ребенке, об отношениях со свёкром и свекровью, об их откровенной неприязни к внучке. Наконец, Зоя подвела итог: «Ну, я тебе так скажу... Вы с Глебом большие молодцы. Дитё больное не бросили — это божье дело! Негоже собственного ребёнка на помойку жизни выкидывать, как бракованный товар! Оно ж живое, дитя это, страдает, как все, и душа в нём тоже человеческая. А что не говорит почти и ходит плохо — так мало ли как в жизни бывает! Вон у соседей на краю села сын-подросток в речку нырнул неудачно, и теперь тоже страдает нарушением речи и руками-ногами с трудом двигает. Так что теперь — и его на свалку? Ай да бабка с дедкой твоей дочке достались! Греха не бояться! Ну, Бог им судья! Ты вот что, Поля... Давай-ка ко мне со всем семейством приезжай в отпуск! У меня вон сад свой, огородик, молочко парное... А там уже вместе покумекаем... Это ж не жизнь, когда родные люди такие вражины ребёнку! Им доверять нельзя, ясное дело! Короче говоря, буду ждать! Дом большой да пустой, места всем хватит! И живность свою везите, авось мои мохнатые ребята их не обидят!»

Глеб договорился со своим шефом о служебном микроавтобусе, загрузил туда жену, дочку, подростковую и окрепшую «живность», забил багажник разнообразным скарбом на разные случаи отпускной жизни — и семейство меньше чем через час было благополучно доставлено по назначению.

Хозяйка вышла встречать гостей, но её, конечно, опередила Жека, немедленно кинувшаяся обниматься с Полей, потом дружелюбно лизнувшая в щёку Глеба и с любопытством обнюхавшая Нелечку. Та в ответ потрогала ладошкой чёрный собачий нос и запела свою радостную песенку. Сидевшие в переносках Лула и Мума настороженно притихли, рассматривая через окошки здоровенную псину.

Зоя подошла к девочке, подхватила её на руки, подняла над головой, а потом весело чмокнула в пузико: «У-ух! Видишь, какая ты большая! А я баба Зоя!» Нелечка немедленно расплылась в ответной улыбке, всплеснула ручками и сказала: «Ба-ся». Тётка опять повторила по складам: «Ба-ба Зо-я!», а малышка снова затвердила своё: «Баася... Бааася...»

Под бдительным надзором Лёвы и при живом участии Баяна вещи перетасили в дом. Из переносок извлекли звериков. Кот и овчарка тщательно обнюхали вновь прибывших, нашли их довольно милыми и немедленно приняли под опеку, облизав с головы до ног по всем правилам гостеприимства. Потом пушистых девочек проводили в сарай, где взволнованно мычала Мотя, не вполне понимавшая, что творится во вверенном ей хозяйстве (она считала именно себя ответственной за всё, что происходит в непосредственной близости от стойла). Нелечку на ручках тоже принесли «показать коровку». Девочка в восторге начала хлопать обеими ладошками по теплому пёстрому боку. Мотя стояла спокойно и добродушно ухмылялась: «Дитё малое, что с него возьмёшь...»

Вот так всё и потекло. Жека с другом Баяном души не чаяли в маленькой гостье, а она в ответ пела им свои радостные песенки. Хвостатая малышня не отставала от старших, и все пятеро весело проводили время. Лёва кидал окрест строгие взгляды: не собирается ли кто, часом, обидеть дорогую девочку? Для профилактики он подпрыгивал, тряс роскошным гребнем и воинственно клекотал. Мотя, придя с пастбища, озабоченно мычала, озирая разномастное стадо двуногих и четырёхлапых подопечных. Но петух рапортовал: не бойсь, всё под контролем, я в теме и на стрёме! Успокоенная корова направлялась в сарай, где готовилась к важнейшему событию молокоотдачи. Баба Зоя обучала племянницу всем практическим премудростям сложной науки доения, а Мотя иронически наблюдала за бестолковыми «танцами» Поли вокруг полного вымени.

Отпуск промчался молниеносно. Нелечка стала уверенней держаться на ножках и даже немножко бегала по дорожке перед крыльцом. Личико и

ручки покрылись лёгким загаром, щёчки порозовели, с них сошёл привычный диатез. Она гуляла по травке и распевала: «Ба-ся... Лу-ла... Ля-ля.. Мы-ма... Му-ма...»

Глеб начал готовить свою команду к возвращению в город. Жена, тяжело вздыхая, ему помогала. Зоя Павловна посмотрела-посмотрела на сборы, а потом предложила: «Оставайтесь-ка у меня на зиму! Поглядите, как дитё ваше выправилось! А в город потащите — опять будет болеть без конца! На работу отсюда будете ездить! На электричке двадцать минут до вашего главного вокзала. А за Нелечкой я присмотрю, уж можете не сомневаться! И ей хорошо будет, и мне веселее!» Супруги просияли и полезли к замечательной тётке с поцелуями и объятиями. Поля заглянула в местную школу и осведомилась, не нужен ли им на полставки учитель биологии и химии (так значилось у нее в дипломе, между прочим). Оказалось, что очень нужен, ибо химичка (она же биологичка) собралась в декрет — и хоть плачь! Лучше бы на ставку, конечно... Коскина обещала подумать. Баба Зоя дала добро: оформляйся на ставку, справимся! Полина быстренько уволилась с прежней работы и с первого сентября приступила к учительской деятельности. А её супруг катался на электричке в город на работу и обратно. В сараюшке у Палны стояла выдавшая виды машина покойного мужа. Глеб, получивший права на вождение еще в бытность студентом, автомобилем так и не обзавёлся: откуда бы деньгам взяться? А папаня свою «иномарку» берёт и сыну не доверял. Зато Полина тётка без раздумий дала парню ключи от «драндулета». Старенький «жигуль» оказался вполне дееспособным: урчал, тарыхтел, но ездил сносно, так что у главы семейства появилось альтернативное средство передвижения.

Семья Коскиных под мудрым руководством и при активном участии бабы Зои воспрянула духом. Нелечка, сопровождаемая Лулой и Мумой, беспрепятственно перемещалась по просторному дому. Она стала намного живее и веселее. Поля и Глеб, избавившись от постоянного шипения в лицо или в спину и осуждающих взглядов родителей, тоже впервые за долгое время могли свободно дышать. Так что сельская жизнь всем шла на пользу. Пална тоже, можно сказать, обрела вторую молодость: суетилась по хозяйству, варила-жарила, стирала-убирала — и это было после нескольких лет одинокого существования не в тягость, а в радость. Молодежь, придя с работы, подключалась к домашним делам. В общем, все были довольны.

Между тем в жизни Коскиных-старших происходили драматические события. Андрей Ильич на старости лет серьёзно влюбился. Новая секретарша Алиса — тридцатилетняя коротко стриженная шатенка (патрон почему-то изменил своим привычным вкусам) с зеленоватыми, чуть раскосыми глазами, тонкими чертами лица и изящной фигурой выгодно отличалась от своих предшественниц не только внешностью, но и весьма острым практическим умом. К тому же, она была разведена, детьми не обременена, зато обладала маленькой уютно обставленной квартиркой, очень удобной для нежных свиданий. Она быстро развернула боевые действия: глубоко дышала высокой грудью, томно глядела из-под длинных ресниц, смущенно улыбалась, демонстрируя ямочки на щеках, весело, толково и быстро выполняла порученные задания — и уже через месяц разменявший седьмой десяток шеф совершенно потерял голову. Прежде он всегда держал дистанцию и пользовался сменными блондинками, как удобными детальками бытия, но не более. А эта осень закружила его новыми, молодыми ощущениями и сделала непривычно сентиментальным. Андрей Ильич бродил с Алисой по пёстрым, шуршащим аллеям парка, держал её за руку, как старшеклассник, томно и горячо шептал на ухо милые глупости, дарил роскошные букеты и элегантные драгоценности — словом, вёл себя, как последний идиот.

Луиза Лукинична теперь редко видела мужа, поскольку он всё чаще оставался ночевать «у товарища по шахматам», не слишком заботясь о правдоподобности версии. «Доброжелательные» подруги ежедневно вносили в уши почти покинутой супруге подробности новых безумств её на склоне лет сдуревшего спутника жизни. Кольцо с топазом... Старинные серьги с бирюзой... Поездка на выходные в шикарный загородный отель с ночным клубом... Как будто капли жгучего яда капали на сердце пожилой женщины, и оно болело, болело... Она не решалась выяснять с изменщиком отношения, делала вид, что верит его наглому лжи, и робко надеялась, что всё вернется на круги своя. Луиза бродила по опустевшей квартире, и даже длительное отсутствие мерзкой, ненавистной внучки её не радовало. Сообщение Глеба о том, что он с семьёй на зиму остается жить в селе, тоже оставило мать равнодушной. Сыну о художествах папани она решила пока не сообщать.

А папаня куролесил вовсю. В ноябре он улетел со своей большой любовью на фешенебельный курорт в теплых краях, объяснив жене этот

вояж усталостью и необходимостью сменить обстановку. Вернувшись через три недели, Андрей Ильич уведомил супругу, что встретил и полюбил другую женщину и переезжает к ней насовсем. На развод он пока подавать не собирался, но делал чёткий акцент на слове «пока». Чёрная поздняя осень с истрёпанными ветром хмурыми днями и тягучими мутными вечерами пришла в город. На лавках в скверах жалась последняя жалкая жёлтая листва, брошенная природой на произвол судьбы и без шанса на выживание в постепенно коченеющем мире.

Луиза Лукинична ощущала себя такой же ненужной, выброшенной из тёплой, милой жизни на беспощадный сырой холод. Серый цвет царил в небе и воздухе, марал стены домов, тротуары и шоссе, лился из плоских фонарей, цеплялся за стволы и ветки деревьев, вынужденных встречать холода в полной наготе. Серые куртки, пальто, зонты сливались с равнодушными лицами пешеходов. Казалось, что огромная крыса накрыла собой город и вот-вот его загрызёт... Дома в гостиной стояла мягкая мебель с обивкой цвета мокрой мышиной шкурки... Почему он прежде казался благородным и успокаивающим?.. Андрей любил валяться на диване с газетой (любые книги он находил нудными, а их авторов — бездарными) или дремал с пивком перед телевизором. Интересно, какого цвета мебель у этой твари Алисы? Небось, буйно-красная или чёрная (говорят, сейчас чёрный в тренде)... Чем она кормит этого престарелого идиота? У него было язвенное кровотечение несколько лет назад, еле остановили, к счастью, обошлось без операции...

Сон по ночам, если и приходил ненадолго, то не приносил отдыха. Там, в серых сумерках сновидений копошились какие-то злобные мелкие дряни, по-хозяйски вгрызавшиеся в тело, так что оно после пробуждения всё болело, и каждая косточка ныла. Придя на фирму, Луиза механически выполняла задания начальства, но всё чаще делала ошибки, их не замечая, и шеф уже несколько раз устраивал ей выволочку и прозрачно намекал на возраст и склероз.

В ту декабрьскую пятницу она опять накрутила в бумагах такого, что шеф окончательно вышел из берегов и велел написать заявление об уходе на пенсию. Подчиненная безропотно выполнила распоряжение, означавшее, что через месяц она будет уволена. Начальник сказал, что у Коскиной накопились отгулы за переработку и неиспользованный отпуск, так что ей больше не следует появляться на фирме, кроме как прийти за расчётом и документами для оформления пенсии.

Пятничный рабочий день был коротким, но на улице уже темнело. Зима пока сачковала и снегом город не баловала. Мороз тоже филонил. С неба лилась холодная колючая жижа, впивавшаяся в лицо. Зонтика в сумке не оказалось. Трамвай в сторону дома через несколько остановок замер на рельсах, водитель объявил, что из-за аварии на линии движение в ближайшие несколько часов не восстановится, и попросил пассажиров освободить салон. Луиза шла пешком, пальто и берет всё больше впитывали ледяную влагу, спина стыла, руки и ноги заоченели. Дома она стала под горячий душ, но и после этого не могла согреться и тряслась под двумя одеялами от знобкого холода. На следующий день поднялась небольшая температура, начался кашель. К понедельнику больная лежала уже в жару, кашляла непрерывно и при этом радовалась, что можно не вызывать врача — ведь бюллетень теперь не нужен. В холодильнике и кухонном шкафу был приличный запас продуктов, но есть не хотелось совершенно. Чай с лимоном, немного песочного печенья, иногда ломтик сыра — этого вполне хватало. Хорошо было валяться в постели и листать старые журналы, то и дело проваливаясь в горячий душный сон и снова из него выныривая. Телефон молчал. Супруг таял в объятиях Алисы, и ему и в голову не приходило вспомнить о прежней спутнице жизни. Сын и невестка были давно отважены от ненужных звонков, да и сами не слишком стремились к контактам: кому охота нарываться на раздраженный тон и резкие безличные «да» и «нет»? Подруги, прознав, что Андрей Ильич окончательно оставил родные пенаты, излили весь сладкий яд сочувствия на покинутую жену и утратили к ней интерес. Лишь самые упёртые из них иногда позванивали, длинно вздыхали, цветисто и вдохновенно соболезновали, убедительно выражали надежду, что всё наладится, и удовлетворенно клали трубку с чувством выполненного долга и тайной радости, что у них-то всё хорошо! Сотрудники фирмы были все намного моложе и облегченно выдохнули, узнав, что «старую корову» наконец-то вытурили на заслуженный отдых. Дальнейшая судьба уволенной пенсионерки была им интересна не более, чем жизнь бизонов в пампасах.

Луиза Лукинична очень ослабела и наблюдала за собой уже как бы со стороны. Она всё чаще уходила в забытие и почти не вставала с постели. Мысль, что, может, оно и к лучшему — вот так взять и уйти из жизни, не особо напрягаясь, всё глубже укоренялась в сознании. А раз так — то никому не звонить, врача не звать, а просто лежать, лежать...

Расплывчатые картинки возникали перед глазами, а потом их затягивал

красный туман. Вот маленький Глеб сидит в высоком детском стульчике и капризничает, выплёвывает манную кашу... Вдруг оказывалось, что это не сын, а его плосколицая дочь. Она шлёпала ледяной ладонью молодую Луизу по щеке, и та в ужасе вскрикивала, но не могла отстраниться от жуткого прикосновения. Потом ещё совсем не старый Андрей пытался надеть жене на безымянный палец железное кольцо с уродливым серым камнем, но оно не налезало, и женщина снова кричала, уже от боли. Наконец, сознание совсем замутилось, и где-то на самом его краешке возник звук, как будто ключ повернулся в замке, и скрипнула открываемая дверь. «Вот и дождались меня там... Даже дверь отворили...» — с этой последней мыслью женщина окончательно провалилась в горячую черноту.

Глеб и Поля решили съездить в город, на родительскую квартиру. Морозов еще не было, но взять тёплые зимние одежки для себя и Нелечки никак не мешало. Да и некоторые мелочи тоже надо было прихватить. Они оставили дочку на деятельную бабу Зою и на машине отправились в путь. Уже вечерело, когда «жигуль» остановился перед знакомым подъездом. В окнах их прежней квартиры свет не горел. Глеб своим ключом открыл дверь и первым вошёл в коридор. В доме было темно, тихо и очень душно. Поля щелкнула выключателем. Дверь в спальню родителей была распахнута, оттуда не доносилось ни звука. Глеб громко спросил: «Можно? Мы на минутку, только вещи заберем». Ответа не последовало. Потом раздался какой-то неясный звук... Как будто короткий хриловатый стон... Снова всё стихло. Поля шагнула в комнату и включила свет. На кровати без сознания лежала свекровь. На полу валялись журналы, а поверх перевернутая чашка с вылившимися на бумагу остатками чая.

Врач «неотложки» сообщил, что у больной отёк легких на фоне пневмонии, и увёз её в дежурную клинику. Там оценили состояние пациентки как крайне тяжелое, поместили в реанимацию и подключили к аппарату искусственного дыхания.

Глеб не мог понять, куда девался отец. Мобильный телефон Коскина-старшего упорно твердил: «Абонент недоступен». На работе какая-то тётка удивлённо ответила: «Так Андрей Ильич отсутствует. Он же в Париже. Уже третий день. Вы что, не знали?» Ошарашенный сын дозволился до старинного приятеля родителей и узнал о «большой любви» папани и его уходе из родного дома к даме сердца. Потом объявился и сам счастливый любовник. Он не слишком озаботился болезнью жены, однако обещал перевести на счёт клиники некоторую

сумму денег, пожелал всем счастливого Нового года, а супруге скорейшего выздоровления, и на том разговор закончился.

Мать по-прежнему находилась на аппаратном дыхании, в сознание не приходила, хотя отёк легких удалось снять. Врачи давали очень неопределенные прогнозы. Посещения больных в реанимации были под запретом.

Приближался Новый год. Глеб заехал на родительскую квартиру, забрал там ящик со своими старыми ёлочными игрушками, накупил всякой вкусной снеди, прихватил по дороге пушистую ель — и выгрузил всё это уже в доме у Зои Павловны. Малышню выдворили из зала и под неусыпным наблюдением Баяна нарядили ёлку, включили гирлянду с мерцающими огоньками. Нелечка на ручках у папы въехала в комнату и от восторга только всплескивала ручками и тихонько взвизгивала. Мума и Лула влетели следом и от удивления присели на хвосты, а потом начали носиться вокруг ели, как оглашенные. На шум примчалась Жека, солидно гавкнула и начала по очереди обнюхивать разноцветные шары, серебристые сосульки, бородатых гномиков... Коту очень хотелось прыгнуть со шкафа на верхушечку и лихо на ней покачаться, но баба Зоя засекала намерение и строго погрозила пальцем. Баян немедленно сделал вид, что он усиленно следит за порядком и вовсе не собирается его нарушать, после чего в порядке компенсации сиганул на спину Жеке. Та махнула хвостом и увезла бузотёра в коридор.

В новогоднюю ночь зима, наконец, вспомнила, зачем пришла, и устроила такую метель, что утром входную дверь открыли с большим трудом. Снег валил и валил, словно оправдываясь за опоздание. Через сутки он по-прежнему не терял темпа, а через два дня достиг такого успеха, что движение в окрестностях полностью прекратилось.

Электрички мёрзли в депо. Грузовики даже и не потыкались отправляться в путь, а легковушки — тем более. У Полиных учеников были каникулы, фирма Глеба тоже решила гулять десять дней.

Телефонная связь не работала, и дозвониться до клиники, где лежала Луиза Лукинична, не удавалось. Лишь на пятый день природа утомилась, успокоилась и отправилась почивать, а народ выполз на улицы расчищать снежные завалы. Коскины всё-таки пробились по телефону в реанимацию, но там ответили, что состояние больной без изменений.

5

Луиза начала приходить себя только к концу января. Её отключили от искусственной вентиляции лёгких, постепенно убрали многочисленные

трубки, торчавшие из тела. Глеба, наконец, допустили к матери, но предупредили, что у больной серьезные осложнения после перенесенной тяжелой инфекции. Многие нервы, отвечающие за движения, очень пострадали. Поэтому левый глаз не закрывается и косит, дикция существенно нарушена, кисти и стопы практически полностью парализованы. Пациентка не может ни ходить, ни себя обслуживать, ни объясняться с окружающими, хотя обращенную речь понимает. Глеб вошёл в палату. Он с трудом узнал мать в маленькой высохшей женщине, беспомощно шевелившей губами и что-то мычавшей. Сын сидел рядом с койкой на больничной табуретке и нёс какую-то бодрую чушь о том, что всё будет хорошо, всё пройдет, и можно будет хоть на танцы... Луиза дико смотрела на него косящим, широко раскрытым глазом и шлёпала губами, пытаясь что-то сказать — совсем, как маленькая Нелечка. Обтянутые одной кожей кисти неподвижно лежали поверх одеяла.

Больную перевели в обычное отделение и объяснили родственникам, что предстоит долгий процесс восстановления без гарантий полного возврата утерянных функций. Полина и Глеб навещали мать, приносили домашние протертые супы (глотать и жевать ей тоже было трудно), поили соками и компотами. Проинформированный о состоянии жены Андрей Ильич в больнице так ни разу и не появился, правда, оплатил последующее пребывание супруги в реабилитационном центре — и на этом счёл свое участие в её судьбе исчерпанным. С сыном он тоже за всё время ни разу не повидался.

В марте Глеб отвёз Луизу Лукиничну на реабилитацию в соседнюю область, предупредив, что сюда приезжать часто не получится — слишком далеко. Тамошние врачи тоже никаких особых обещаний не давали, но сказали: сделаем, что можем. С тем Коскин и уехал домой. А там его ждала новость: жена сходила к гинекологу и вернулась с диагнозом: беременность двенадцать недель, в конце сентября рожать. Ей предложили направление в город на диагностику болезни Дауна у плода. Но Поля заявила: кто родится, тот и будет наш. Муж с её решением согласился. Баба Зоя тоже сказала: «Что Бог даст, то и будет...». На том и порешили.

Директорша школы, узнав, что новая биологичка, как и предыдущая, осенью собирается рожать, расстроено всплеснула руками: «Да что ж оно делается, а? Прямо эпидемия какая-то на этом рабочем месте!» Затем она съездила в город и застолбила для школы на новый учебный год

будущего выпускника биофака Василия Нюнькина, дабы прекратить эпидемию беременностей среди учителей биологии.

В мае врачи велели Глебу забирать мать домой, поскольку её состояние «стабилизировалось, и дальнейшие лечебные мероприятия смысла не имеют». На деле это означало следующее: Луиза передвигалась с помощью ходунков, с горем пополам самостоятельно одевалась, могла донести ко рту чашку двумя руками, а ложку одной рукой. Речь тоже чуток улучшилась, так что можно было уже, хоть и с трудом, но разбирать отдельные слова. Глаз по-прежнему косил, но зато стал закрываться. Ну, что ж, и на том спасибо...

Ясно было одно: мать одна жить не может. Нужен уход и присмотр. Коскины засобирались было возвращаться в город, чтобы взять на себя заботы о больной, но тут вмешалась Зоя Павловна и заявила: «Везите сюда. Тут все вместе разберемся. А там третий этаж, лифт часто ломается — сами ведь говорили. Куда её волочь по лестницам? А у нас один порожек всего. Да и дело к лету, свежий воздух... Может, здесь скорее оклемается...» Глеб поехал за Луизой Лукиничной, объяснил, что везет её в село, на «свежий воздух». Та равнодушно кивнула и послушно села в машину.

А Андрей Ильич в это время пребывал в горестном недоумении. Драгоценная Алисочка заскучала, стала капризной и раздражительной. Ни новое очаровательное колечко, ни походы в роскошные рестораны её настроения не улучшили. Возлюбленная записалась на фитнес, потом на йогу, стала исчезать из дому, вроде бы «поболтать с подружками». Престарелый любовник извёлся, часами ожидая красотку в квартирке, переставшей казаться уютной. Кроме того, Алиса, прежде стремившаяся поразить старичка кулинарными шедеврами собственного приготовления, теперь приносила из ближайшего супермаркета полуфабрикаты и в микроволновке доводила до кондиции. Бедный язвенник Коскин маялся от жуткой изжоги и с ужасом думал: а вдруг опять откроется желудочное кровотечение, да еще в присутствии Алисочки? Бедная девочка этого не переживёт!

А «бедная девочка» всё усердней занималась фитнесом, задерживаясь до позднего вечера. С наступлением темноты Коскин начинал сходить с ума, воображая, что нежное создание может стать жертвой бандитов или насильников. Но создание являлось домой целым и невредимым, зато в некотором подпитии. Ей, видите ли, стало грустно, а по дороге попался симпатичный бар — так почему бы не выпить там пару коктейлей для

улучшения настроения? На службе Алису теперь видели редко — а ведь еще пару месяцев назад она вдохновенно носилась по коридорам с бумагами, задавала вопросы, переживала за успехи или неудачи фирмы, а потом в домашнем гнёздышке горячо обсуждала с Андреем Ильичом возникшие рабочие проблемы, вникала, подавала идеи — и это умиляло и восхищало начальничка! Прежние штампованные блондинки даже приблизительно не были на такое способны! И что же нынче? То проспала, то голова болит, то нет настроения... И с интимными радостями тоже самое — они стали «шефуле» перепадать всё реже. А если и обломится такое счастье — так обязательно на финише ироническая гримаска, а то и смешок! Мол, чего ещё ждать от тебя, старый дуралей!

Не нравилось это всё Коскину! Ох, как не нравилось! Да и Алискины бесконечные прогулы тоже выходили за рамки допустимого, даже если речь о любовнице начальника, требовавшего от прочих сотрудников строгой дисциплины. Однажды он решился и дома за ужином мягко попенял: «Солнышко, надо как-то наладить твои выходы на работу... Если устаешь, я тебе меньше заданий буду давать, и уходить можешь раньше, с этим никаких проблем не будет. Но так, чтобы совсем на службе не появляться, лапушка, это не годится, неудобно ведь перед другими сотрудниками! Хорошо, сокровище моё? Договорились?» «Лапушка» фыркнула, выскочила из-за стола, схватила сумку, кинула уже через плечо: «Завтра появлюсь! Обещаю! Я на фитнес!» — и умчалась. Любовник встревоженно смотрел ей вслед: тон обещания был угрожающим.

Алиса вернулась домой трезвая и молчаливая, улеглась на кушетку перед телевизором, там же и заснула. Утром она, пусть с опозданием, но всё же заявила на работу, сразу двинула в кабинет шефа, приходившего на фирму раньше всех, и с гонором вручила ему заявление об увольнении по собственному желанию. Коскин разволновался, подкатился к «милой девочке» и попытался её утихомирить, суля кругосветный круиз, комплект с бриллиантиками в платине и иные радости жизни. Но секретарша — впрочем, теперь уже бывшая — была непреклонна. Она заявила, что нашла другую работу, поинтересней и повыгодней, а заодно осведомилась, не забыл ли Андрей Ильич, где он прописан, после чего посоветовала ему вернуться к любимой жене. Затем развернулась, хлопнула дверью и покинула фирму.

Начальник сидел как пришибленный. Он еще надеялся, что дорогая Алисочка просто так пошутила, вот-вот вернётся и кинется в объятия.

Через час один из сотрудников постучался к шефу в кабинет, не получил ответа, встревожился и осторожно приоткрыл дверь. Андрей Ильич сидел с багровым лицом и тяжело дышал. Срочно вызвали «неотложку», и начальник с диагнозом «гипертонический криз» был госпитализирован. О случившемся сообщили сыну, и тот помчался в больницу. Дежурный врач несколько успокоил Глеба, сообщив, что жизнь отца вне опасности, но есть необходимость в дальнейшем обследовании и лечении. В тот же вечер Глебу позвонила Алиса и велела забрать у нее из дому все вещи бывшего любовника. «Забирайте дедулино барахло, оно мне тут без надобности!» — так она сформулировала свое требование.

Коскин-старший ещё валялся на больничной койке, когда сын принёс ему невесёлые новости: Алиса вышла замуж за сорокалетнего преуспевающего бизнесмена, с которым она, как оказалось, встречалась уже много лет. Новоиспеченный супруг в мгновение ока подмял под себя фирму Андрея Ильича, ибо все тайны производства «дорогая Алисочка» давно выведала и передала по назначению. В итоге она же и получила фирму в подарок и теперь там распоряжается, причём довольно толково.

Глеб решил всё рассказать отцу, пока тот находится под наблюдением врачей, иначе опять пришлось бы на дом «неотложку» вызывать. Андрей Ильич принял удар спокойней, чем ожидалось. Он только сильно досадовал на себя, что попался на крючок, как мальчишка. Но сбережения имелись, квартира и машина тоже были при нём, так что никакой катастрофы не произошло.

Через неделю сын привёз папаню в родимый дом и навещал регулярно. Коскин-старший быстро оклемался, сам ездил за покупками, следил в квартире за порядком, в общем, вполне адаптировался к новой ситуации. Желания проведать на селе больную жену он не изъявлял.

Луиза Лукинична тоже о муже не спрашивала. Она находилась под контролем Зои Павловны и послушно выполняла все предписания фельдшерицы: утренняя гимнастика, прогулки, чтение вслух для тренировки речи, прием отваров укрепляющих трав. Нелечка тоже делала зарядку вместе с «лябой» — так она окрестила родную бабушку. Баба Зоя, выпроводив с утра Глеба и Полину на работу, кормила завтраком «молодёжь»: бабушку и внучку. Она надевала обеим фартучки-слюнявчики, усаживала за стол, насыпала в тарелки кашу или пюре с тефтелькой, ставила рядом чашки с чаем или какао, давала в руки ложки и следила, чтобы всё было съедено и выпито. Потом вытирала

подопечным рты и отправляла во двор гулять, благо, лето было тёплым и солнечным. Лула и Мума после кормёжки тоже выметались из дому в садик и гоняли там наперегонки под укоризненный клёкот красавца Лёвы. Жека сыто гавкала и заваливалась на солнцепёке подремать. Луиза Лукинична в опытных руках бабы Зои оживала прямо на глазах. Она передвигалась в доме и по двору без ходунков, намного лучше владела руками и речью и к концу лета уже могла себя полностью обслуживать. Нелечка часто крутилась рядом, пела свое «ля-ба», потом бежала к Палне, обнимала её за коленки и говорила «ба-ся».

Фельдшерница уравнила старую и малую в правах и положении, заботилась о них одинаково, и Луиза воспринимала это как должное. Она больше не вздрагивала от прикосновений внучки, но и особого расположения к ней не проявляла, впрочем, как и к остальной части семейства. Видя растущий живот невестки, свекровь и в беременности Полины не принимала никакого участия. В сентябре она сказала Глебу, что хочет вернуться к себе домой. Тот не стал возражать, но договорился с соседкой родителей — вышедшей на пенсию вполне крепкой и бодрой санитаркой, что она за умеренную плату будет приглядывать за отцом и матерью.

Всё вернулось на круги своя, как и пророчили подруги Луизы Лукиничны. Двум людям, чужим и безразличным друг другу, предстояла долгая холодная старость под одной крышей, в гулкой квартире с обитой серым мебелью, тяжёлыми серыми шторами и серым мороком по углам. Новая осень заглядывала к ним в окно и шептала: «Ш-ш-ш-то поделаеш-ш-ш... Ш-ш-ш-то поделаеш-ш-ш...» А ветер шелестел уже начавшими желтеть листьями и пояснял: «Ш-ш-ш-то посееш-ш-ш... Ш-ш-ш-то посееш-ш-ш...» Колокол на стоящей неподалеку церквушке гудел по утрам: «Воз-даммм... По деламмм... Воз-даммм... По деламмм...» И только ещё не улетевший певчий дрозд на ветке тонко и высоко сокрушался: «Как-же-так... Как-же-так...»

Бабье лето вовсю заправляло сельскими делами. Корова Мотя, шумно дыша, вошла во двор и огляделась. В коляске под акацией серьёзно сопел четырёхкилограммовый, здоровенький и крепенький Борис Глебыч Коскин, благополучно произведенный на свет Полиной ровно десять дней назад. Жека и Лёва были начеку и стерегли сон новорождённого человечка. Даже озорные мохнатые девчонки Мума и

Лула безобразничала в соответствии с моментом: то бесшумно гонялись друг за дружкой, то беззвучно устраивали дружескую потасовку. Нелечка сидела на лавке и шурилась, глядя на заходящее солнышко. Тёплый ветерок щекотал босые ступни девочки, и она улыбалась. Из дверей дома вышла баба Зоя, неся в руках два ломтя белого хлеба, щедро намазанного сливочным маслом и сливовым вареньем: для себя и для малышки. Она заглянула в коляску, удовлетворённо кивнула и тоже уселась на лавку. Нелечка прижалась щекой к удобному, мягкому плечу и запела: «Ба-а-ся... Ба-а-ся..» Обе — большая и маленькая — откусывали по кусочку от вкусных ломтей, смотрели на закат и улыбались. И если бы кто-то там, в абрикосовом небе, вздумал измерить счастье двоих, то обнаружил бы, что оно безмерно. И это было понятно и справедливо, ибо именно такое счастье им подарили оттуда, из ослепительной золотой выси.

В калитку вошли Поля и Глеб. Нелечка слезла с лавки, подбежала к ним, обняла за коленки и пропела: «Ма-а-ма... Па-а-па...» И лила, лила на маму и папу своё безмерное солнечное счастье...

ЮЛИЯ СТАРЦЕВА

Родилась 17 ноября 1969 г. в Норильске. Окончила с отличием филологический факультет Красноярского государственного университета (1994), затем Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (1997). Работала корреспондентом, литературным редактором, корректором, главным редактором в печатных и электронных СМИ и издательствах. Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996), Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа–2000» (Москва, 2000), юбилейных мероприятий «Астафьевские дни–95» (Красноярск–

Овсянка, 2019). Член Союза российских писателей. Лауреат двух литературных премий: Всероссийской литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева и сибирской премии «Вдохновение». Обе премии присуждены за роман «Время нереально». В 1998 г. роман выдвигался на соискание премии «Русский Букер» (вошел в длинный список). Лауреат Всероссийского конкурса документальной прозы «Поход по метам» (к столетию В. П. Астафьева) в номинации «Постскриптум» за эссе «Дядя Витя» (2024). Живет в Петербурге

Автор пяти книг: «Избранная проза» (США, 2013), «Двуликий сирин» (СПб, 2017), «Время нереально: Избранная проза» (Красноярск, 2019), «Двенадцать рассказов» (СПб, 2020), «Коль пойду в сады али в винограды» (СПб, 2023). Роман «Двуликий сирин» номинирован Союзом российских писателей в 2018 г. на соискание премий «Ясная Поляна» и «Большая книга».

Романы, повести, рассказы, очерки и эссе печатались в журналах и альманахах «День и Ночь», «Звезда», «Волшебная гора», «Новый берег» (Копенгаген, Дания), «Енисей», «Урал», «Витражи» (Мельбурн, Австралия), «Проза Сибири», «Соло» и мн. др. изданиях, выходили в литературных сборниках («Светлица», «Собачий вальс», «Полночное солнце», «Перовестник», «Нерассказанный сон», «Я научила женщин говорить...» и др.), публиковались на электронных порталах («Квадрига

Аполлона», «Процесс», «Византийский Ковчег», «Правчтение», «Камертон»).

Проза Юлии Старцевой переведена на итальянский язык. Рассказ «Seraphita e il rovero siore» di Julija Starceva напечатан в международном ревью литературы «Небенон» (Турин, Италия, апрель–ноябрь 2014 г.)

ОТРЫВКИ ИЗ «АНТИКВАРНОГО РОМАНА» В ПАВЛОВСКЕ

«Я гуляла в Петергофе и Царском Селе ещё тогда, когда на эту землю не ступала лотосовая ножка китайки!»

«Прекрасно, тогда поедem в Павловск, ты же была там только зимой». Лет пятнадцать тому назад нестандартно начала барышня знакомство с любимым местом: зимой, в крепкий мороз, среди сугробов, и не с парка и дворца, как все добрые люди, а с церкви св. Угодника Николы. Могила отца Иоанна Жемчужина, осколки Манежа и тонная полковая церковь в неорусском стиле. Потом шли с церковными друзьями парком по тропинке, мимо огромных деревьев в невероятных снежных космах, на морозе у освещённого дворца–подковы стыл нестигаемый император Павел Петрович...

Живая картина красками Натуры во вкусе тогдашних мастеров живописи, только вместо кисти художника использовали топор мужика, ворчавшего, поди, на барские затеи. Меланхолическое уединение во вкусе «русского Гамлета». Колонна «Конец света», знаменующая границу Новой Сильвии и Красной Долины. Ветер подымал шёлковый шарф и волосы Ю-ю, глядевшей в долину с холма.

«Знавал я одного веселого дедушку (помер давно, Царство ему небесное), который был заслуженным работником культуры и имел орден «Знак почета»; когда последний отменили, тот стал рекомендоваться «бывшего ордена Знак почета засрак Алексеев». Это он снимался в «Мастере и Маргарите» у Кары, когда голых женщин из Марфина пришлось везти в Долгопрудненскую больницу, а вот у него в кармане фрака была поллитра, и он весело провел ту ночь: «Я во фраке, кругом голые женщины, в кармане водка – что ещё нужно для счастья?» – рассказывал Кот Учёный по пути.

Птичий концерт в тишине и уединении (гуляющих совсем не было) чудесен: слышали последнего соловья, непрерывно пели зяблики и дрозды. Кукушка насулила пастуху и пастушке тридцать лет

благоденствия, на дерзкий вопрос Ю-ю: «Сколько лет он будет меня любить?». Точно по Сологуба сочинению:

Вздумала пастушка

Так спросить кукушку:

«Погадай, кукушка,

Сколько лет пастушку

Будет друг любить?»

Любовники поднялись на высокий холм, к руинам амфитеатра. Постамент некогда венчала сбежавшая статуя. Придворные артисты пели оперу, и балет порхал на одном берегу Славянки, а пудренные кавалеры с дамами в широких робронах наслаждались зрелищем на другом берегу, сидя на каменных ступенях. Сей летний театр не нуждался в декорациях, их устроила сама Натура: увы, зелёные шпалеры из стриженных елей и серебристой ивы ныне утрачены. Призрачный блеск драгоценностей, шелков и кружев, трепещущих вееров померещился Ю-ю, впрочем, и она, истинная Маркиза, наряжалась ради своего любовника. «Есть у «Витановы» книга с иллюстрациями Брунеллески «Урок любви в парке»... – говорил ей друг.

Мавзолей «Супругу Благодетелю», воздвигнутый безутешной Государыней Марией Феодоровной, потерял самую главную букву: Ю. В болотистой местности обитают полчища дракул. Перешучивались потом в ЖЖ, высокоучёные филологи:

«А там у Третьяковского потерянная с мавзолея буква обретается, между прочим: *«Там сей любовник, могл ей который угодить, //Счастью небо чиня всё зависно, //В жаре любовном целовал Ю присно...»*

«А у Державина есть «Похвала Комару», отвечала Ю-ю.

(Кот в письмах – везде и всегда – восстанавливал букву, утраченную на павловском мавзолее: «Супругу и благодетел [ю]».)

Храм Дружбы.

«Я с детства хотел стать искусствоведом, любил изящное – но оказался на журфаке МГУ».

Красоту он подмечал везде, где видел. Любил статуи, картины, орнаменты, архитектурные формы, – и живую красоту цветов, кошек и женщин. Любил изящных красавиц с тонкими чувствами – художниц... Вода и деревья Павловского парка не менялись, помнили ещё цесаревича Павла Петровича и его порфиноносную вдову. Владимир снова входил в старинные ворота девятнадцатилетним юнцом, в семь утра махнувшим в сонный парк на прогулку из Полюстрово, где обитал у тётки, давно

усопшей; с ним рядом шла подруга – другая, но всё та же, «единая под множеством имён».

«Я был здесь ребёнком впервые, с отцом...»

Долина Старой Сильвии, где гуляли они вдвоём; из дупла, как из окошка, быстро взглядывала на гуляющих любопытная дриада, дрозды посвистывали без опаски и каждый цветок полевой улыбался кротким личиком. Павловские дубы и вязы столь стары, что опираются на железные костыли, и дома дриад прикрыты железными дверцами, точно лесные нимфы опасались разбойников, как обыватели в лихолетье 90-х. Деревья залепетали: будет гроза! «Формы сейчас совершенно как у Ники Самофракийской», сказал он, глядя на раздувшееся платье. Ветер шумел, и любовники спаслись в кафе, устроенном в Молочне, и за горячей солянкой на террасе вспоминали, как Мария Феодоровна подражала прекрасной молочнице из Трианона, пасторально доившей корову с вызолоченными рогами.

«Милый Ша Боттэ, Кот в Сапогах, но разве это худо и так уж непростительно – жить весёлыми маркизами осмнадцатого столетия? Тонкое эпикурейство, любовные связи без угрызений совести, изящная и насмешливая философия, рококо и барокко?»

«Решительно ничего дурного, Маркиза! Напротив, восхитительно! Недаром хромой бес Талейран заметил: кто не жил до 1789 года, тот вообще не жил. Деятнадцатый и в особенности двадцатый век были дурны, жестоки и злобно мстили блестящему восемнадцатому веку, осуждая его нравы», живо согласился собеседник.

Тут хлынул буйный ливень, и часть парка Белая Береза осталась не пройденной. Недалеко от дворца, на Больших Кругах, близ скульптуры «Мир» белка хоронила орехи среди мокрых цветов, прямо в клумбе.

Я шел дорожкой Павловского парка,

Читая про какую-то Элизу

Восмнадцатого века ерунду.

И было это будто до войны,

В начале июня, жарко и безлюдно.

«Элизиум, Элиза, Елисей», –

Подумал я, и вдруг мне показалось,

Что я иду уж очень что-то долго:

Неделю, месяц, может быть, года.

«Элиза – это Юлия, или Новая Элоиза», сказал влюблённый в букву «Ю» Кот.

Рассуждали о жестокости Аполлона и муз. Античные разговоры приличествовали Павловску.

«Певческая сила использует Орфея как музыкальный инструмент. «Вхождение в сосуд». Разлетится скудель тела – найдётся иной певец».

«Ты не любишь эллинских статуй из-за пустоты их глаз. Римляне закорючку провертели, и так началась новая эпоха».

В тот год были дважды в райской Италии под Петербургом, в прохладном июне и жарком июле.

... Благодать: там, где дымились адским пламенем костры с шашлыками, национальным кушаньем *носопырковых*, мирно зеленеют поляны.

Бабочки, пчёлы на высоких малиновых цветах татарника. Вдоль Невы – никого, в лесу – никого, все дунули в Питер любоваться ногомочом.

Хорошо, да худо: «а сыр финский где?.. а масло?» – продавщицы уныло отвечали, что «до конца этой... как её... олимпиады» поездки за

продуктами в кормящую мать нашу, Чухну, под запретом. Бичей и нищих выслали на 101-й км, совсем как в Совке было в восьмидесятом (Олимпиада), и в восемьдесят пятом (Игры доброй воли). Продажа картонных кокошников шла «на ура». Мужички тоже покупали и носили.

И морды у всех расписные: в патриотически-триколорных сердечках.

Шутили тогда: «Оле-оле-оле! Найдутся одиннадцать россиян, достойных выйти на поле, чтобы побороться за семь кубков Апокалипсиса!»

Железнодорожные билеты все проданы из-за болельщиков. Но Кот Учёный мысленно зывал к элиотову Железнодорожному Коту, просил *Skimbleshanks 'a* о заступничестве, когда надо раздобыть билет, – раз сто, пожалуй... Мчался к Ю-ю «Сапсанами», двухэтажными экспрессами, даже случайными поездами. Прикатил раз на Ладожский вокзал вместо Московского, и – «Кот всегда у ног Маркизы!»

Она же волновалась о нем, куда он не оказывался в Петербурге или на обратном пути – дома в Москве, суеверно не смея заняться стиркой-уборкой, чтобы не испортить пути.

«А вы разве не «предпензионер»?» – спросила седого Кота продавщица мороженого на вокзале. В целях подсластить пилюлю, правительство, наш коллективный Раскольников, в то лето восемнадцатого года приказало коммерсантам продавать мороженое со скидкой в четверть цены для всех «пожилых».

«Нет, и не доживу», горько и тихо сказал Кот.

«Доживёте!» – горячо заверили продавщица и её напарница, а Ю-ю омрачилась. Ждать чего-то доброго от государства ей и в голову не

приходило, но каково же вынести этот удар тем, кто был близок ко времени законного покоя.

В беседах надо бы вывесить плакатики: «Праотец наш Ной прожил без всякой пенсии 950 лет и не ныл, а вы всё ноете!» Оно и благочестиво выходит, и троллинг старушек. Ещё можно: «Лет до ста расти нам без старости!» И подпись: ваши Минсоцобеспечения и Минздрав.

Из переписки: «Угостили прекрасным палиндромом: "О, тело леди видело лето!"» (Ю-ю)

«Уж много лучше палиндром, чем сказочно-пенсионный "Оголи жопу пожилого"» (Кот Учёный)

...«Но ведь гипсовый амур разбит, как сердце покинутой пастушки, и к острову Любви езда возможна только на лодочке, но где же нам взять лодочку?» – лукавила Ю-ю.

«Лодочка всегда при нас!» – отвечал Кот Учёный.

А Владимиру вспомнился рассказ знакомого латинского попа, как по ночной Венеции несется навороченный катер с ослепляющими прожекторами и динамиками, изрыгающими «Влади-иини-мирский централ, ветер северный...». Прoberёмся на Остров любви тайными тропами, посулил он. Ю-ю соглашалась: хорошо, что не наладили коммерческой переправы новобрачных в сей уединенный уголок, а то Фонтаны Петергофа и Царское Село отравили торгашеством.

...В Павловске отшумел июльский праздник «Императорский букет», но цветы не успели увянуть.

Гирлянды роз, гортензий, лилий, высоких колокольчиков, злаков и плодов в античном вкусе развешаны служителями Флоры повсюду, с истинно императорской расточительностью: букеты в вазах Чугунного моста у храма Дружбы, в Турецкой беседке близ Молочни, в плетёных корзинах и каменных вазах у самого дворца, цветочный портал воздвигнут у мраморных львов на Итальянской лестнице. Цветами изукрашена августейшая домашность Собственного садика, пышные букеты в двенадцати вазах тёмной аллеей уводили ко всегда прохладному светлому павильону Трёх граций. «Берёзовая веточка и ампириная ваза с цветами – типичный сюжет мирискусников», сказал Кот Учёный.

Спутник Ю-ю предлагал наряд ещё смелее: украсть из вазона искусственный виноград и цветочные гирлянды, соорудить набедренную повязку как у сумасбродной графини Чудлей на маскараде, «и тогда божественная маркиза явит собой гармонию с пейзажами и статуями Павловска».

*«Ах, зачем же нам даны
Лицемерные штаны!»*

Ю-ю насмешничала:

«Надо душить в себе внутреннего архивиста, Хабиб. Надо бегать, увившись вокруг чресел виноградом и розанами, «пока мы молоды», как в университетском гимне поётся. «Потому что все романы о любви не стоят пяти минут «сейчас-любви», как писал Васька дурак Розанов».

– Виноват!

На террасе у дворца, в оглушительную жару с ложечки угощали друг друга разными шариками мороженого «Мёвенпик»: мятным с шоколадом, манговым, фисташковым, клубничным и далее по списку сортов, на зависть одурелым пчёлам; одна из крылатых сладён кинулась в душистую жижицу и обрела кончину герцога Кларенса. «Нашествие с поповской пасеки в жилой части Павловска. Тут мой старый приятель о. Димитрий настоятельствует в храме Николая Чудотворца, копии Спасана-Крови, а Максим Шостакович, сын композитора, – храмовый благотворитель. Звали посмотреть на восстановленный храм, дело было зимой, год и не вспомню – давным-давно; а у батюшки целое хозяйство: и фазаны, и карпы в пруду, и пасека; восковые свечи сами крутят на машинке», рассказывала Ю-ю. Всюду туристы, громкая итальянская речь, выкрики. Устали оба бродить.

«Юная Ю-ю, богиня, маркиза, Самофракийская Ника – такие формы облегло платье под ветром...» – урчание котовое. Ветер, жаркий Зефир, тут же прикинулся скульптором Пифокритом с Родоса. «У тебя профиль – на античную камею» (а у самого – как с монеты римской).

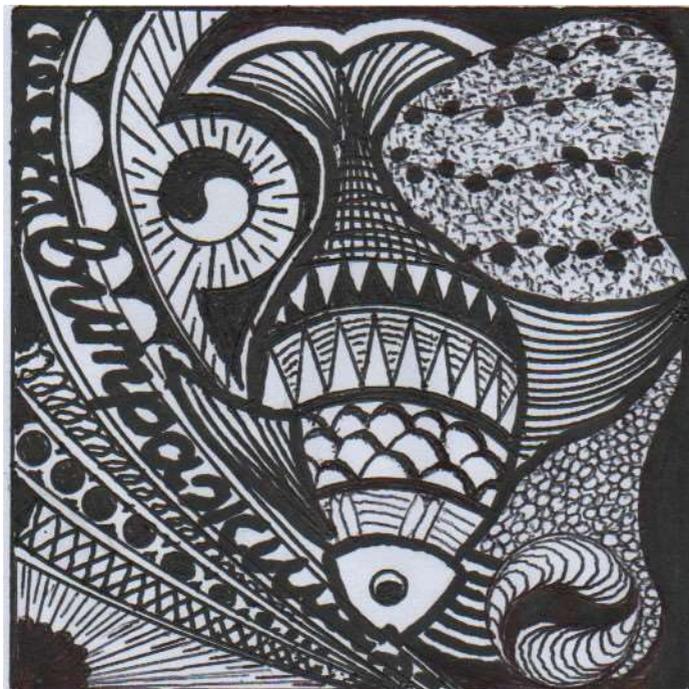
Колоннада Аполлона, живописно руинированная самой Натурой; когда-то здесь лился и шумел каскад, но Кастальские воды почти иссякли. Ю-ю позировала там спутнику, острила: «Сижу на руинах российской словесности». Обычно у колоннады Аполлона народу не бывает, по словам Кота Учёного. Но увы!.. едва минут десять длилось уединение любовников, пока он совладал с объективом «Кэнона», пока курил, сидя верхом на рухнувшей колонне. Внезапно явились резвые младенцы и родители сих вопящих во всю глотку путти.

Счастье лепетало листвой Павловска, Царского Села и всех парков Петергофа, шептало и шумело дождём или грозой. Всё вокруг было отрадой, когда они возвращались домой поздним вечером.

«Элизиум, Элиза, Елисей».

Петербург

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

МАРИЯ ВОЛЫНСКАЯ

Мария Волынская (Спичкова) родилась в Москве. Окончила МЭИ и Технический Университет Дрездена, затем получила докторскую степень в Техническом Университете Мюнхена, где преподавала и занималась

исследованиями в области IT и разработки программного обеспечения. В 2013 году переехала в Мельбурн. Преподает в университете RMIT, руководит научными проектами, опубликовала более 140 научных работ. Писать начала еще во времена студенчества, первое эссе было представлено на «Лефортовских чтениях-97». Печаталась в сборнике фантастических произведений издательства Эксмо, журналах «Костер» и «SuperStyle», газете «Полезная» и онлайн изданиях.

СРЕДИ НЕХОЖЕНЫХ ПУТЕЙ

Солнце светило прямо в глаза, да и дорога была не самая ровная, поэтому гнать во весь опор Лешка не стал – придорожная канава была хоть и сухая на вид, но очутиться там вместе с велосипедом очень не хотелось. К тому же, день становился все жарче – в такой не торопиться надо, а отдыхать. Например, вон в том березняке. Интересно, грибы уже пошли? Дождь вчера был, дед бы после такого наверняка в лес прогулялся на "тихую охоту".

Велосипед подпрыгнул на неожиданно возникшей посреди дороге кочке, и Лешка едва не свернул в канаву. Вот ведь! Отвлёкся на секунду от дороги, а она тут же сюрприз подсунула. А березняк тут хороший, жаль, что торопиться надо – и так только-только к шести успевает. Раньше ребята не начнут, но и заставлять их ждать не хотелось. Илюха и так почти полгода собирался устроить вечеринку, но все тянул, зато теперь его двадцатник отметим здорово – и родители мешать не будут, и погода отличная, и компания собирается что надо. Обещаны были костер, пиво "Балтика" и шашлык, замаринованный матерью Илюхи. Васька собиралась нарезать традиционный тазик салата, а остальной едой закупились еще вчера. Жека с Серегой должны были приехать к шести,

они и привезут на машине – Жека месяца два как права получил, и отец отдал ему старую Ладу, так что ему и везти.

Ехать утром, в самый час пик, Лешка не решился – втиснуться в электричку он бы втиснулся, будь у него с собой только рюкзак, но вот с велосипедом это было бы гораздо сложнее, так что выехал ближе к обеду. Какой смысл душиться в толпе, когда можно отправиться на пару часов позже в полупустом вагоне? Правда, ехать через поле придется во время самого солнцепека, но Подмоскowie – не Египет, солнце не такое уж и жаркое, к тому же кепка у него с собой есть, да и дорога пока что вдоль опушки петляет.

Поле показалось через минут двадцать, и было точь-в-точь такое же, как около дедовской дачи. Того поля уже лет восемь как нет – землю поделили на участки и застроили новыми дачами, а заодно и соседние рощи вырубил, в которых они с дедом когда-то собирали и чернику, и грибы, и малину. Хорошие были места – и лисичек там было много, и белых с подосиновиками, и неказистых зонтиков, которых многие за поганки принимают – а ведь самые вкусные грибы, если в сметане потушить! Белые хорошо сушить на зиму, лисички мариновать, подосиновики солить... Больше всего возни было всегда с сыроежками, дед их даже не собирал, а вот Лешке они в детстве нравились – яркие, веселые такие, как на картинке.

Дед каждую неделю ходил с ним через поле в соседнюю деревню - за парным молоком и серыми кирпичиками хлеба, который почему-то называли Солдатским. Может, потому что рядом была воинская часть? Жаль, так и не спросил об этом у деда, а родители вряд ли знают, они и дачу-то не любили и приезжали туда только на выходные, а вот дед жил там с майских по ноябрьские. Каждый год, через пару дней после девятого мая перебирался на дачу и возвращался в город не раньше пятого ноября, а к седьмому всегда были заготовлены маринованные лисички. Лешке тогда казалось, что они – как пожелтевшие с мая гвоздики, конец лета, начавшегося в мае. Васька в ответ на это смеялась и говорила, что грибная гвоздика – совсем другая, она маленькая и черная, в рассоле плавает и пахнет приятно, но не цветами. Забавная она была в детстве и совсем другая, чем Илюха, даром что родные брат и сестра. Из лука Васька стреляла едва ли не лучше всех ребят в их компании, да и на велике гонять умела здорово. Ну и как ее по имени, Светкой, звать? Васька она и есть Васька, по фамилии - Васильева. Но цветы она любила больше выпендренницы-Катки, которая жила в доме с петушком на крыше – единственный дом с флюгером на даче был.

Поле, то самое, "дачное", запомнилось ярко-желтым, аж золотым, наполненным солнцем. Колоски доставали Лешке почти до плечей и были неприятно-колючими, зато там росли васильки, которые Васька больше всего любила. Дед научил: всякий раз, как они за молоком ходили, приносить Ваське букетик васильков, ромашек или люпинов. Лешка поначалу стеснялся и оставлял их на пороге – самому смешно теперь. Чего стеснялся?

Дорога свернула в поле, и теперь приходилось ехать не в кружевной тени, а под жарким июльским солнцем, хорошо еще, что светило оно в спину и глаза не слепило. Еще минут сорок, и он будет на месте – минут десять по полю, потом вдоль ельника, а как через реку переедет – уже участки начнутся.

Камень появился так неожиданно, что Лешка едва успел затормозить. Откуда эта глыба тут взялась? Только что впереди была ровная, пусть и не слишком широкая, тропинка через поле, а теперь – развилка с камнем посреди дороги. Илюха вообще ничего о развилке не говорил, обещал, что дорога будет "такая прямая и ровная, что аж скучно". Вот она и была прямой и скучной. До развилки.

Но больше всего Лешку удивило, что на валуне была надпись. Не намалеванная краской, а именно выбитая в камне, причем буквы были стилизованы под старину. И как не лень кому-то было на такое время тратить?

"Прямо пойдешь – смерть свою встретишь, влево пойдешь – коня потеряешь, вправо свернешь – душу сгубишь."

Сзади что-то зашуршало. Он резко повернулся, но никого не увидел. Рожь тихо колыхалась под легким летним ветерком, да и только. Ни души. Единственное, что изменилось – и от этого Лешке стало не по себе – дорога. Ее не было. Рожь смыкалась в паре метров от развилки, словно и всегда так росла.

Он слез с велосипеда и подошел к камню. Мерещится? Солнце голову напекло? Вряд ли. Не так уж и долго он на солнце был, да жара не такая уж и сильная, чтобы до галлюцинаций дело дошло. Отравился? Нечем. Мираж? Но откуда миражам тут взяться? Поле – не пустыня, климат совсем другой...

Лешка потрогал валун – настоящий, не деревянный, не поделка из папье-маше или из чего там ролевики свой реквизит делают. Камень был теплый, нагретый солнцем. Настоящий, не иллюзия. От этого стало спокойнее. Уж лучше это с реальностью что-то необычное происходит, чем понять, что сошел с ума. Тем более, происходящее не выглядит

опасным. Мало ли что на заборах, то есть на камнях, пишут? А поле – ну разве это опасность? Плотоядные колоски только в дешевых фильмах ужасов и водятся.

Лешка взялся за руль, но садиться на велосипед не стал. Назад пути не было, да и глупо было бы разворачиваться и ехать обратно просто оттого, что увидел какой-то камень. Пусть даже и с надписями в духе "писем счастья". Так что поле старалось впустую, когда укрывало от него дорогу назад. Логичнее всего было ехать прямо – как и собирался до того, как увидел камень, но... Не то что бы он верил, что на той дороге его поджидают какие-то драконы, кощеи и прочая пакость, а если свернуть вправо набегут черти с красными копытцами и огненными трезубцами – даже любопытно было бы на это посмотреть. Гораздо проще представить, что за поворотом налево какая-нибудь колдобина станет последней для его велосипеда.

Дело было в другом. В навязанном выборе. Почему он должен выбирать меньшее из зол? Для чего? Сказки он в детстве любил, особенно когда дед читал их вслух, но так и не понял одну вещь – почему богатырь, здоровый и вроде бы не глупый мужик, всегда в результате выбирал одну из предложенных ему дорог? Одну из дорог, о которой заранее известно, что ничего хорошего в конце не ожидает? Мол, известное зло – не такое страшное, и заранее знаешь, с какой стороны ждать дракона с Соловьем-разбойником? Нет, понятно, конечно, что смысл был в том, чтобы показать, какой этот богатырь бесстрашный и честный – поехал вопреки предостережениям, порубил какую-то нечисть в капусту и вернулся с победой. "*Чуду-юду победил и убег*". Или не "убег", а женился на прекрасной царевне, получил полцарства в придачу и обещания получить вторую половину со временем.

И все бы хорошо, но уж слишком предсказуемо: главное – не побоялся и победил, причем рискуя только собой, а не любимым конем или верным другом. Правильно, но... Вот почему ни в одной сказке богатырь не решался проложить собственный путь? Вокруг же не топи были, не обрывающиеся в пропасть скалы – просто поле. По которому на лошади проехать не так уж и сложно. Конечно, на своем пути богатырь мог получить все три беды сразу, но ведь был бы и шанс не только избежать начертанного на камне, но и создать что-то новое! Свою собственную дорогу. Свою колею. Свой путь. Ну и на этом пути извести всех

¹Здесь и далее цитаты из песен Вл. Высоцкого.

разбойников, кощеев и ведьм. Или сгинуть – но не так, как навязал камень.

"Среди нехоженых путей – один пусть мой".

Решено. Сказки сказками, а он пойдет своей дорогой. Чтобы добраться до Илюхиной дачи, ему нужно было пересечь поле, а потом немного проехать влево вдоль ельника. Значит, надо попробовать пройти чуть левее, чем средняя дорога. Велосипед лучше везти за руль, а там разберемся.

Стоило об этом подумать, как между колосьев зазмеилась еще одна тропинка – узкая, только-только по такой с велосипедом пройти можно. Зато его собственная.

"Среди не пройденных дорог одна - моя".

Лешка шагал по тропинке не меньше получаса, но конца-края этому полю видно не было. А стояло вдали замаячить ельнику, как путь преградил огромный обугленный пень. Не успел Лешка прикинуть, с какой стороны эту преграду будет удобнее обойти, как пень шевельнулся, выпустив сизое облачко пепла.

– Куда путь держишь?

Главное не нервничать. Миражей тут не бывает, руль от велосипеда он ощущает явственно, значит, не галлюцинация. По крайней мере, хотелось бы в это верить.

– Куда путь держишь, спрашиваю? - проскрипел пень уже громче.

Хотелось брякнуть в ответ "На Кудыкину гору" – мол, не твое это дело, но пень уставился на Лешку таким строим взглядом, словно у консьержек в Илюхином доме уроки брал, и огрызаться Лешка не решился. Ответил так же, как и консьержке – односложно и уверенно:

– К друзьям.

– К каким-таким друзьям?

Точно одной породы с теми консьержками. Только что деревянный. И обугленный.

– К Васильевым из тридцать девятой, - произнес Лешка по привычке и лишь потом сообразил, что номер квартиры тут совершенно не нужен. Он же на дачу к Илюхе едет, а не домой.

– В Тридевятое? К кому именно из Васильевых? – продолжал допытываться глуховатый пень.

– К Илье и Свете.

– Муромец спит еще, будить не велено.

– Какой еще Муромец? Мне Илья Васильев нужен! – возмутился Лешка. Хотел было добавить, что день рождения праздновать едет, но осекся –

этому пень может и не поверить, если знает, когда Илюха на самом деле родился.

– Муромец спит, будить не велено, – повторил пень упрямо. – Сам-то кто?

– Добрый молодец, не видишь, что ли, – огрызнулся Лешка с раздражением. Ему к Илюхе ехать надо, а тут какая-то деревяшка обугленная...

Пень тяжело вздохнул, обдав Лешку дорожной пылью, и снисходительно уточнил:

– Звать-то как?

– Алексей.

– Алеша, стало быть. Из поповичей?

Лешка мысленно выругался и постарался объехать вредную деревяшку. Колосья не пускали, встав стеной. Пень сделал вид, что не заметил маневра и продолжал расспросы как ни в чем не бывало:

– Родители-то кто? Али не знал их вовсе?

– Родители – инженеры, – буркнул Лешка, пытаясь объехать пень с другой стороны. Поле не пускало.

Слово "инженеры" пню то ли не понравилось, то ли показалось непонятным. Он нахмурился, сведя белесые от золы брови, и Лешка поспешил уточнить:

– Строители.

– Путное дело... – протянул пень задумчиво и пошевелил корнями, словно советуясь с землей. – Но будь ты поповичем, было бы лучше. Ну а конь-то твой где, Алеша? Без коня пущать не велено. Василиса предупредила, что на коне должен быть.

Лешка выразительно посмотрел на свой велосипед, и пень снова вздохнул, на этот раз осуждающе.

– Ты что, Алеша Не-Попович, думаешь, я коней за свою жизнь не повидал?! Старика Полевика обдурить решил, бесстыдник?! И не рассчитывай, что я в конях не разбираюсь.

– Полевика?

– Ну а за кого ты меня принял, горемычный? Ну не за пень же трухлявый?!

Лешка на всякий случай замотал головой. За велосипед было неожиданно обидно. Конечно, он не живой, а просто металл и пластик, но за последние несколько лет Лешка к нему привык, да и выручал он не раз.

– Редкая порода, – буркнул он вполголоса. – Конек-горбунок.

Пень недоверчиво хмыкнул.

– Скорость обычной лошади – километров пятнадцать-двадцать в час, а у него – раза в два больше, а уж если с горы! – вдохновенно начал Лешка, но пень тут же перебил:

– Хлипкий он больно.

– Зато выносливый. Без воды и без еды сколько хочешь продержишься.

– Василиса говорила, что на коне должен быть... – повторил пень неуверенно, – о необычной породе она ничего не предупреждала.

– Думал, ты сам разберешься. Неужели никогда прежде конька-горбунка не видел?

– Ну так все либо на нормальных конях, либо пешие. Пеших сегодня не ждем.

– Я с конем. Под уздцы веду.

Конек-горбунок, в смысле велосипед, Полевику определенно не нравился, но возразить ему было не чем, и он занудно повторил:

– Муромец спит еще, будить не велено.

– Я в курсе. Ты мне это уже несколько раз сказал.

– Два раза. А положено три.

– Хорошо, я выслушал. Теперь пропустишь? К Василисе.

– К Василисе – пуцу. Раз с конем. С конем можно.

– Ну спасибо тогда, – Лешка улыбнулся с облегчением и надеялся было объехать пень, но тот снова заскрипел:

– А как же плата за проезд? Тем более, за двоих? За доброго молодца и за его коня, пусть и горбунка.

Лешка порылся в рюкзаке и достал из него яблоко и шоколадный батончик, которые собирался съесть в электричке, но забыл:

– За меня и за коня.

Шоколад на пень никакого впечатления не произвел, а вот яблоко его насторожило:

– Не молодильное ли подсунуть хочешь? Мне молодеть нельзя – ежели снова дубом молодым стану, снова молния ударить может. Одни неприятности с высоким ростом, когда один посреди поля торчишь – все молнии слетаются, как мухи на медовуху. Пнем оно как-то Полевику надежнее жить.

– Не молодильное, – успокоил его Лешка, – зато сладкое. Бери, не пожалеешь.

Шоколад и яблоко словно испарились в теплом летнем воздухе, а через пару мгновений исчез и пень.

Тропинка по-прежнему петляла по полю, словно никакого пня и не было. Примерещилось? А то, что он точно брал с собой в дорогу яблоко и шоколад?.. Было еще что-то странное, но в чем именно дело, Лешка понял только уже когда выехал к ельнику. Солнце было слишком низко. Ну прошло же часов пять, пока он пытался проехать через поле?! Тем более, солнце внезапно оказалось не на западе, а на востоке, словно сейчас раннее утро. Но почти что целые сутки он на поле провести точно не мог! Ему бы звонили, его бы стали искать...

Лешка поежился, но не от утренней прохлады. Если ребята стали искать, то уже звонили и его родителям. Те наверняка уже все извелись. И наверняка обратились в полицию. Как он объяснит свое отсутствие? Если рассказывать про все эти тропинки, пни и камни – тут же решат, что у него с головой не все в порядке. Как бы выкрутиться? А если у него с головой действительно что-то *не то?*..

Он подъехал к Илюхиному участку так и не решив, что же говорить, но объясняться не пришлось – первой, кого он увидел, была Васька. Она собирала малину в паре метров от калитки и выглядела ничуть не взволнованной. Лешке даже стало немного досадно: как же так, он пропал, а Васька даже не волнуется?! Он не приехал на Илюхин день рождения, и его даже не стали искать?! Конечно, это лучше, чем если бы истрепали нервы родителям, но...

– Какие люди и с утра пораньше! – Васька заметила его и радостно улыбнулась, отворяя калитку.

Совсем-совсем не обиделась, что он не приехал на вчерашнюю вечеринку?

– И тебе доброе утро, – хмыкнул он в ответ, пытаясь скрыть растерянность.

– Ну ты и рано! Мы тебя раньше обеда не ждали, Илюха вообще просил его часов до двенадцати не будить, хочет заранее выдряхнуться, чтобы сегодня вечером бодрячком быть. А меня кошка перебудила, зараза. Но раз уж ты с велосипедом приехал, можем до обеда к озеру съездить – там вода сейчас теплая-теплая, самое то поплавать. Здорово, что ты его захватил. Пешком до озера больше часа, а так минут за пятнадцать доберемся.

Васька говорила и говорила, но Лешка уже не вслушивался. Ребята еще не собрались, и праздника не было? Но ошибиться с датой он не мог! И, в любом случае, куда делись почти сутки?! И пень... "Муромец спит еще, будить не велено"... Илюха еще дрыхнет и просил до двенадцати не

будить. По тому, как Илюха долго раскачивается начать любое дело, он с Ильей Муромцем и вправду посоперничать может, но... Ерунда какая-то! Лешка вытащил мобильный – посмотреть, какое сегодня число. Мобильный показывал ту же дату, что и утром, когда Лешка выехал из дома. То есть, он приехал к Илюхе с Васькой едва ли не раньше, чем выехал из города?

Васька поняла его по-своему:

– Хочешь родителям позвонить, что добрался?

Матери он действительно должен позвонить. Только чуть позже. Не может же он звонить с дачи через пару минут после того, как выехал из дома! Сейчас он должен бы в лучшем случае стоять на перроне и ждать свою электричку.

– Нет, они на работе сейчас, им не до того, я обещал, что позвоню ближе к вечеру, часа в четыре. – В это время он планировал добраться до дачи, если повезет. С электричкой повезло, но...

– Что-то случилось? Или забыл дома что-то важное? – продолжала допытываться Васька.

Ну не говорить же ей, что еще минут тридцать назад он был в своей квартире и никак не мог добраться за это время до дачи! И как расскажешь про пень тот вредный, про камень и вообще...

Зазвонил мобильный, и Лешка машинально ответил, задним числом поняв, что лучше бы еще пару часов ни на какие звонки не отвечать.

– Леша, ты уже проснулся? Ты просил разбудить тебя, чтобы ты на электричку не опоздал.

– Да, мам. Все в порядке.

– Ты сейчас где? Не забудь позвонить мне с дачи, что доехал нормально. Ёлки, Ваське же все наверняка слышно, у его телефона звук громкий!

– Уже в пути, скоро позвоню, не волнуйся. До скорого!

Мать еще раз напомнила, чтобы он не забыл позвонить, и положила трубку.

Значит, день тот же самый, ошибки быть не может. И придется как-то выкручиваться перед Васькой. Она же не дура, понимает, что чтобы так рано приехать, встать он должен был не позже родителей, а то и раньше. Вот ведь...

Васька смотрела с иронией, но ничего не говорила. Ждала.

– Ну, ты вроде на озеро собиралась? – попытался сменить тему Лешка. Но не тут то было.

– А о Полевике поговорить не хочешь?

Все-таки розыгрыш? Пень с камнем – пусть их, но как ребята умудрились повернуть такое с часами и временем?!

– Леш, только не надо строить из себя идиота и спрашивать, о чем речь. Арифметику я пока не забыла, третий курс – не магистратура, еще что-то помню. Не хочешь говорить о Полевике – не будем.

– А что о нем говорить, – буркнул Лешка и попытался сделать вид, что не оглушен он вовсе сегодняшними событиями. – Полевик как полевик. Пень пнем. Только вот почему меня ни одна зараза не предупредила? Кстати, давно он тут завелся?

Васька хихикнула:

– Полевика не "заводятся", это же не мышцы. И место они не меняют, это же не перекресточные камни. Они просто есть, и все тут. Ты хоть знатока-то из себя не строй, ладно? А предупредить не могли – не принято это, да и кто же знает, когда ты с ними столкнуться можешь? Это же не мы выбираем, а земля. Можно сто раз проехать через поле напрямую и ни на какой перекресточный камень не напороться, ни на Полевика.

– Значит, про камень ты тоже знаешь?!

– Ну а как бы я о Полевике знала, если бы перекресточный камень на моем пути не возник? – переспросила Васька с недоумением. – Он же сначала понять должен, по какой дороге ты идти хочешь. Кто свою собственную захотел создать и по ней пошел – того к Полевiku тропинка и выведет. А на не своем пути ты ничего такого никогда и не увидишь. Причем ступишь ты на нее на семь часов раньше, чем когда ты к камню подошел.

– Вот ведь... - протянул Лешка обескуражено. – А что было бы, сверни я на одну из предложенных дорог?

– Прямо и направо – ничего, пустые страшилки. А вот поехал бы влево – поломал бы велик или ногу подвернул бы. Не любит камень, когда за свои дела других расплачиваться заставляют, вот и вредничает по мелочи. Хотя, наверное, не зря вредничает. Это Полевик иногда чудит по-всякому, старенький ведь уже совсем. Ему же почти тысяча лет, он и самого Илию Печерского² помнит.

– Да уж, меня в Алеши Поповичи записал...

– А что, похож! – расхохоталась Васька.

– Кстати, а ты Василиса какая – Прекрасная или Премудрая?

– Не-не, на умных и красивых мне не разорваться, поэтому я...

²Илия Печерский считается одним из прототипов Ильи Муромца

– Пресветлая! – закончил фразу Лешка и дернул Ваську за почти белую прядь.

– Именно! Но над Полевиком не смейся, ему так проще. Он как несколько имен запомнил, так ими людей и называет. Может и вправду какие-то совпадения чувствует, а может просто хочет верить, что ничего не меняется и все по-прежнему. Кстати, на гусях как Алеша Попович тебя никто играть не заставляет.

– Придется Полевику удовлетвориться гитарой, – буркнул Лешка.

– Он не придирчивый, – снова рассмеялась Васька, – вот увидишь. Поговоришь с ним на обратном пути, самому же интересно станет. Ладно, пойдем в дом, у меня со вчерашнего еще олады остались, а ты наверняка сейчас голодный, как волк. Я после встречи с камнем готова была все содержимое холодильника съесть.

– Не дали? – Лешка театрально попытался изобразить сочувствие, но и сам рассмеялся.

– Решила пожертвовать в пользу голодающих Муромцев. Потому что голодный Илюха – хуже Соловья-разбойника.

– Это точно, – раздался голос Илюхи, – а Муромец, разбуженный громким хохотом, всегда голоден по определению. И если кое-то не поторопится, то оладьев не останется от слова "вообще".

Началась шутливая дружеская перепалка, но Лешка чувствовал – с Муромцем о Полевике и камне поговорить надо серьезно. Потом. Когда у самого все в голове встанет на свои места. И когда будут поделены последние олады.

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

Родился в 1961г. в Москве. Был отчислен из ВУЗа за двойку по современному русскому языку (преподавателем была татарка). В дальнейшем работал участковым милиционером в провинции, монтажником-высотником на Алтае, руководителем проектно-конструкторского бюро амфибийной авиации. В настоящее время работает в области авиастроения. Значимые книги "На Дону как на Дону", "Планета Таразья". Открыт к сотрудничеству в любых областях

Северьян

Жил крестьянин на Онеге,
Насыпать умел он снега,
В сушь, господь не приведи,
Вызывал всегда дожди.
Был от юности он вдовый,
Не хотел женитьбы новой,
Жил в селе один как перст,
Не искал невест окрест.
Строил карбасы речные,
Изразцы лепил печные,
Мог и лошадь подковать,
Не умел лишь торговать:
За какую просят цену
Иль предложат что на меню —
Скажет: «Мало, да сойдёт», —
Не торгуясь отдаёт.
От такой своей повадки
Никогда не жил в достатке
И последние штаны
Мог отдать за полцены.
Помогал, чем мог, селянам,
Прозывался Северьяном,

Родом был же Северьян
Из затундренных крестьян.
Хоть за шалости с погодой
Снедь везли ему подводой,
Так не брал: «Нельзя никак,
Ни горбушку, ни пятак.
По молитве что явилось,
Это всё — Господня милость,
А за милости Его
Брать не можно ничего».

Как-то ветер на Онегу
Пал с кроваво-красным снегом,
Всполошилось всё село —
Пробудилось в море Зло.
Триста лет оно дремало
Да немало сил набрало,
Ожидай теперь беды
От солёной от воды.
А как стало половодье,
Так на сёмужьи угоды
Подсобрались всем селом —
Не пугай помора Злом.
Только с бледного восхода
В море тихая погода,
Не шелóхнутся леса,
Обвисают паруса.
Смотрят все на Северьяна,
А сестра его Ульяна
Говорит за всех селян:
«Дай нам ветра, Северьян».
Подзакрыл он рот ладонью,
Вынул пёрышко воронье,
Крест Христов поцеловал
И негромко запевал:
«Ветер, ветер, подувай,
Парусок мой надувай!
Припади-ко ветерка,
У нас лодка не ходка!»

Как пропел подряд три раза —
Как по Божьему указу,
Задышали небеса,
Зашуршали паруса,
И на сѣмужьи угодыя
Через глубь да мелководье
В Бело морѣ из реки
И отплыли рыбаки.

Плещет горькая волна,
Подымает муть со дна,
Где подводными лугами
Ходит сѣмужка кругами,
Где на Фроловой мели
Догнивают корабли.
Рыбой кáрбасы тарёны,
Волны дыбятся студёны,
«Ты убавь-ко ветерка», —
Просит кормщик земляка.
Взял тот в руку крест наперсный,
Поглядел, где берег Терский,
Птичье пёрышко достал
И в ладошку зашептал:
«Дух волны и дух воды,
Не чини ты нам беды,
Высока́ волна крута,
Бойся Божьего креста».
Море кáрбасы качает,
Злобный ветер лишь крепчает,
Бьёт по кáрбасам волна,
Камни двигает у дна.
Расступилось Бело морѣ,
Появились Зло и Горе,
Горе вырвало весло,
Закрутило кáрбас Зло
И кричит: «Устроим мену,
Предлагай честную цену!
Что, проситель, мне отдашь,
Чтобы было баш на баш?»

«Если будет власть Господня,
Забирай — меня — сегодня!
Одного за всех селян», —
Отвечает Северьян.
Громко Зло в ответ хохочет,
Северьяна брать не хочет,
Топит кáрбасы волной
Белопенной, зеленой.
Предлагает Северьяну:
«Отдавай за всех Ульяну
В ячею моих тенёт». —
«Многовато, не пойдёт!»
Зло волну крутую гонит,
От ударов кáрбас стонет,
Громко крикнул Северьян:
«Расступайся, окиян,
Обнажайся, дно морское,
Горе горькое людское,
Отступишь перед Христом!» —
И швырнул в волну крестом.
Обнажилось дно морское,
Горе крикнуло людское:
«Отступлюсь, но заберу
Северьянову сестру!»
И с последнею волною
Обвенчало с глубиною
Северьянову сестру
И исчезло на ветру.
Сразу волны укротились,
И поморы воротились
По попутным по ветрам
Без Ульяны по дворам.

Во дворе у Северьяна
К лету выросло бурьяна,
Подымается бурьян,
Что-то робит Северьян.
То ли коч, а то ли шняка,
Вицей шитая двояко,

Семь оструганных кокор
Туго вставлены в затвор,
Вгладь обшита, осмолёна,
Не страшна волна солёна,
Нагелями скреплена,
Нипочём ей глубина.
На Косму и Дамиана
Конопатка конопляна
Вкруг пробита по бортам
Со смолой напололам.
На Бориса и на Глеба
Положил в мешок он хлеба,
Корабель свой покрестил
И в волну его спустил.
У замшелого причала
Трижды чайка прокричала,
Ветер пал на парусок,
И ушёл он за мысок.

Гонит море волны злые,
Гребешки на них белые,
Ветер северный гудёт,
Кáрбас по морю идёт.
Как светило над сосною,
Блещет парус над волною,
Правит кáрбас Северьян
В Ледовитый окиян.
Только чайка-попрошайка
На корме его хозяйка —
Льдин пустынные края,
Ни людья и ни зверья.
А туда он кáрбас правит,
Где весло волну кровавит,
Где за триста лет взросло
На погибель людям Зло.

Как-то видит — даль темнеет,
Белый парус багрянеет.

Деревянный крест достал
Да на кáрбасе привстал,
Заслонил лицо ладонью,
Вынул пёрышко воронье,
Крепкий кáрбас раскачал,
Во весь голос закричал:
«Ветер, ветер, подувай,
Парусок мой надувай.
Выходи, морское Зло,
Чтоб крестом тебя сожгло!
Не отдашь добром сестру —
Божьей силой заберу!»
Волны вспенились высоко,
Бьют по кáрбасу жестоко,
Крепкий кáрбас на волне —
Что форель на быстрине.
Пена по ветру летает,
Волны спины выгибают,
Вьётся чайка над кормой,
Не вертается домой.
Северьян перо воронье
Шлёпнул об воду ладонью,
Не на шутку осерчал,
Громче ветра закричал:
«Зло людское, Зло морское,
Не видать тебе покоя,
Отдавай мою сестру,
Или силой заберу!»
Поднялась волна кругая
Да барашком завитая
Во всю неба ширину,
Кáрбас бросила ко дну;
Расступаются глубины
Перед кáрбасом, а льдины,
Как дневные облака,
Блещут светом свысока.
Северьян на дно ступает
И Ульяну обнимает

И, по слову своему,
Подымает на корму.

Год прошёл как не бывало.
«Знамо, Зло его забрало», —
Перемолвился народ,
Собирается на сход.
По согласию прихода
Не отпеть ли морехода?
И в субботу по дворам
Собираются во храм.
«Живый в помощи» запели —
Чайки в церковь залетели,
Бьют крылами в алтаре,
Не прогнать их по поре,
Свечи на пол побросали;
Глядь — идёт под парусами
Кáрбас, ветром обуян,
Правит кáрбас Северьян.
И сестра его Ульяна
С ним, живёхонька, румяна,
На широкой на корме,
Ако церковь на холме.

Пока сети мы вязали,
Эту быль мне рассказали,
Я запомнил этот сказ,
Приберёт его для вас.

ВАДИМ МЕСЯЦ

(р.1964). Поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта "Русский Гулливер". Творчество отмечено рядом международных премий, стихи и проза переведены на многие языки.

СТИХИ ДЛЯ ПРЕКРАСНОЙ ДАШИ

*

Папа с Дашею нашли
волосок от смерти.
И отправили его
лекарю в конверте.
Пусть чудесник принесёт
пользу государству,
и от смерти из него
сделает лекарство.

*

Папа Дашу научил
проходить сквозь стены
чтоб из школы убегать
во время перемены.
Но он дочь не научил
исчезать с урока,
что, по Дашиным словам,
подло и жестоко.

*

Папа приобрёл по блату
славное устройство —

делать сахарную вату
сладостного свойства.
Сахар кружит в центрифуге
тонко измельчаясь.
Вата прямо Даше в руки,
лезет, не кончаясь.

*

Даша путает названия
городов и весей.
Она девочку Алису
нарекла Алесей.
Перепутала Панаму
с солнечной Анапой.
Даша - маленькая дама.
Отдыхает с папой.

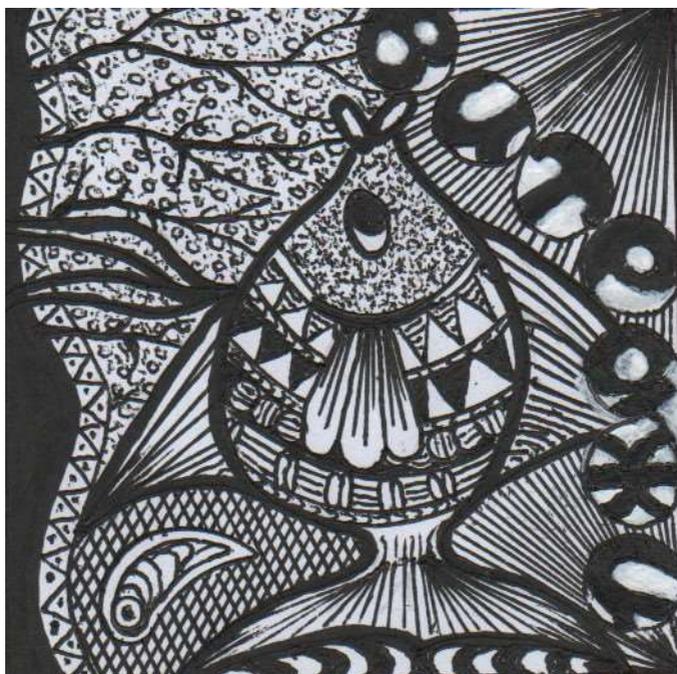
*

Холодно луне зимою
без шарфа и шапки.
У дельфина за кормою
тетки нет и бабки.
У философа Сократа
потерялась чаша.
Ты ни в чем не виновата.
Не печалься, Даша.

*

Мы картошкою в мундире
с Дашею питались.
Нас в коммерческом трактире
люди испугались.
Разбежались, повстречавшись
с чёрною заразой.
Если родилась красивой,
то побудь чумазой.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

**Илья Будницкий,
Василий Молодяков,
Владислав Резвый,
Александр Соболев,
Ярослав Старцев**

Русский поэтический канон: век XX, гамбургский счёт

Исходный замысел: откуда что взялось

В разных беседах о русской поэзии году так в 2020-2021 родилась идея: надо бы как-то упорядочить русский поэтический Олимп и попробовать наглядно представить, кто есть кто в русской поэзии XX века. По гамбургскому счёту.

Исходных предпосылок было несколько.

Во-первых, читательское представление о поэзии и, в значительной степени, читательские вкусы формируются школьной программой и массовыми изданиями. Можем ли мы доверить современной (или советской) школе и современным (или советским) массовым изданиям эту задачу? Не можем: цели, интересы и возможности у них совсем не гамбургские.

Во-вторых, многие поэты прежних лет открываются или переоткрываются только в последние десятилетия. Они не входили ни в одну школьную программу, они мало публиковались при жизни - или публиковались в местах, для отечественного читателя недоступных, - они недостаточно раскручены для современных издателей. Задача, таким образом, не в том, чтобы пересобрать и ранжировать уже известное, а в том, чтобы увидеть по возможности полную картину русской поэзии минувшего столетия, особенно - её вершины.

В-третьих, поэзия - как и культура в целом, - это всегда набор иерархий. У каждого читателя свои вкусы и предпочтения, но это не отменяет различия между гением и злободневным стихоплётom, между концентрированным выражением духа национальной литературы - и площадными куплетами, между образцами филигранной формы - и школярской рифмовкой. Иными словами, гамбургский счёт - это ранги, иерархии и рейтинги.

Сразу же оказалось, что такое количество предварительных условий исключает любое массовое голосование. Всякий народный рейтинг только показывает результаты работы средней школы, больших издательств и поэтических журналов (а в последнее время - ещё и иллюстрирует некоторые технологии сетевого маркетинга). Хотелось чего-то более взвешенного - но кто будет взвешивать? В стандартной социологии это называется "экспертный опрос". Отбор экспертов проводился просто: спрашивали знакомых (в стандартной социологии это называется "метод снежного кома"). Разумеется, знакомые должны были быть в курсе, иметь некоторый литературный опыт и бэкграунд - ну, и обладать достаточной профильной эрудицией, чтобы хорошо представлять себе творчество хотя бы двух-трёх сотен русскоязычных поэтов XX столетия.

В итоге собралась виртуальная компания из 5 человек: Василий Молодяков (историк и литературовед), Александр Соболев (писатель и литературовед), Илья Будницкий (поэт и культуртрегер), Владислав Резвый (редактор и переводчик), Ярослав Старцев (переводчик и политолог). Другие компании, наверное, как-то иначе структурировали бы русскую поэтическую культуру, но итоги оказались нам достаточно интересными для того, чтобы представить их на суд широкой публики. Дело оказалось не быстрым; когда мы узнали о проекте "Русский поэтический канон" журнала *Prosōdia* (а наш проект в рабочей версии именовался "Новый канон"), то убедились, что сюжет востребован, а различия в подходе делают два канона не дублирующимися и не конкурирующими, а взаимодополняющими.

Проблема, однако, заключалась в том, что просто живое обсуждение - да ещё и заторможенное неизбежной дистанционностью, - ни в какую убедительную систему само по себе не складывалось. Нужен был метод - и метод был найден.

Тест Витковского

Придуманый Е.В.Витковским (1950-2020) тест поэтического вкуса циркулировал в некоторых московских и ленинградских/петербургских кругах ещё с 1970-х годов; все участники самовольно организовавшегося экспертного кружка его на себе испытывали, кто-то - и не по разу. Тест, разумеется, был с подвохом (все, лично знавшие Евгения Витковского, поймут, почему "разумеется"; остальным... просто поверьте: такой уж был человек). Подвох очень простой: у теста нет ключа. Точнее, ключом был сам Витковский, составлявший для каждого тестируемого своего

рода рецензию на его поэтический вкус и поэтическую эрудицию - часто с ненавязчивыми советами относительно дальнейшего чтения.

Формулировки этого то ли диагностического теста, то ли пособия по саморазвитию несколько менялись с течением времени - но лучше дать слово самому Е.В.Витковскому, опубликовавшему финальную версию теста в своём Живом журнале:

"Тест Витковского

"...а потом пришел лесник..."

(народная мудрость)

Этот тест гуляет по сети, до того гулял по самиздату. Между тем тест этот всё-таки разработан мной, да и те, кто заполнял ответы на него год-два-три-десять тому назад, теперь, глядишь, поменяли взгляды и вкусы.

Поэтому вывешиваю его здесь всерьёз и надолго. Оговариваюсь: он касается только русской поэзии XX века, о прозе в другой раз, о нерусской поэзии тем более, о переводной и вовсе отдельно.

Если кому-то покажутся интересными выводы, которые извлекаются из этого теста - сообщу их либо по мылу, либо прямо здесь, как желающий захочет. Единственная просьба - соблюдать условия.

ТЕСТ

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ГЛАВНЫХ

Обдумайте, кто из русских поэтов XX века – ваши любимые, ваши «главные». Это не иерархия ценностей, это – ваша книжная полка. Ответ на вопрос «что есть XX век» такой (даю подсказку): Случевский – это ещё XIX век, ибо 99% написал всё-таки до 1900 года, Владимир Соловьёв – тоже, а вот Анненский – уже XX век, ибо если у него и есть о чем разговаривать, то это все создано после 1901 года, родился он в 1856 году, все прочие, кто могут прийти Вам в голову, неизбежно окажутся моложе. Не ограничивайтесь «Серебряным веком». Хоть своих знакомых пишите, но это должна быть именно «оригинальная поэзия», а не «Переводы <такого-то> из Борхеса», как мне один хороший человек написал. Последняя оговорка: всё-таки на дворе XXI век, но то, что написано в ещё не истекшие пять лет, пока давайте рассматривать вместе с поэтами XX века.

Ну, а теперь расположите имена поэтов в следующем порядке:

1. Первая тройка – не первый, второй, третий, а именно «трое любимых», без определения, кто кого главнее.
2. Вторая двойка: кто-то неизбежно в «первые» не поместился – впишите их сюда. Образовалась «первая пятёрка»
3. Вторая пятёрка: «места с шестого по десятое включительно». Не ломайте голову, кто «шестой», кто «десятый» – пишите подряд, но именно столько, сколько сказано.
4. Вторая десятка на тех же условиях: «места» с одиннадцатого по двадцатое, тоже без определения «кто за кем».
5. Последняя пятёрка. Сюда впишите тех поэтов, которые – Вы это понимаете – на «великие» не тянут, но кто важен для Вас лично.
6. Последнее – факультатив (можно и не отвечать). Напишите несколько (не больше пяти) поэтов, вызывающих у вас резкую антипатию.

Перепишите анкету набело, проставьте подпись и дату – и пришлите мне.

Е. Витковский. " (<https://witkowsky.livejournal.com/682.html>, 16.07.2018)

Прислать, увы, уже не получится.

Между тем, сам подход показался нам чрезвычайно плодотворным, - тем более, что он хорошо ложится на некоторые литературоведческие и социологические методики, и даже на ряд методов разработки искусственного интеллекта и в этом смысле - неслучаен.

Понадобилась, однако, некоторая корректировка: 25 поэтов - хороший индивидуальный запас, но такого количества маловато для всего русского XX века. Поэтому в качестве экспертной процедуры мы взяли тест Витковского *as is*, но умножили размер каждого кластера на 3: вместо первой тройки получилась девятка, вместо первой пятёрки - 15 имён и так далее. Каждый из экспертов должен был составить свой список из 75 имён, разбитых на пять категорий. В крайне маловероятном случае полного совпадения вкусов и предпочтений у нас получилось бы 75 ранжированных по их литературной значимости поэтов; в столь же маловероятном случае полного расхождения по всем позициям их вышло бы 375.

Верхнюю границу XX века определили так: поэты, чьё творчество в основном завершилось в XX веке. С учётом времени составления рейтинга - исключая живущих, или почти.

Дальше - цифры.

Методика подсчёта

Где рейтинги - там баллы. Каждый пункт теста («первая тройка» - у нас первая девятка, - и т. д.) должен был оцениваться в какое-то количество баллов, по нисходящей. Количество баллов одинаково для каждого пункта: в «первой девятке» каждый названный поэт получал одинаковое количество баллов для каждого участника и т.д.

Мы перебрали довольно много способов подсчёта — перевода ответов на тест в баллы, - каждый из которых давал несколько различающиеся результаты. Список поэтов первого ряда от перемены способа подсчёта практически не менялся, за вычетом одной-двух фамилий, оказывавшихся в пограничье: по одной методике они замыкали первый ряд, по другой — начинали второй. Точно так же не возникало разночтений при определении «хвоста» - поэтов, которых назвал только один из участников, причём в категории «любимые, но малозначимые» (пятый пункт теста). Больше всего неоднозначностей было на границе между вторым и третьим рядом и на границе между третьим рядом и «хвостом». Например: если кто-то из участников отнёс поэта N к первой девятке, т. е. счёл одним из самых значимых, а остальные не упомянули вовсе, или вспомнили в пункте 5, среди малозначимых — чему доверять больше: оценке одного участника или мнению большинства? Другой пример: какого-то поэта назвали все или почти все участники, но только в категории 5, как малозначимого, хоть и любимого; за счёт суммирования баллов он может оказаться почти в самом топе. Чему доверять больше: совокупной экспертной оценке поэта как звезды малой величины, или регулярности его упоминания, когда количество совпадений влияет на рейтинг? Разумеется, за счёт этого разные методики давали и разное количество поэтов, достойных включения в нашу виртуальную антологию.

В итоге остановились на разбалловке, которая 1) позволяет уравновесить место автора в поэтической иерархии, отданное ему хоть кем-то из участников, и количество поданных за него голосов (с учётом места), 2) гарантирует, что никто из поэтов, отнесённых к первому ряду хоть одним участником, не опустится до последнего, 3) гарантирует, что ни один из поэтов последнего ряда не окажется в первом ряду просто потому, что о нём все вспомнили. Кроме того, она поддаётся логическому объяснению, сравнительно легко раскладывается на три ряда (уровня) — больше вряд ли стоит делать, - но и не позволяет «продвинуть» или «отодвинуть» какого-то поэта за счёт одного или двух

голосов. Наконец, итоговая ранжировка выглядит вполне гармонично по составу: скажем, условный Мандельштам не оказывается в одной категории с условным Рубцовым, - что, согласитесь, было бы странно, вне зависимости от индивидуального отношения к этим поэтам (другие методики подсчёта иногда создавали такие парадоксальные ситуации). Сама итоговая методика выглядит следующим образом.

Все поэты, отнесённые к пятому пункту («любимые малозначимые») получили на старте по 2 балла для каждой анкеты (у каждого участника). Таким образом, если поэта упоминали в этой категории два эксперта, его итоговый балл был 4, если его упоминали в той же категории трое - 6 и т.д.

Пункты 3 и 4 явно связаны друг с другом, но всё же следует учитывать, кто приходит в голову первым — и кажется чуть более значимым, - а кто вторым. Поэтому разрыв между пп. 3 и 4 должен быть небольшим — меньше, чем между пп. 4 и 5, например. Делаем поправку на количество участников и получаем следующее: каждый поэт из п. 4 получает в каждой анкете по 6 баллов (2x3), каждый поэт из п. 3 — по 8 баллов (2x4). По той же схеме, каждый поэт из п.2 получает по 18 баллов (6x3), а из п. 1 — по 24 балла (8x3). Если, скажем, поэт N одним экспертом отнесён к первой категории (24 балла), другим - ко второй (18 баллов), ещё одним - к третьей (8 баллов), а двумя другими не упомянут вовсе, то его суммарный вес - 50 баллов; если какой-то поэт четырьмя экспертами отнесён к третьему пункту, а пятым - к четвёртому, его суммарный вес равен 38 баллам (8x4 + 6).

Таким образом, поэт может перейти в более высокую категорию только если уровнем ниже за него проголосовали не менее трёх участников, - но не может только за счёт этого перескочить через уровень. Наоборот, поэт, хоть кем-то отнесённый к самому высокому уровню (п. 1, «первая девятка») получает своего рода несгораемый капитал, который не позволит ему опуститься, если кандидатура не поддержана другими участниками, ниже следующего уровня (точнее, это возможно, но только в одном случае: если остальные участники вообще про него не вспомнили, - но и тогда он гарантированно не выпадет из общего списка, не останется в «хвосте»).

После этого все баллы суммировались и сформировался финальный рейтинговый список, где каждому имени соответствует набранное им количество баллов.

В итоге получилось 205 хотя бы раз упомянутых поэтов, с ожидаемой неравномерностью распределения: 42 «двоечника» (упомянутых лишь

единожды в категории «на великие не тянут, но важны для Вас лично» и получивших в сумме по 2 балла); 41 автор, получивший 6 баллов (трижды упомянутые в последней категории, или один раз — в четвёртой категории) — и так далее, по убывающей, т. е. - чем больше количество баллов, тем меньше набравших их поэтов. В целом распределение выглядит статистически нормальным.

Поскольку 205 имён — и соответствующий им объём текстов — представляют собой слишком большое количество для сколько-нибудь вмняемой панорамы, пришлось обрубить «хвосты». В результате в итоговый рейтинг не вошли «двоечники» (уникальные индивидуальные пристрастия, никем более не упомянутые), "четвёрочки" и «шестёрочки» (единожды названные в п. 4 или — крайне редко — упомянутые двумя-тремя участниками в категории «любимые, но малозначимые»).

Границы между рейтинговыми группами в оставшемся после отсеечения списке (122 имени) определялись следующим образом. За основу брался разрыв в количестве баллов, набранных каждым автором: отсчитываем от верхушки таким образом, пока счёт не дойдёт до поэта, чей рейтинг отличается от лидера более, чем вдвое. Такой подход кажется осмысленным с содержательной точки зрения: вряд ли поэтов, чей суммарный рейтинг различается более, чем вдвое, стоит относить к одной группе. В случае с поэтами первого ряда произошла естественная кластеризация: разрыв между четырнадцатым в этом рейтинговом списке поэтом (Ф.Сологуб) и следующим после него (В.Щировский) составляет 4 балла — это больше, чем в оставшейся части списка. Иными словами, выше этой границы разрыв может быть и больше (14 баллов между И.Бродским и Г.Ивановым), а вот ниже границы — разрыв между следующими друг за другом поэтами не превышает 2 балла. Своего рода слом кривой, если всё это представлять в виде графика: дальше она становится гораздо более полой. При этом разрыв между количеством баллов у Ф.Сологуба и у вершины списка (поровну у О.Мандельштама и И.Бродского) — ровно в два раза. Все, кто выше этой границы — первый ряд. Повторяем процедуру, отмеряя такое же количество баллов от верхнего поэта оставшегося списка: перебираем рейтинг, пока не доходим до авторов, чья сумма баллов вдвое меньше, чем у первого имени (В.Щировский). Это — второй ряд. Все оставшиеся укладываются в ту же формулу и составляют третий ряд.

Собственно рейтинг: русские поэты XX века по их значимости

Каждый список - по убыванию количества набранных баллов.

1-й ряд (14 поэтов):

Осип Мандельштам (1891-1938)
Иосиф Бродский (1940-1996)
Георгий Иванов (1894-1958)
Бенедикт Лившиц (1887-1938)
Сергей Петров (1911-1988)
Георгий Шенгели (1894-1956)
Александр Блок (1880-1921)
Валерий Брюсов (1873-1924)
Николай Заболоцкий (1903-1958)
Владислав Ходасевич (1886-1939)
Иннокентий Анненский (1855-1909)
Владимир Державин (1908-1975)
Борис Божнев (1898-1969)
Фёдор Сологуб (1863-1927)

2-й ряд (45 поэтов)

Владимир Щировский (1909-1941)
Михаил Кузмин (1872-1936)
Марк Тарловский (1902-1952)
Николай Гумилёв (1886-1921)
Арсений Тарковский (1907-1989)
Велимир Хлебников (1885-1922)
Даниил Андреев (1906-1959)
Николай Минаев (1895-1967)
Юрий Верховский (1878-1956)
Илья Зданевич (1894-1975)
Георгий Маслов (1895-1920)
Лев Лосев (1937-2009)
Александр Големба (1922-1979)
Аркадий Штейнберг (1907-1984)
Валерий Перелешин (1913-1992)
Марина Цветаева (1892-1941)
Василий Комаровский (1881-1914)
Бенедикт Дукельский (1886-1940)
Арсений Несмелов (1889-1945)
Арсений Альвинг (1885-1942)

Сергей Спасский (1898-1956)
Вера Меркурьева (1876-1943)
Андрей Белый (1880-1934)
Зинаида Гиппиус (1869-1945)
Георгий Голохвастов (1882-1963)
Владимир Маккавейский (1893-1920)
Алексей Лозина-Лозинский (1886-1916)
Александр Кочетков (1900-1953)
Сергей Марков (1906-1979)
Саша Чёрный (1880-1932)
Вадим Шефнер (1914-2002)
Владимир Набоков (1899-1977)
Игорь Северянин (1887-1941)
Иван Бунин (1870-1953)
Владимир Высоцкий (1938-1980)
Борис Пастернак (1890-1960)
Антонин Ладинский (1895-1961)
Владимир Нарбут (1888-1938)
Анна Ахматова (1889-1966)
Любовь Столица (1884-1934)
Александр Введенский (1904-1941)
Ирина Бушман (1921-2006)
Анна Присманова (1892-1960)
Максимилиан Волошин (1877-1932)
Артур Хоминский (1888- после 1915)

3-й ряд (63 автора)

Николай Моршен (1917-2001)
Лидия Алексеева (1909-1989)
Николай Рубцов (1936-1971)
София Прегель (1897-1972)
Александр Галич (1918-1977)
Григорий Ширман (1898-1956)
Владимир Корвин-Пиотровский (1891-1966)
Константин Липскеров (1889-1954)
Игорь Чиннов (1909-1996)
Георгий Оболдуев (1898-1954)
Эдуард Багрицкий (1895-1934)
Илья Сельвинский (1899-1968)

Дмитрий Кедрин (1907-1945)
Вячеслав Иванов (1866-1949)
Даниил Хармс (1905-1942)
Константин Бальмонт (1867-1942)
Мария Шкапская (1891-1962)
Валериан Бородаевский (1874-1923)
Александр Гингер (1897-1965)
Владимир Вейдле (1895-1979)
Анатолий Штейгер (1907-1944)
Юрий Одарченко (1903-1960)
Освальд Бургардт (1891-1947)
Николай Асеев (1889-1963)
Павел Антокольский (1896-1978)
Борис Слуцкий (1919-1986)
Николай Клюев (1884-1937)
Николай Глазков (1919-1979)
Сергей Есенин (1895-1925)
Константин Вагинов (1899-1934)
Сергей Рафальский (1896-1981)
Иван Елагин (1918-1987)
Сергей Соловьёв (1885-1942)
Вячеслав Лебедев (1896-1969)
Алла Головина (1909-1987)
Владимир Смоленский (1901-1961)
Борис Филиппов (1905-1991)
Дмитрий Кленовский (1893-1976)
Юрий Терапиано (1892-1980)
Юрий Левитанский (1922-1996)
Николай Оцуп (1894-1958)
Николай Щёголев (1910-1975)
Борис Садовской (1881-1952)
Михаил Зенкевич (1886-1973)
Александр Твардовский (1910-1971)
Корней Чуковский (1882-1969)
Павел Зальцман (1912-1985)
Семён Кирсанов (1906-1972)
Соломон Барт (1886-1941)
Дон-Аминадо (1888-1957)
Сергей Маковский (1877-1962)

Николай Тарусский (1903-1943)
Георгий Адамович (1892-1972)
Вильгельм Зоргенфрей (1882-1938)
Давид Самойлов (1920-1990)
Георгий Мосешвили (1955-2008)
Владимир Луговской (1901-1957)
Рюрик Ивнев (1891-1981)
Дмитрий Олерон (1884-1918)
Владимир Злобин (1894-1967)
Александр Кондратьев (1876-1967)
Михаил Малишевский (1896-1955)
Владимир Пяст (1886-1940)

Итого: 122 автора

Оправдательная записка: феномен Маяковского *e tutti quanti*

Без пояснений, комментариев и уточнений не обойтись - хотя, что тут, казалось бы, объяснять? Всё решили математика и стартовая выборка экспертов.

И тем не менее.

Начнём с того, что в ходе обсуждения получило рабочий ярлык "феномен Маяковского", поскольку именно отсутствие Владимира Маяковского в итоговом рейтинге, даже на последних местах, кажется самым заметным зиянием. Маяковский устойчиво лидировал в антирейтинге (п.6 "теста Витковского"). Всем экспертам было предложено сформировать свой антирейтинг, т.е. - заполнить шестой пункт, но не все согласились это делать (а кто-то наоборот не смог уложиться в отведённое количество и набросал список на полстраницы). В результате учитывать антирейтинг при расчётах мы не стали, но он и так проявился достаточно очевидным образом.

Дело в том, что все эксперты несколько старше 30 лет, в силу этого - ушиблены советской образовательной системой, и ушибленность эта им очень не понравилась и повлияла на поэтические предпочтения.

Поколенческий сдвиг выборки: весь советский поэтический официоз внушал такое неприятие, что - несмотря на усилия отдельных экспертов, - ни Маяковский, ни Евтушенко, ни Рождественский или Вознесенский не прошли порогового отсева, оставшись в обрубленном "хвосте" (хоть по одному разу среди третьеразрядных поэтов их упоминали, но - недостаточно). Возможно, эти поэты заслуживают более высокого места

- но не у нашего поколения (не у наших поколений, если уж быть точным) об этом спрашивать: слишком сильно предубеждение.

Ещё один перекося выборки, очевидный с самого начала - гендерный: в кругу экспертов - одни мужчины. Но на этот счёт мы спокойны: в итоговом рейтинге оказалось больше поэтесс, чем в любом другом встречавшемся нам списке подобного рода (если, конечно, не учитывать специальные подборки женской поэзии).

Итоговый рейтинг явно смещён в сторону поэзии Серебряного века, - пусть и не сильно, представлено всё столетие. Ну, что ж делать, если русская поэзия развивалась именно так.

Как обычно и бывает, меньше всего разногласий было по поводу первых мест, хотя даже лидеры не набрали заветных 120 баллов, т.е. - не вошли в "первую девятку" у всех пятерых авторов-составителей. Чем ближе к концу списка - тем больше было изумлённых восклицаний (ну надо же, и этого вспомнили!), но резкого отторжения не было и там. Мы не делали различий между жанрами: какие-то поэты и поэтессы заслужили своё место в рейтинге лирикой, кто-то - поэмами, кто-то - песенными текстами, диапазон - от вариаций на античные темы до революционной поэзии или детских стихов.

Главное, в конце концов, личное отношение: то, что мы читаем сами и что готовы разделить с другими.

ЕЛЕНА МОРДОВИНА

Проозаик, переводчик, литературный редактор.

Заместитель главного редактора литературного журнала «Крецатик». Главный редактор издательства «Каяла».

Автор четырех книг: «Восковые куклы» (2010), «Баланс белого» (Каяла, Киев, 2016), «Призрак с Лукьяновки» (Каяла, Киев, 2017), «О пів на смерть» (Каяла, Киев, 2023). С 2022 года живет и работает в Нидерландах.

Ха-Яркон — творение гениев и выдающихся аферистов

Когда я переводила сборник поэзии израильской поэтессы Лали Ципи Михаэли, то почему-то решила, что «Сумасшедшим домом» она называет свое жилище просто потому, что оно похоже на коммуну хиппи: там постоянно тусуются художники, музыканты, геи и просто странные личности. Кто-то играет на роскошном белом «Шиммеле», кто-то рассматривает скульптуры Кадишмана, а кто-то варит кофе на кухне или забывает косяк. Каково же было мое удивление, когда по приезду в Тель-Авив оказалось, что «Сумасшедший дом» — это одно из самых известных зданий города, и мне выпало огромное счастье побывать в апартаментах на одном из верхних этажей, где, собственно, и живет Лали.

Ха-Яркон — красивейшая улица вдоль побережья Средиземного моря — создавалась гениями, безумцами и откровенными аферистами. Она пролегает вдоль тель-авивской набережной, являясь продолжением улицы Кауфмана, которая тянется прямо от старого города Яффы. Роскошные пальмы, беснующиеся вдоль кромки серого Средиземного моря во время шторма, Британское посольство, «Шератон», «Хилтон», стекло, сталь и бетон, охранники у ворот зданий — так чопорно и не всегда ласково встречает гостей одна из главных улиц Тель-Авива.

Улица стала активно застраиваться в начале двадцатого века, когда Тель-Авив, изначально планировавшийся как пригород древнего города Яффо, стал стремительно разрастаться.

Застройка города происходила эклектично, что в полной мере нашло отображение в облике улицы ха-Яркон. Со всего мира в Тель-Авив съезжаются ценители немецкой архитектурной школы «Баухауз», один из элегантнейших образцов которой, дом Рейсфельда, находится как раз на улице ха-Яркон. Архитектор Пинхас Бизунски построил здание в 1935 году, а во время реконструкции в 2012 году, не нарушая общего плана основателя, современные архитекторы за основным массивом здания пристроили стеклянный девятиэтажный корпус, который ничуть не испортил историческое здание, а только подчеркнул плавность линий белого Н-образного строения с балконами закругленной формы.

Динамичность, лаконичность и текучесть зданий Белого города — условного квартала Тель-Авива эпохи раннего модернизма, возведенного в 30-х годах в основном архитекторами школы «Баухауз», продолжает поражать взгляд современного путешественника, казалось бы, уже пересыщенного всеми зрелищами мира. Неудивительно, что в 2003 Белый город был внесен в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО за «выдающийся пример нового градостроительства и архитектуры начала XX века».

Таким же важным элементом Белого города является Бейт-Усышкин — дом Менахема Усышкина, идеолога и практика еврейского заселения Палестины, делегата первого Всемирного сионистского конгресса и председателя Одесского палестинского комитета. Основатель множества еврейских поселений на территории Палестины, в числе которых Эйн-Ганим, Беэр-Яаков, Нахалат-Иехуда и Кфар-Малаль, жил на улице Яркон вплоть до своей смерти в 1941 году. Удивительное по своему архитектурному решению здание, с башенками и стрельчатыми аркадами, орнаментированное растительными барельефами, до 1992 года было заброшено. И только когда внук Усышкина продал его для возведения на этом месте 23-этажного жилого здания, о нем снова заговорили. Жители Тель-Авива не позволили палестинскому деятелю Ахмеду Тиби разместить там представительство ООП, после чего здание было продано иностранцу — и теперь там только офисы, жилые помещения и гостиничные номера.

Органичную связь между городским пространством и морским побережьем символизирует собой и одно из самых известных современных зданий Тель-Авива — «Сумасшедший дом» (Бейт ха-

Мишуга). Удивительное творение архитектора Леона Гинева, сирийца по происхождению, унаследовало принципы и элементы творчества великого Гауди. Со стороны фасада, обращенного к морю — это однозначная апелляция к его волнистым фантазмагорическим конструкциям и функциональным пустотам (прослеживается явная связь с барселонским Casa Milà).

А со стороны переулка мы видим как будто совершенно иное здание — это уютное «возвращение с моря» — почти «домашняя» ажурная бетонная конструкция, орнаментацией по осевой линии напоминающая этажерку для цветов, где вместо цветов высажены оливковые и олеандровые деревья. А песочного цвета панели по сторонам здания щедро украшены анималистическими барельефами — лепными котиками и птичками — а также какими-то странными летящими англами. Привольно изогнутые ограды и скамейки вокруг здания также исполнены в псевдо-гаудианском стиле.

Ночью, в свете городских огней, здание смотрится совершенно фантастически. Архитектору потребовалось несколько лет, чтобы ему позволили воплотить свое «безумное» творенье.

*Теперь я живу
В сумасшедшем доме
С видом на море
На пристань и сад
И обнаженный мужчина на балконе
Держит меня за руку*

Несколько коротких строчек израильской поэтессы Лали Ципи Михаэли (Lali Tsipi Michaeli) как нельзя лучше отражают неординарный дух этого загадочного здания.

*I live now
In the Mad house
Looking out to the sea view
To the dock and the garden
And the naked man on the balcony
Is holding my hand*

Но не только гениальные безумцы вносили вклад в создание облика этой эклектичной улицы. Руку приложили и знаменитые аферисты, такие как

османский губернатор Яффы 1914-1916 годов Хасан-бек. Самодур и большой любитель кинематографа — он каждый вечер при посещении кинотеатра «Эден» прихватывал выручку заведения, а когда владельцы в один прекрасный день поинтересовались правомочностью таких действий, заверил их, что собирает деньги на новую мечеть. Когда же мусульманское население города так потребовало с него мечеть, он созвал его богатейших жителей и попытался «стрясти» эти деньги с них. Постройка в таких условиях, естественно, затянулась надолго, при том даже, что к строительству щедро привлекалась бесплатная рабочая сила. Мечеть решили возвести подальше от Яффы — чтобы «пометить территорию» и оградить прилегающие территории от сионистов. Теперь она так и называется в честь старого удачливого афериста — простите, губернатора: мечеть Хасан-бек. Во время арабо-израильской войны мечеть часто использовалась арабскими снайперами, затем там размещались конторы Федерации труда и детский сад (Израиль — простите за банальность — страна контрастов), а с 60-х годов она и вовсе была заброшена. Мечеть была реставрирована и полноценно функционирует с 1994 года. Она также открыта для экскурсий.

Архитектор Зеэв Рехтер, уроженец села Ковалевка Херсонской губернии и выпускник технического училища города Николаева — один из ведущих израильских архитекторов середины XX столетия, создатель здания сионистских конгрессов в Иерусалиме и множества знаковых зданий Тель-Авива, увенчал своим твореньем и эту улицу, его эlegantное строение в интернациональном стиле расположено по адресу ха-Яркон, 70.

Один из лучших видов на улицу Яркон открывается с крыши эффектного 23-этажного здания Мигдаль ха-Опера, строительство которого завершилось в 1993 году. Оно было воздвигнуто на месте кинотеатра «Кессем», в котором с 1948 года заседал израильский Кнессет первого созыва. Через год парламент переехал в Иерусалим, а в старом здании вплоть до 1982 года выступала израильская опера.

Конкуренцию Мигдаль ха-Опера может составить только отель «Исротель Тауэр» — современный небоскреб, являющийся четкой архитектурной доминантой, фаллически возвышающейся над общим уровнем городской застройки и пляжами — на него, к стати, очень удобно ориентироваться, если немного заблудился на прибрежной

полосе, представляющей из себя череду пляжей: пляж Калипсо, пляж Фришмана, пляж Буграшова, пляж Трампельдор, пляж Тель-Авив — все они тянутся широкой лентой параллельно нашей улице ха-Яркон.

В хорошую погоду, когда пляжи полны народу и звенят от восторженных криков играющих в пляжный ракетбол (по-местному — «маткот»), одно из любимейших развлечений израильтян), на этой улице хочется остаться навсегда.

ЮЛИЯ СТАРЦЕВА

ИСТОРИЯ ПОДЛИННАЯ И АЛЬТЕРНАТИВНАЯ

К 130-летию Ю.Н. Тынянова

1

В моей голове сыздетства обустроен собственный Гамбург, и первенство среди исторических романистов вместе с ключами от города безраздельно принадлежит Юрию Тынянову.

«Красный граф» спроважен мною в лакейскую.

Чапыгин, Шишков, Сергей Бородин, Василий Ян — все они обретаются на торгу, каждый в собственной лавке, с неплохим товаром.

А вот Пикули-какули и прочие соцреалисты («у-ух, движение народных масс!.. и-эх, смерть царям-вельможам-попам-купцам-эксплуататорам трудового народа!») до того славного города даже не добрались. Не доехало их квадратное колесо до Гамбурга.

2

...Ещё ничего не было решено.

Никаких революций. Бог спас. Помиловал Россию.

Вообразим: молодой Юрий Тынянов в выигрыше при старой русской власти: сын богатых евреев, блестяще окончивший гимназию (с медалью), он имеет дозволение проживать в столице. Гершензон и Венгеров хороши с молодым пушкинистом «из наших». Можно писать блестящие сочинения из российской истории, не всё же Мережковскому клеветать на великие тени.

А чернь он не любил, и «взвейтесь да развейтесь!» ему были тошны.

Страх перед «Софьей Власьевной» тогда не терзал бы его, не довёл до неизлечимой нервной болезни и попытки самоубийства.

Но увы! Тынянов тоже проиграл в ту величайшую катастрофу, когда всё потерял сам русский народ, к чьей истории и религии филолог относился с холодной насмешкой *чужого*.

3

Гениальный стиль формалиста неизменно восхищает меня: «остранение» и отстранение. Ритм фразы и эквилибристика неожиданных сравнений.

Да, главное – ритм, когда длинный период сменяется кинжально-отточенной фразой или одним-единственным необходимым словом. Что же до содержания – о, это типовые «тюрьма народов», «венценосные

болваны» и «погиб поэт, невольник чести». Шаблоны, советские шаблоны. Но техника словесного воплощения выше всех похвал. Вопреки традициям юбилейного славословия, поговорим честно о тыняновских неудачах. Даже в любимой мною и наизусть знаемой «Восковой персоне» линия крестьянской семьи Якова шестипалого пришта грубыми стежками; в реальности восковое подобие Петра не имело механизма и не вставало, помавая рукой. В «Смерти Вазир-Мухтара» исторических неточностей и ненужных длиннот немало. «Пушкин» не удался ему вовсе. Характерно замечание Аркадия Белинкова: *«Если бы прав был Тынянов, то «Медный всадник» написан бы не был. Но «Медный всадник» был написан, и историческая концепция поэмы была правильной. Писать о Петре так, как будто бы «Медного всадника» не было, оказалось невозможно. Оставалось вступить с поэмой в спор. Тынянов вступил в спор и потерпел поражение».* (Прибавлю: так ведь и «кафли завелись», вопреки тыняновскому утверждению.)

4

Задумаемся теперь о двойниках. Сопоставим столь разные фигуры, как Тынянов и Садовской: ирония сходства тяжёлой болезни (оба заключенные в комнатах), разность мировоззрений. Вот кому был дан поистине пушкинский язык – Борису Садовскому. Однако Садовской был русским православным человеком, монархистом, и под его пером русская история имеет метафизическое измерение и выход из кромешной тьмы – лестницу в небо. У Тынянова же длится грустный inferнальный кошмар.

В ту пору жил ещё один развесёлый служитель трагической музыки Клио, борзописец Алёшка Толстой. Занятно, что Тынянов страстно, до разлития желчи, завидовал массовому успеху безразмерного толстовского «Петра I» – и это выглядит столь же нелепо, как если бы изысканный ювелир позавидовал деревенскому кузнецу. («Тынянов был не ко двору и не ко времени», заметил о нем после его кончины Эренбург.)

В наши дни явился Александр Кузьменков, трагический продолжатель «Кюхли». «Текстами Кузьменкова можно ритуально вызывать Барона Субботу», сострил кто-то из читателей на «Флибусте». Ещё один писатель, который пришёлся современникам не ко двору и не ко времени, вывернул наизнанку «Кюхлю», жестоко глумясь над тыняновским героем и его любезными друзьями. Основной тезис его

«Десятой годовщины», написанной в жанре АУ (альтернативной истории): «Нет, при декабристах лучше бы не стало, нежели при Николае Павловиче». Кузьменков опрокидывает все мифы интеллигентского «декабристолоббия» и культа Пушкина, противоречит ограниченности устоявшегося взгляда на исторические события, не боясь вызвать ярость ценителей «Пушкина» и «Кюхли». Не без желчи! Однако сам Тынянов утверждал: «Есть документы парадные, и они врут, как люди... Не верьте, дойдите до границы документа, продырявьте его» («Как мы пишем»).

Подлинная история всегда жила за границами официальных документов. У исторической прозы есть собственная правда и логика. Не знаю, принял бы Тынянов версию Кузьменкова как вариант исторической правды или пришёл бы в негодование...

«Приют снегу давали лишь ветви, — впрочем, не они одни: бронзовый болван Ермолова поседел и примерил эполеты неизвестного полка». Кто из них двоих написал эту замечательную фразу?

(Ядовитейшую антиутопию с декабристами-победителями, за авторством А.А. Кузьменкова, удалось переиздать микроскопическим тиражом в 2023 году, к восьмидесятилетию со дня кончины Тынянова. Желающие приобрести «Десятую годовщину», извольте адресоваться ко мне, в ЖЖ yu-sinilga.)

5

И всё же Тынянов был истинный поэт. Чего стоит смерть Петра Великого в «Восковой персоне»:

«И прощай, море, и прощай, печь.

Прощайте, прекрасные палаты, более не ходить по вас!

Прощай, веря, верейка! На тебе не отправляться к Сенату!

Не дожидайся! Команду распустить, жалованье выдать!

Прощайте, кортик с португеей! Кафтан! Туфли!

Прощай, море! Сердитое!

Паруса тоже, прощайте!

Канаты просмоленные!

Морской ветер, устерсы!

Парусное дело, фабрические дворы, прощайте!

Дело навигацкое и ружейное!

И ты тоже прощай, шерстобитное дело и валяное дело!

И дело мундира!

Еще прощай, рудный розыск, горы, глубокие, с духотой!

В мьленью сходить, испариться!

Малвазии выпить доктора запрещают!

Еще прощай, адмиральский час, австерия, и вольный дом, и неистовые дома, и охотные бабы, и белые ноги, и домашняя забава! Та приятная работа!

Петергофский огород, прощай! Великолуцкие грабины, липы амстердамские!

Прощайте, господа иностранные государства! Лев Свейский, Змей Китайский!

И ты тоже прощай, немалый корабль!

И неизвестно, на кого тебя оставлять!».

17-18 октября 2024 г.,

Петербург

ЯРОСЛАВ СТАРЦЕВ

Путь стихов к читателю: две истории из XV века

История первая: о скандально неизвестном стихотворении Франсуа Вийона

Всё началось в середине XV века. Вернувшийся после четвертьвекового английского плена хозяин замка в Блуа, герцог Карл Орлеанский (1394-1465), проводил немало поэтических состязаний, задавая первую строку – и, тем самым, лирическую тему, – которую участники должны были продолжить, сочинив балладу или рондо. Разумеется, и сам герцог, один из ярчайших поэтов своего времени, писал такое стихотворение.

Подобных «конкурсов в Блуа» известно около полудюжины; тексты сохранились благодаря двум тетрадам стихов самого Карла, куда вписывались и произведения других сочинителей, оказавшихся при дворе. Скорее всего, эти поэтические состязания проводились именно как растянутые во времени сочинения на заданную тему — в отличие от более ранней труверской традиции с публичными выступлениями, конкурсным жюри и определением победителя.

Дальнейший ход событий во многом распутан нидерландским филологом Гертом Пинкнереллом. В конце 1457 — начале 1458 года Франсуа Вийон (ок. 1431-1463\1491) оказывается при дворе Карла в Блуа, где включается в заполнение альбома - «участвует в конкурсе». Судя по тому, что только три стихотворения написаны одной рукой (а одно из них помечено на полях «Вийон», другое подписано в тексте), речь идёт об автографе поэта, единственном сохранившемся. Три стихотворения: Баллада конкурса в Блуа («от жажды умираю над ручьём»), Послание к Марии Орлеанской и Франко-латинская баллада (все названия условны и даны публикаторами последующих столетий).

Увы, тетради хранились в архиве Орлеанского дома, а затем — в королевской библиотеке; издателям и литературоведам они были недоступны до XVIII века, и первые читатели Вийона этих текстов не знали. В начале XVIII в. библиотека открывается для широкой публики, и в список вийоновых произведений включается открытая усилиями библиофилов «конкурсная» баллада «От жажды умираю над ручьём...», сразу же ставшая одним из самых популярных его текстов; к началу XIX в. в тех же тетрадях обнаруживают послание к герцогине, завершающееся строкой «Школяр ваш бедный, Франсуа» - и его тоже включают в канон. Итоговый список произведений Вийона закрепляется

в издании Жана-Анри-Ромэна Промсо 1832 г. и воспроизводится до конца столетия.

В 1890 г. нидерландский филолог Виллем Бейванк выясняет, что конкурсный раздел герцогской тетради заполнен разными почерками, по одному на балладу — и к вийоновской балладе, как и «Посланию», примыкает ещё один текст, написанный той же рукой. (До того исследователи предпочитали пользоваться вторым экземпляром тетрадей, переписанным набело одним почерком и гораздо более удобочитаемым). Отсюда — один шаг до вывода, что авторы вписывали свои произведения сами, а Вийону, следовательно, принадлежит и франко-латинская баллада. Содержательно это тоже нечто вроде конкурса, но самовольного и импровизированного. Дело в том, что ранее в альбоме возникла шутливая переписка макароническими балладами (т. е., двуязычными, на смеси французского и латыни) между Карлом Орлеанским и его придворным поэтом Гийомом Фредэ: герцог желает новобрачному Фредэ не терять разума, выполняя супружеский долг, и не перетрудиться; тот учтиво и занудно отвечает, что, мол, да, конечно, а герцог велик и мудр. Вийонова баллада написана тем же макароническим стихом, и, судя по всему — импровизированно и наспех: одной строки не хватает, другая недостающая вписана после других строк, как правка (поскольку баллада — строгая стихотворная форма с фиксированным количеством строк и порядком рифм, подобные недочёты очевидны). Это своего рода комментарий, вклинившийся в чужую беседу, где достаётся в основном Гийому Фредэ.

Между тем, на рубеже XIX-XX в. общепризнанным и сверхвлиятельным авторитетом по Франсуа Вийону и его творчеству был Огюст Лоньон, как раз тогда готовивший новое академическое издание. Он же — почётный член или председатель редколлегий всех профильных журналов. Бейванк показывает свои выводы и черновик Лоньону; тот отвечает «бред!», и тут же включает в готовящийся сборник отдельно примечание: некоторые, мол, позволяют себе приписывать нашему поэту какие-то мутные тексты, но очевидно, что это совершенно не обосновано.

Следствия два: во-первых, издание Лоньона 1892 г. с тех пор считается академическим, воспроизводится почти без изменений, а любые дополнения, как текстологического, так и исторического характера, не ставят под сомнение список произведений. Во-вторых, Бейванк забрасывает статью. По счастью, черновик попал к его другу Марселю Швобу, а архивы Швоба — к Пьеру Шампьюну, крупному специалисту

по средневековой литературе. Шампльон проникся идеей и, видимо, пытался спорить с Лоньоном, но авторитет последнего победил. Вновь к вопросу возвращаются в 1960-х - 1970-х гг., и с тех пор авторство Вийона доказано, по совокупности известных и новых аргументов, ничуть не менее основательно, чем в отношении других его произведений (и уж точно более основательно, чем в отношении «Баллада на жаргоне»). Однако занимались этим итальянские, швейцарские и нидерландские исследователи (в их изданиях франко-латинская баллада входит в вийоновский корпус с 1970 г.), а французы продолжали следовать национальной традиции 1892 года. Отчасти это и до сих пор так: издание Лоньона остаётся основой для массовых переизданий и новых академических томов на протяжении всего XX века. В международных базах данных, однако, баллада числится вийоновской, а в престижнейшей французской книжной серии "Плеяда" она появляется в собрании сочинений Вийона, изданном в 2014 году.

Дальше — русская часть интриги, но тут всё просто. Переводчики опирались или на издание Лоньона или на последующие перепечатки. Так, заявленный как полное собрание двуязычный том Вийона 1984 года основан на французском издании 1969 г. (а в обзоре рукописной традиции издатели ссылаются на тетради Карла Орлеанского, но упоминают только о двух вийоновских стихотворениях оттуда, конкурсной балладе и послании к Марии Орлеанской). Другое полное на тот момент издание русского Вийона, 1998 г., опирается на сделанное в 1932 г. переиздание труда Огюста Лоньона.

В общем, неоткуда было взять балладу. Но она же есть. Впервые она публикуется на русском в сборнике, объединяющем стихи Вийона и его современников, в 2023 году — как и баллада Карла Орлеанского, с которой всё началось. Сам текст, возможно, не является вершиной творчества Франсуа Вийона, но интересен и как иллюстрация литературных нравов эпохи, и как необходимый элемент «полного» Вийона. Вместе с тем, перевод макаронических стихов является интересной и неочевидной задачей. Традиционно такой тип стихотворений, написанных на двух или трёх языках и весьма популярных в средневековой и ренессансной литературе, переводится на русский самым простым способом: собственное перевод затрагивает лишь один язык, всё остальное оставляется «как есть». Так, например, переводили вагантов и голиардов для классических советских изданий. У подобного подхода есть очевидные изъяны; прежде всего — он предполагает, что читатель одинаково хорошо владеет обоими языками,

иначе пропадает художественный эффект и чтение стихотворения превращается в разгадку ребуса. Скажем, читатель «Истории государства Российского» А.К.Толстого, вероятно, достаточно владел использованными там немецким и французским языками, - но современная аудитория вряд ли настолько же сведуща в латыни. Один из способов решения этой проблемы — замена средневековой латыни на явные латинизмы, которых в русском языке в избытке, или подбор тех латинских слов, которые интуитивно понятны носителю языка (как, вероятно, и многие латинские фразы для носителя среднефранцузского).

Итак, вот исходный "пост" Карла Орлеанского в этом двухтомном блоге (здесь и далее переводы мои — Я.С.):

Карл Орлеанский. Послание Гийому Фредэ

Совет примите *регулярис*

Для *матримония* любого:

Спеша к событию *финалис*,

Унять *нервозум* ретивого.

Всему *рефлексия* основа,

И *сапиенсом* быть пора! —

Внушают *веро* доктора.

Сперва: не стоит быть *вульгарис*,

Коитус вреден, право слово!

Как на *фемину* тут ни зарись,

Всё это *квази* нездорово.

Конъюга жаждет и готова,

Но жди, *толеранс*, до утра,

Внушают *веро* доктора.

Затем: ведь вы не *популярис*,

Чтоб с *Филомелой* — что такого? —

В кустах ютиться *пасторалис*!

И *соллиситорного* зова

Бегите, пусть и дама *нова*,

Уж лучше *бонус*, как вчера,

Внушают *веро* доктора.

Фредэ, мы начали *аб ово*,

Наречья *микстим* бестолково,

Но эта *логика* мудра,
Внушают *веро* доктора.

А вот камент писавшего на коленке с телефона Вийона (одну строку забыл, и потом поправил, другую забыл вовсе):

Франсуа Вийон. Франко-латинская баллада

Советов мудрых *пленитуда*,
Что в этой книге *консерваты*,
О *пасиенции*, покуда
Вы *актуалиенс* женаты.
Арденты часто дуроваты,
Со всеми *симильярно* так –
Но глух к *сиенции* дурак.

А вот *конклюзия* отсюда:
Ригор и *форса* лучше ваты!
И тут поможет *консветудо*
Не отвлекаться на *дебаты*,
Когда *конъюга* ждёт оплаты:
Не только этим *фиксум* брак –
Но глух к *сиенции* дурак.

Самсон, *вирилис* просто чудо,
Знал, чем *баталии* чреваты,
Когда Венера бьётся *нуда*:
И *магни* копыя будут смяты
[.....]
И *кворум* обновить внапряг –
Но глух к *сиенции* дурак.

Мой принц, нам истины *донаты*:
И *бравус* тут приспустит стяг,
На дне мы плохо *флюктуаты*, –
Но глух к *сиенции* дурак.

История вторая: о злоключениях Жана Ренье и его стихов

Другая история началась в 1430-х годах, и приключилась она с поэтом Жаном Ренье.

Жан Ренье (1392-1468) был чиновником герцогов бургундских, - балли, т. е., главой администрации, города Осер. В начале 1432 года Жан Ренье отправился, в составе небольшой дипломатической миссии, по делам герцогства в Руан. Всё это происходит в разгар Столетней войны, временами мало отличавшейся от гражданской, и во франко-бургундском пограничье захват пленников для выкупа становятся довольно постоянным бизнесом. На одну из французских то ли банд, то ли полурегулярных групп пограничной стражи и наталкивается посольство. Пленники препровождены в епископскую тюрьму в соседнем городке Бовэ (епископ не участвовал в набегах, просто сдавал камеры в аренду), за каждого из них назначен выкуп, а на родину отправлены слуги с требованием денег.

В заключении Ренье провёл почти полтора года. За это время его намеревались казнить как бесперспективного пленника (сумма выкупа была совершенно неподъёмной), потом перепродали специалисту по такого рода долгам, который держал его в цепях, на хлебе и воде. В тюрьме пленник пробует чем-то заняться, от приручения птиц до написания стихов — и со стихами стало получаться. Более того: жители (и особенно жительницы) провинциального городка, местный свет, завели моду посещать знатных и интересных пленников; Ренье стал посвящать много стихов местным дамам — что, вероятно, повлияло не некоторое смягчение его судьбы.

В конце концов всё завершилось благополучно: сразу денег не нашли, но Жан Ренье оставил в заложниках специально вызванных жену и сына, стал искать средства сам — и нашёл, через год выкупил семью, а потом ещё 30 лет возглавлял свой город к вящей славе герцогов бургундских. Но за время пленения он написал целую книгу стихов, лишь слегка доработанную в последующие годы: «Удачи и злоключения», где были перемешаны стихотворная хроника пленения, лирические зарисовки и посвящения бовэзийской знати. Литературный итог получился блистательный: с конца XIX века Жан Ренье считается одним из самых ярких и своеобразных поэтов своего столетия. Но до столь позднего читателя его текстам нужно было ещё добраться.

Собственно книга была рукописной — и существовала, видимо, в единственном экземпляре, пусть и переписанном набело и переплетённом. Проходит полвека, и внучатый племянник решает издать стихи предка — по крайней мере, издатель в 1526 году посвящает том именно этому дальнему родственнику поэта. Однако эпоха не способствовала популярности: во французской литературе происходит

ренессансная революция, всё прежнее объявляется устаревшим и замшелым, - и оказывается надёжно забыто на несколько столетий. Попытка сбросить с корабля современности эти "приправы, изрядно портящие вкус нашего языка", как характеризовал в 1549 году всю предшествующую поэтическую манеру Жоакен Дю Белле, оказалась удачной. Новая литература XVI века ориентируется на прогрессивные итальянские и нестареющие античные образцы.

Творчество Ренье заново обнаруживается благодаря местным краеведам, - в частности, аббату Лебёфу (1687-1760), который наткнулся на упоминания о поэте при написании монументальной истории родного края, - и принялся искать книгу забытого автора. Книга нашлась: она просто хранилась в семье как реликвия на протяжении нескольких поколений. 200 лет — наверное, не слишком большой срок для такой семейной памяти; вообще вся история получается какая-то очень семейная. Позже в библиотеках страны обнаружилось ещё несколько экземпляров, стихи Ренье стали публиковать; где-то с середины XIX в. к французской литературе возвращается историческая память, происходит переоткрытие средневековых авторов.

Последнее на сегодняшний день полное издание стихов Жана Ренье вышло в 1923 году, но во все антологии или хрестоматии, затрагивающие средневековую литературу, самые знаменитые его стихи включаются непременно. А два самых знаменитых стихотворения легко находятся и на большинстве французских сайтов любителей поэзии, наряду с более известной и более поздней классикой. Отдельные стихотворения Ренье, в рамках таких же антологий, переводятся и на русский — по крайней мере, с 1980-х гг.

Как бы то ни было, поэт оказался интересный и душевный. Причём в своём веке он почти как марсианин: о литературных модах, кружках, тенденциях и тусовках, скорее всего, и не подозревал. Писал, как получалось. Ниже — два примера (перевод мой — Я.С.).

Жан Ренье. И день, и год...

И день, и год, и жизнь благую
Не горе, но добро даруя,
Дай Бог прекрасной даме нежной,
Пославшей в щедрости безбрежной
Цвет незабудки, что люблю я.

Храню признательность, ликуя,
И одного в мольбах взыскую:
Судьба да будет безмятежной
И день, и год!

Я радость не растрочу все -
Едва ли многим я рискую,
Одно и то твердя прилежно.
Мое плененье неизбежно,
Но мчат невзгоды, вас минуя,
И день, и год!

Жан Ренье. Как означенный пленник, написав завещание, со всеми прощается

Предчувствую, что смертный час пробил,
И сломлен, обессилен я недугом,
И нет поддержки, как я ни просил,
Бог положил предел моим досугам,
Я с каждым распрощаюсь по заслугам,
Пока в разлуке разум не угас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Со всеми я прощусь, кого припомню,
Покуда не зашелся в страшной пляске,
В круженьи Смерти — будет нелегко мне
Пускаться в танец по ее указке,
И в сердце горечь, все идет к развязке,
И я держусь, но смерть сильнее нас -
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прекрасный герцог, доблестный властитель
Бургундии, Арраса, фландрский граф!
Приказов ваших верный исполнитель
Скончается, подмоги не дождав.
Уж год, как я тюремный чту устав,
Как волею судьбы я тут погряз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Сиятельная дама, герцогиня,
Дай Бог вам счастья, радости и сил!
На вашей службе, прежде и поныне,
Я только об одном судьбу просил -
Чтоб вас всечасно взор мой находил.
Ослушлива фортуна в этот раз -
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, рыцари, пажы, прощайте,
Прощайте, двор, придворные и знать.
Меня увидеть вновь уже не чайте,
Моих услуг вам боле не сыскать.
Прощай веселье, мне ли радость ждать,
Коль сердце в горечи никто не спас -
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, дамы, девы и девицы,
Прощайте, горожанки и торговки,
На вашу прелесть я любил дивиться -
Как милы вы, любезны, нежны, ловки,
А нынче нет ни крыльев, ни сноровки -
В темнице я безрадостной увяз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощай, Оксерр, прощай мой бедный город,
Служил тебе я верно много лет,
Но вот, судьбой военною поборот,
Стал жертвою и горестей, и бед,
И выхода отсюда больше нет,
И гибели суровый слышу глас -
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, досточтимые прелаты,
Живущие в Оксерре и в округе.
Бывал и я полезен вам когда-то,
Теперь прошу не отказать в услуге:
Молитесь Богу о почившем друге -
Господь иной поддержки не припас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Диаконы, кюре, весь добрый клир,
Чтецы, причетники и аколиты,
Миряне и отринувшие мир,
Монахи черные и кармелиты,
И проповедники, и минориты!
Пропеть заупокой даю наказ.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, моя милая супруга,
Послушайте последнее желанье -
Я вас прошу, сестрица и подруга,
И дале детям уделять вниманье,
На вас одну теперь их упованья,
Молитесь, чтобы душу Бог упас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Советники мои, я к вам привык
За всяким делом часто обращаться,
А нынче — как немой, в печали сник,
Хочу и с вами тоже попрощаться:
Я чую смерть - не буду обольщаться,
Ее красоты вижу без прикрас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, горожане и дворяне,
Прощайте, садоводы и портные,
Прощайте, и торговцы, и мещане,
Прощайте, плотники, мастеровые -
Я сам мастеровитей, чем иные,
Но беды навалились как-то враз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте все, кто занят ремеслом,
Прощайте все, кто пахотою занят,
И я себя почувствовал волом -
Несчастья и давят, и тиранят,
Гоняют день и ночь, гнетут и ранят,
И вижу смерть — она мой волопас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте с миром, жители Везле,
Оксеррцы, и иной окрестный люд.
Я вам служил в любви, не во зле,
Но мне недолго оставаться тут,
Моих баллад вам больше не споют,
Ведь сердце не мечтает про запас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Друзья прощайте, и прощай родня,
Кузены и кузины, дядьки, тетки,
Прощайте все, кто дорог для меня,
Соседи и соседские молодки,
Служанки, слуги, старшие, погодки -
И смерть вот-вот возьмет меня от вас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Пусть Никола, товарищ пленный мой,
И Дезире, когда пойдут на волю,
Моим друзьям отчет представят свой,
Расскажут все, что видели дотолле,
Оставшиеся, выпавшие доли -
Тут прояснится все для них как раз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощай мой сторож, Пьер Дюпьи, прощай,
С твоим семейством тоже распрощаюсь,
Прошу тебя всемерно, обещаю
Что пленникам другим, как я скончаюсь,
Ты весточку объявишь, не смущаясь -
Пусть помянут в молитве парой фраз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

И вы прощайте, жители Бове,
Соседи, мест окрестных обитальцы,
Хотя мы с вами даже не в свойстве,
Прощание примите от страдальца.
Вонзила в сердце смерть стальное жальце,
Я гибну, где следы былых проказ?
Прощайте, вот и пробил смертный час.

«БОЛЬНО ТОЛЬКО,
КОГДА СМЕЮСЬ»

актор раздела Лев Вайсфельд

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

Послевоенный одесский выпуск. До 2000 – Одесса. Сейчас – Нетания, Израиль.

Публикации в периодической печати, в альманахах. В 2011 – сборник стихов. В 2006 - Международный конкурс сатириков и юмористов – 1-е место в номинации «Афоризмы»

ПІДЕМ, РІВКА, ПІДЕМ, ЛЮБА

Підем, Рівка, підем, люба,
Готуватися до шлюбу.
Швидше двері відчини!
Та відчиниш ти, чи ні?

Хоча б швидко глянь в віконце:
Бачиш небо? Бачиш сонце?
Подивись, як я хорош...
Що, сподобався? Отож!

Скажи мені: хоч приблизно
Тепла в тебе є білизна?
Одягни її, як є,
Бо вже осінь настає.

Вийди, вийди, Ріва, з хати –
Підем в поле полювати.
Настріляємо качок
Та засмажемо. А що?..

Переспівів настріляймо –
Бо до столу це не зайво.
Ще й наточимо розсіл...
Буде справжній шлюбний стіл.

Якщо ж це недовподоби,
Якщо рідні – хоплофоби,
Зможем, люба, я і ти
Порибалити піти.

Хоч немає в мене звички,
Натягнемо риби з річки –
Зробимо гефіте фіш.
Тож виходь бодай скоріш!

Десь придбаєм цукру тонну,
Наженемо самогону.
Міцний – він народу люб.
Ще й міцнішим буде шлюб.

КОЛИ СПИШ, ТИ НІЧОГО НЕ ПРОСИШ

Коли спиш, ти нічого не просиш,
Навіть мозок мені не виносиш.
Готовий відкупитися готівкою,
Щоб стала доброзичливою дівкою.

Як на мене, ти лагідна, добра,
Але ж часом – розлючена кобра,
Буває достаєш мене – хоч вовком вий.
Вважаєш, надзвичайно я вибагливий?

Ти виводиш мене з рівноваги –
Сперечатись бракує відваги.
То можеш наректи мене потворою,
Цікавитись моєю мікрофлорою...

Рівка, фря, засинай-но скоріше,
Хай насняться тобі нові вірші.
Благаю тільки: ти не будь роззявою –
Зроби що-небудь, що поза уявою.

ВИЄ БІС НА ГОРИЩІ

Там хтось виє на горищі,
Тяжко позіхає.
Це котяра-гультяїще,
Чи біс його знає?
Дійсно! Біс дме на горищі,
Жах на всіх наведе.
Як дашник хижо свище,
Тупає – не ходє.
Щось тверезий я, бо мелю,
Що саме – не ясно.
То я, мабуть, замість хмелю
Актімелю хряснув.
Отож доля моя тяжка –
Може, хмелю вдути?
В цьому стані добра пляшка
Зайвою не буде.
Виє біс, реве, регоче.
Може, в нього криза?
Рівка, глянь, чого він хоче?
Рівка, йди до бісу!

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

Родилась и училась в Ленинграде. С 94-го - в США, в штате Колорадо. Публикации стихов и прозы в журналах "Новая юность", "Интерпоэзия", "Студия", "Дружба народов", "Вестник Европы" и др.

Воспоминание

Мы спирт разбавили компотом,
Что приготовлен был заранее.
...Как жаль, что этим эпизодом
Кончается воспоминание!

О гордости

Гляжу уверенно вперёд
И всем показываю кукиш.
За просто так меня не купишь!
А больше мало кто даёт.

Меланхолическое

Милая сторонка,
Лужа у дверей...
Как сказать ребёнку,
Что и он еврей?..

О старении

Хотя состариться согласна,
Склерозу сдаться не готова,
И детство помню очень ясно,
Не то своё, не то Толстого.

Поэтское

Трудна и беспокойна жизнь пиита.
Лежишь себе, разнежившись, в траве,

А твой Пегас уже стучит копытом,
И все по голове, по голове...

Поэтское-2

Художник кистью вдаль уводит тропы,
Закручен балериной пируэт,
А ты всё ищешь рифму к слову «жопа»,
Чтоб доказать себе, что ты поэт.

Философское

Как много важных истин в этом мире!
Я щедро людям сообщаю их.
Обычно дважды два даёт четыре
И редко – восемь, если два больших.

О любви

Хотела б я витиевато
Процесс любви обрисовать.
Но, к сожаленью, столько мата
Мне просто не зарифмовать.

О В. И. Ленине

В Мавзолее тишина навечно,
Никакая муха не жужжит.
Самый, понимаешь, человечный
Он у нас, когда вот так лежит.

Ещё о Ленине

Прекрасен душою, лицом и одеждою,
Любимец рабочих, декретов гарант,
Владимир Ильич жил с одною НАДЕЖДОЮ –
Надеждой на то, что увидит Арманд.

И ещё о Ленине

С субботника придя, Ильич запил
И с грустью думал только об одном:
Зачем я Надю на бревно сменил?
Она ж и так была бревно бревном.

Бессмысленное

– От мужиков сплошной дебош и пьянка.
Дитё я состругаю и одна, –
Пыхтела так слониха-лесбиянка,
Пока из мухи делала слона.

История одного эвфемизма

Спит Герцен после сабантуя.
Чу! Декабристы бьют в набат.
Он прошипел: «Какого х...!»
Но записал: «Кто виноват».

Религиозное

Я мыслей в голове храню немного,
Но точно не забуду одного:
Семья, конечно, нам дана от Бога
За то, что мы не верили в него.

* * *

Я себя люблю не за талант,
Не за ум и нрава неуёмность,
А за исключительную скромность,
Что сияет, будто бриллиант.

* * *

Помнишь, резвый, точно красный конник,
Был ты мой, силён и оголтел,
Самый необузданный поклонник?
Поклоняться, сволочь, не хотел!

* * *

Наш брак безоблачен и прочен.
К иным напрасно не стремись.
А если хочешь бурной ночи,
Попробуй пьяный заявись!

* * *

Нет, я без содрогания не вспомню,
Как подойдя к кровати изголовью,
Меня любил он в извращённой форме -
Одною платонической любовью!

* * *

Там, где море о камни бить
Не устанет с страстью абрековой,
Я б могла тебя полюбить.
В этом городе больше некого.

* * *

И у нас бывает разлад.
Ты уходишь, вздохнув устало.
Возвращайся скорей назад!
Я не всё далеко сказала!

* * *

Я любила бы Вас, мой милый,
До жары средь январских стуж
С неизведанной раньше силой!
Но, увы, возражает муж.

* * *

Я при виде мужчин горю,
Защемляет от страсти груди.
Почему я их так люблю?
Потому что ведь тоже – люди!

* * *

Не веря ни в честность, ни в святость обета,
Давно ощущаю подкоркою всей,
Что, если гора не идёт к Магомету,
Наверное, к ней приходил Моисей.

* * *

Не обладая статями Венеры,
Не будучи смирения примером,

Мне не влюбить в себя миллионера.
Вот так всегда везёт миллионерам!

* * *

На измены не жалею, не ропщу.
Без тебя неуютно, милый!
Возвращайся, я всё прошу.
Остальных я уже простила.

* * *

Говорила тебе раз тыщу,
И давно осознать пора:
Раз добра от добра не ищут,
Не ищи от меня добра!

* * *

Я не смолчу, не дрогну и не струшу,
Будь ты хоть друг, хоть сам любимый муж.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более, когда мне лезут в душ.

* * *

Ты напрасно при мне немеешь.
Будь естествен и груб, мужчина!
И люби меня, как умеешь
(Зря я, что ли, тебя учила!)

* * *

Сеяла долго довольно беспечно я
До абсолютной потери ума
Только разумное, доброе, вечное.
Всё и посеяла. Больше нема.

* * *

Ты мои стихи без интереса
Бросил в угол (до сих пор пылятся).
Хмыкнул: «Неужели поэтесса?
Чем докажешь?». . . И пришлось отдаться.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН.....	4
АСЯ АКСЕНОВА.....	10
ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ.....	14
ЛЮДМИЛА ВАЙНРИБ.....	20
БЕЛЛА ВЕРНИКОВА.....	25
НАУМ ВИНАРСКИЙ.....	31
РЕНАТ ГИЛЬФАНОВ.....	35
АНДРЕЙ ГРИЦМАН.....	40
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	42
АНДРЕЙ ГУЩИН.....	44
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	47
ИРИНА ЗАХАРОВА.....	49
ФАИНА ЗИЛЬП.....	54
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	59
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ.....	63
БАХЫТ КИНЖЕЕВ, АНДРЕЙ ГРИЦМАН.....	69
ЕЛЕНА КОГАН.....	73
ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ.....	77
ГАЛИНА КОМИЧЕВА.....	83
ЭЛЛИНА КОМХА.....	89
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	95
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	99
ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	105
ВИКТОРИЯ МОВЧАН.....	110
ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.....	115
ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ.....	121
ВАЛЕНТИН НЕРВИН.....	126
АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН.....	132
СЕРГЕЙ ПАГЫН.....	139
СЕРГЕЙ ПАНЦЫРЕВ.....	144
ДМИТРИЙ ПЕСКОВ.....	148
ДМИТРИЙ РЕВСКИЙ.....	154
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	160
ЯРОСЛАВ СТАРЦЕВ.....	165
АННА ТРИФАНОВА.....	170

СЕРГЕЙ ТЫШЕВСКИЙ.....	173
АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ.....	179
ЯКОВ ЦЕМЕЛЬ.....	184
ЛЮДМИЛА ЧЕБОТАРЕВА.....	192
ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ.....	198
ЕКАТЕРИНА ЧИНАРОВА.....	202
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	207

ПЕРЕВОДЫ

ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ.....	215
АЛИНА ЛАЦИННИК.....	222
АМИР НОЕПАРАСТ.....	228
ИВАН ПОЦЦОНИ.....	238

ПРОЗА

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА.....	242
НАУМ ВИНАРСКИЙ.....	/273.
ЕФИМ ГАММЕР.....	276
ДИНА ИЗМАЙЛОВА.....	300
ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА.....	304
ЮЛИЯ СТАРЦЕВА.....	329

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

МАРИЯ ВОЛЫНСКАЯ.....	337
АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР.....	348.
ВАДИМ МЕСЯЦ.....	355

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ И ДР. «Русский поэтический канон».....	358
ЕЛЕНА МОРДОВИНА.....	370
ЮЛИЯ СТАРЦЕВА.....	375
ЯРОСЛАВ СТАРЦЕВ.....	379

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД.....	391
НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	394

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ
ЮРИЙ ВАЙСМАН
ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ
НАТАЛЬЯ КРОФТС
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР